

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ПРОЦЕСС В. А. КРАВЧЕНКИ

РЕПОРТАЖ ИЗ ЗАЛЫ СУДА
ФОТОГРАФИИ. СТАТЬИ

П А Р И Ж

1 9 4 9

Copyright by N. Berberova
and les Editions de la Presse Libre (S.A.R.L.)

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ПРОЦЕСС В. А. КРАВЧЕНКИ

СУДЕБНЫЙ ОТЧЕТ.

«ПРАВО НА СВОБОДУ» — СТАТЬЯ ВЛ. ЛАЗАРЕВСКОГО.

«ИСТОРИЯ ПРОЦЕССА» — Н. Н. БЕРБЕРОВОЙ.

«МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ» — ПРЕДИСЛОВИЕ В. А. КРАВЧЕНКИ
К НОВОМУ ИЗДАНИЮ «Я ВЫБРАЛ СВОБОДУ».

8 ФОТОГРАФИЙ.

ПАРИЖ

1949

Виктор Андреевич
КРАВЧЕНКО.

МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ *)

Со дня моего приезда во Францию и в течение всего времени, пока длился мой процесс против газеты «Леттр Франсэз», я не переставал получать знамя дружеского сочувствия и внимания, безчисленное множество письменных изъявлений симпатии.

Меня просили выпустить новое издание моей книги, как память о борьбе, которую я вел, снабдив ее дополнительными страницами. Но я ни сегодня, ни завтра, не могу изменить ни одного слова и ни одной строчки в книге, которая вызвала столько страсти и столько ненависти.

Поэтому я только приложил к новому изданию факсимиле страницы моей рукописи, о которой мои противники говорили, что ее не существует и которую они требовали на суд с такой наглостью, что в конце концов, она потеряла всякую остроту.

Эта страница, приводимая в факсимиле, написанная на моем родном языке, вероятно не будет иметь большого значения для моих друзей-читателей французов. Для меня же она представляет ценность, так как напоминает мне мое тяжелое, драматическое положение, в котором я был, когда писал ее.

Я жил тогда в Соединенных Штатах в Мидл-Вестъ. Я нуждался и каждый день подвергался опасности. Я не мог без волнения вспомнить только что пережитые годы, и не мог вообразить себя будущее.

Глубокая вера в человеческую личность и в силу правды меня воодушевляла.

У меня была надежда, что настанет день и меня поймут. Но мог ли я предполагать, что мне предстоит вызвать из мрака лагерей и различных стран, живых людей, моих земляков, которых я думал, что оставил навсегда, и которые явились публично подтвердить, своими бесспорными свидетельствами, правду того, что было мной написано, в одиночестве и неизвестности?

Нѣтъ, я не мог предвидѣть, что настанет день, когда перед свободным судом произойдет схватка между защитниками свободы и представителями СССР — истинными врагами прогресса и их блѣдными, злобствующими последователями.

Показанія моих свидетелей подтвердили мною написанное, они в особенности подчеркнули актуальность всѣх вопросов, которых я касался нѣсколько лѣтъ тому назад.

Таким образом, вслѣдствіе узнал о грозящей міру опасности.

Но не достаточно только информировать: главная опасность лежит в самом современном обществѣ, она лежит в СОЦІАЛЬНЫХ ЕГО ПРОТИВОРѢЧІЯХ, из которых вырастают силы мирового коммунизма.

Мы должны во что бы то ни стало разрешить эти противорѣчія, но исключительно демократическими методами, ибо если это будет сдѣлано иначе, мы погрузимся в мір столь же страшный, как тот, который я описал в моей книгѣ.

Но пока живы и цѣлы индивидуальная свобода, право высказыванія и свобода мысли, наше общество будет всегда сильнѣе всѣх совѣтских диктатур.

Ради этого дѣла Свободы я боролся и буду бороться в будущем.

Виктор Кравченко.

*) Впервые воспроизводимый, с разрешения автора, русский текст предисловія к только что выпущенному новому французскому изданию книги «Я выбрал свободу». (Изд. Сельф).

Зал суда. Первый день процесса. Явка свидетелей. Слева направо: Кравченко, мэтры Альперович, Изар и Гейманя. Свидетели обеих сторон: Тома, Пасъчник, Кизилю, Кревсун, полк. Маркъе, Марченко и друг. Впереди, справа, сидят: переводчик «Лэттр Фрайсэз», гг. Морган и Вюрмсер. За ними — их адвокаты: Нурдманн, Брюгье и Блюмель. Направо, в первом ряду публики — корреспондент «Русской Мысли» — Н. Н. Берберова.

ПРАВО НА СВОБОДУ

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

*“Не соглашайся жить ни без свободы,
ни без закона”... Э с х и л.*

В иностранных газетах пришлось нам прочесть, что дѣло Кравченки — “самый большой процесс вѣка”. Мнѣніе это было бы безспорным, если бы на скамьѣ подсудимых находился совѣтскій режим, а не г. г. Вюрмсер и Морган — что и позволило противникам Кравченки все время тащить предмет спора в сторону от большой дороги, в тупики бесплодных препирательств. И чѣм мѣрить “величину” процесса? К тому же и бурный вѣк наш даже не перевалил еще за середину. Но одно несомнѣнно: процесс этот — *процесс вѣка*. В нем впервые перед европейским правосудіем был поставлен — хотя и в вавуалированном видѣ — вопрос об основных устоях, на коих зиждется общежитіе современнаго цивилизованнаго человѣчества...

Послѣ драматических пререканій на судебном слѣдствіи, послѣ обличеній и контр-атак, послѣ ужасов, рассказанных свидѣтелями Ди-Пи, — публикѣ (и присутствовавшей на судѣ, и читавшей отчеты) показалось каким-то отвлеченным и как бы спектрально-блѣдным заключеніе прокурора. А между тѣм в нем содержался глубокий разрѣз процесса, обнаруживалась самая его сердцевина. Она — в вопросѣ:

— Достоино ли современное человѣчество Свободы?

**

Для Европы и міра день 11 ноября 1918 г. был днем безудержной радости, всеобщаго ликования. Незнакомые люди цѣловались на улицах Парижа, Лондона, безчисленных городов и деревень, гремѣла музыка, взлетали фейерверки, и не только на землѣ, но и на сѣверных и южных морях, на огромных пароходах и малых суденышках люди пили и плясали всю ночь.

Молчала только Россія. В ней разгоралась братоубійственная война. Первые вереницы изгнанников покидали ея предѣлы. И горька была нам чужая радость — не только потому что на пару мы были

чужіе, но и потому, что если мы и не знали, то чувствовали, что общее ликованіе было преждевременно.

Красный смерч, охватившій нашу Родину, угрожал и всему человечеству. Но кто на Западѣ видѣл это? Подобныя мысли казались тогда западнымъ людямъ смѣшнымъ и жалкимъ бредомъ!

Кончилась неудачей Бѣлая борьба. Власть Ленина утвердилась в Россіи. Непрiявшіе большевизма русскіе изгнанники, которымъ удалось спасти свою жизнь и обосноваться в Европѣ и Америкѣ, преодолевая многообразныя трудности и препятствія, приложили много усилій к тому, чтобы открыть глаза людямъ Запада на сущность большевизма, на его злодѣянiя и на ту опасность, которую он в себѣ несет для всего человечества. Какъ плохо были поняты, какъ мало были оценены эти усилія! Ибо множество эгоистическихъ интересов и множество прекраснодушныхъ иллюзій работали в пользу большевиков.

Значительная часть западной интеллигенціи увидѣла в большевизмѣ “зарю новой жизни”, средство для обновленія “клонящейся к упадку цивилизаціи”. Эта теорія стала модной — и увлекла большую часть западной аристократіи и умственной “элиты”. Мелкая буржуазія, в силу своего реализма, не поддавалась такимъ настроеніямъ, но она оставалась равнодушной к трагическимъ событіямъ, развертывавшимся гдѣ-то за тридевять земель, — событіямъ, которыя ея ни с какой стороны не касались! Рабочія же массы легко поддавали под влияніе ком-

Ольга МАРЧЕНКО дает свои показанія. Слева направо: мэтр Гейтман, украинскій переводчик, Ольга Марченко, мэтр Блюмель и Вюрмсер.

В. А. КРАВЧЕНКО в залѣ суда говорит о своей рукописи.

мунистической пропаганды, на организацію которой кремлевскіе гваріи не жалѣли сил и средств.

Короче говоря, в западном общественном мнѣніи не возникло ни одного сколько-нибудь сильнаго течения, которое оказало бы энергичный отпор большевицкой работѣ. И руководящіе политическіе круги Запада, в своем отношеніи к совѣтской власти, основывались исключительно на соображеніях, опредѣляемых ближайшими политическими и экономическими интересами. Совѣтская власть разсматривалась как фактор текущей политики. Какіе-либо мотивы моральнаго порядка в расчет не принимались.

Побѣжденная Германія была первой страной, которая в своей международной игрѣ полностью оперлась на большевиков. Но и правительство Ллойд-Джорджа, не без удовлетворенія наблюдавшее русскую катастрофу, не колеблясь вступило в сношенія с совѣтской властью, слѣдуя примѣру венеціанской республики, вожди которой на упрек в том, что они ведут торговлю с Тамерланом, отвѣтили: "Мы сперва венеціанцы, а потом христіане!" Глава англійскаго правительства высказал ту же мысль в аналогичной формулѣ: "Можно торговать и с каннибалами!"

Но Германія и Англія не были одиноки. Фашистская Італія, всѣми способами стремившаяся к экономической экспанси, также завела с совѣтской властью тѣсныя сношенія. И благодаря всему этому большевики очень быстро вошли в орбиту международной

жизни. Они широко использовали всё открывшіяся перед ними возможности. Они явились на международныя конференціи, во дворцы монархов и в кабинеты министров, в великосвѣтскіе салоны, в кабинеты банкиров и промышленников, в “передовыя” артистическія общества, салоны и кружки... и на рабочіе митинги...

Всѣ эти министры, банкиры, артисты, аристократы пришли в совѣтскія посольства, и на “годовщинахъ октября” ѣли русскую икру и пили французское шампанское во славу міровой революціи...

Тѣмъ временемъ подъ высокимъ покровительствомъ Москвы: основывались, развивались и крѣпли коммунистическія партіи и дѣятельно формировались “пятыя колонны”.

Но, можетъ быть, еще большую опасность нежели эти “пятыя колонны, таила в себѣ та моральная коррупція, которую несли с собою большевики в духовную, политическую и хозяйственную жизнь міра.

Отчасти по эгоистическимъ разсчетамъ, отчасти по идеалистической близорукости, люди Запада широко открыли двери моральной интервенціи большевиковъ.

Самый режимъ современной демократіи не давалъ возможности публичнымъ властямъ противопоставить коммунистической акціи нормы позитивнаго права. Для противодѣйствія ей нужно было мощное общественное движеніе. Но западный міръ далекъ былъ от сознанія опасности!

**

И однако, в предупрежденіяхъ недостатка не было! Каждый годъ появлялись статьи и книги, уже не только старыхъ эмигрантовъ, но и новыхъ пришельцевъ, бѣжавшихъ “оттуда” или посланныхъ за границу совѣтскою властью и порвавшихъ с нею. Появились Безсоновъ, Бажановъ, Черпавинъ, Солонепичи, Бесѣдовскій и другіе, имена которыхъ забылись. Былъ изгнанъ и сталъ врагомъ сталинскаго режима Троцкій. Продолжали выходить и книги старыхъ эмигрантовъ, в том числѣ книга автора этихъ строкъ и обстоятельный трудъ Н. Базили. Книги эти покупались, читались и тотчасъ же забывались, производя эффект... камня, брошеннаго в воду!

А большевики тѣмъ временемъ продолжали свою упорную и энергичную работу, всюду закладывая мины, которыя должны были, в удобный моментъ взорвать “буржуазный міръ”. Они не останавливались передъ физическимъ устраненіемъ враговъ, которыхъ они считали особо опасными. Вспомнимъ убійство Навашина, похищеніе генераловъ Кутепова и Миллера...

В личномъ архивѣ Ленина, среди неопубликованныхъ матеріаловъ ленинскаго музея, есть записка Ильича, составленная имъ по поводу учрежденія комиссаріата въѣзпней торговли. В ней онъ весело глумится надъ министрами и банкирами Запада, называя ихъ “глухонѣмыми” и заявляя, что “глухонѣмые” будутъ содѣйствовать заграничной работѣ большевиковъ, трудясь надъ сооруженіемъ орудій собственной гибели.

В годы, непосредственно предшествовавшіе второй міровой войнѣ,

“глухонѣмые”, гипнотизированные страхом перед гитлеровской Германией, обрѣли в СССР оплот международного мира и в дѣлѣ сопротивленія воинствующему расизму увидѣли лучшаго союзника в главарях мировой революціи. Отсюда тегеранское и ялтинское соглашения, отсюда — иллюзіи, связанные с рожденіем Организациі Объединенных Націй... Иллюзіи, породившія новую серію кровавых трагедій — когда невинные люди, облыжно заклеянные незаслуженной кличкой “измѣнников” — выдавались на расправу палачам!

Но кровь невинных — как это всегда бывает — не была пролита напрасно! Она принесла “глухонѣмым” начало исцѣленія.

Внѣшнія обстоятельства этому содѣйствовали. Вѣдь перед глазами западнаго міра появились не только миллионы людей, бѣжавших от безчеловѣчнаго, кроваваго режима! Арміи Политбюро и Коминформа вышли из предѣлов СССР, и желѣзный занавѣс придвинулся вплотную, перейдя рубежи Западной Европы. А внутри западных стран коммунистическія партіи, еще недавно ничтожныя, выросли в крупныя формирования, тяжело давящія на политическую и социальную жизнь Запада.

И, наконец, западный мір, в большей или меньше мѣрѣ испытавшій гнет нацистскаго режима, получил опыт, нужный для пониманія сущности другой формы тоталитаризма. Мір увидѣл черную подкладку дьявольскаго плаща, — и теперь он лучше может понять, что его ожн-

Коммунистическій депутат Фернан ГРЕНЬЕ дает свои показанія.
В. А. Кравченко ему возражает.

даёт, если плащ этот накроет его другой своей стороной — кроваво-красной...

Уши “глухонемых” отверзлись. И они, глухие к стольким предупреждениям, услышали свидетельство Кравченки!

Именно в этом смыслъ глубоко вѣрно замѣчаніе мэтра Изара. Не только Кравченко выбрал свободу: Свобода выбрала Кравченку, чтобы свидетельствовать о себѣ.

Извѣстна формула, согласно которой “Революція пожирает своих дѣтей”. Так это и случилось — и во Франціи, и в Россіи. Но здѣсь другое. Кравченко — дитя революціи — ополчился на совѣтскій режим. И может быть именно то обстоятельство, что в книгѣ Кравченки почти нѣтъ намёка на вынесенный из революціи *духовный опыт* российских народов — его свидетельство было легче воспринято Западным миром!

**

Французскій суд отказался вынести оцѣнку существующаго в СССР режима. Но он указал принципы, из коих эта оцѣнка должна исходить. Произвести оцѣнку — дѣло мірового общественнаго мнѣнія и дѣло правительств. В значительной мѣрѣ это уже сдѣлано, о чем свидетельствуют и послѣдняя сессія ООН, и Атлантический пакт. Но остается завершить начатое.

Суд признал Кравченку глашатаем свободы. Весь западный мир должен признать за российскими народами право на свободу. Этим признаніем Западный мир утвердит и за собою это слященное право. Ибо только союз его с российскими народами в дѣлѣ защиты Свободы обеспечит ему побѣду с наименьшими жертвами и принесет человечеству моральное возрожденіе и матеріальное благополучіе.

Вл. Лазаревскій.

ИСТОРИЯ ПРОЦЕССА

ФРАНЦУЗСКИЙ перевод книги В. А. Кравченко "Я выбрал свободу" вышел в 1947 году, и тогда же получил премию Сент-Бева, одну из многочисленных французских литературных премий. 13 ноября 1947 года, в про-коммунистической еженедельной газете, "Леттр Франсез", была напечатана корреспонденция, подписанная "Сим Томас", присланная, якобы из Америки, под названием "Как был сфабрикован Кравченко". В этой статье автор, американский журналист, рассказывал о своей встрече и беседе с новым агентом ОСС, т. е. американской секретной службы. Этот агент открыл журналисту "тайну книги Кравченко".

"Чаплину (рассказывал агент Симу Томасу) явилась мысль заказать Кравченко книгу. Кравченко с удовольствием принялся за работу. В несколько месяцев он родил около шестидесяти страниц, онъ были неудобочитаемы и пикуда не пошлись. Мы их показали однажды, как курьез. Но в то время, как мы их показывали, Кравченко, как писатель, был уже забыт: книга в 1000 страниц, подписанная его именем, была сфабрикована нашими знакомыми меньшевиками. После говорили, что Кравченко никак не показывается, так как жизни его грозит опасность. Скорее — он прятался, потому что не был автором книги, о чем даже самые большие дураки могли при личном знакомстве легко догадаться".

Кравченко, узнав об этой статье, сейчас же привлек к суду французскую газету. На основании ст. 92, 32 и 33 закона 29 июля 1881 года и допечения, сдланного 6 мая 1946 года, он требовал с "Леттр Франсез" три миллиона франков.

Через восемь дней газета уже опубликовала список своих свидетелей, которых она вызывала на процесс, ей чиненный. В такой короткий срок она успела слестись не только с Америкой, но и с СССР. Свидетелей было около сорока.

Дело было назначено к слушанию в июль месяц, но тут выяснилось, что главный обвиняемый, автор лиффамаціонной статьи, Сим Томас, явиться на суд не может, и возникли первые сомнения в его реальном существовании. Таким образом, на редактора еженедельника пала вся ответственность. Этим редактором был Клод Морган, писатель, чье имя до войны было мало известно. Во время резистанса он, вместе с другими товарищами, начал печатать газету "Леттр Франсез", которая выходила тайно во время немецкой оккупации.

Но со времени первой статьи Сима Томаса до июля 1948 года, другой редактор газеты, Андре Вюрмсер, тоже писатель и критик, продолжал оскорблять Кравченку в своих статьях, так что Кравченке пришлось привлечь к суду и его. Залог для иностранца, затывающего процесс во Франции, был исчислен судом в два миллиона франков, и Кравченко его внес. За несколько дней до процесса, который вторично был назначен на январь 1949 г., его протязники пытались оттянуть дело, заявив, что залог был внесен слишком поздно, но Кравченко, проїхавший во Францію строжайшим инкогнито, внезапно созвал пресс-конференцию и объявил, что намьрен процесса не откладывать.

13 января "Лэтр Франсэз" обратился во французское министерство иностранных дел с просьбой дать въездные визы 16-ти советским свидетелям и трем, живущим в Америке и Англии. Визы эти тотчас были даны. Однако, свидетели из Москвы явились только в последнюю минуту перед выступлением в суд, когда процесс уже был начат, и лишь в количестве пяти человек. Свидетели же Кравченки, количеством больше 20-ти, были заблаговременно привезены из Германии, где они проживают в качестве "Ди-Пи" в американской, английской и французской зонах.

Как выяснилось позже, адвокаты Кравченки и он сам получили больше 5.000 предложений от новых эмигрантов приехать свидетелем на процесс. Из этого количества были выбраны люди, знавшие Кравченку или знавшие его первую жену, Зинаиду Горлову, или жители Днѣпропетровска и Харькова, которые могли лучше других помнить условия жизни, описанные в книге. Таким образом, в Париж приехали всевозможные соратники Кравченки, его учитель по Харьковскому институту, колхозники, раскулаченные в 1931—32 гг., студентка-медичка, учившаяся вместе с З. Горловой в свое время, и другие лица. Часть из них говорила по-русски, часть по-украински. Инженер Борнэ и г-жа Малоз говорили по-французски, как и лейтенант Муанэ.

Приехавшие из Германии остановились в гостинице Сен-Роман, на улице Сен-Рош. Их привозили на суд в специальном автокаре. Постепенно, по мере дачи показаний, они возвращались в Германию. Жена известного немецкого коммуниста, Неймана, г-жа Маргарета Бюбер-Нейман, была выписана из Стокгольма. Она показывала по-немецки.

Число свидетелей, которых выставила французская газета, постепенно уменьшалось. Среди них были коммунистические депутаты, писатели, журналисты, резистанты, генералы и пр. Из СССР, в концѣ концов, прибыло — как уже было сказано — всего пять человек. Это были первая жена Кравченки, Зинаида Горлова, генерал Руденко, инженер Романов, инженер Василенко и инженер Колыбалов. Горлова и Колыбалов через несколько дней послѣ показаний на судѣ вернулись в Москву. Остальные вылетѣли обратно на самолетах через Прагу 12-го марта.

Дѣло должно было слушаться в 17-ой камерѣ сенского исправительного суда, но так как зал этой камеры слишком мал и ожидалось большое стечение публики, то 17-ая камера перешла на все время процесса в зал 10-ой камеры, как самой большой. Этот зал вмещал около 300 человек, сидящих и стоящих очень тѣсно друг к другу. Три огромных окна выходили на набережную Сены, на юг, так что в солнечные дни приходилось спускать жалюзи от яркого свѣта.

Председатель Дюркгейм и двое судей сидѣли, как обычно, на возвышеніи. Третий судья (запасной) сидѣл тут же за столом. Слѣва от председателя, тоже на возвышеніи, находился прокурор Буассак, человек еще молодой; за ним были размѣщены рисовальщики и художники. Справа от председателя сидѣла французская пресса, по другую сторону, ниже прокурора — представители французских и иностранных телеграфных агентств. Перед столом председателя и судей происходило самое дѣйствие: справа, лицом к председателю, размѣстились отвѣтчики, слѣва — истец: Кравченко, его личный переводчик и два его адвоката, мэтры Жюрг Изар и Жильбер Гейцман, а напротив них — гг. Вюрмсер, Морган, их переводчик и четыре адвоката: мэтры Нордманн, Блюмель, Матирассо и Брюгье. Между сторонами находился "барьер", то-есть короткія перила, к которым вызывались свидетели.

Затѣм, уже в самом залѣ, сидѣли иностранные журналисты (около ста), адвокаты (человек 50) и гости: жены председателя, судей и адвокатов, члены дипломатического корпуса и др. В концѣ зала был высокий деревянный барьер и за ним стояла публика, которой было не меньше 70—80 человек, и которая приостанавливала часами в очень большой тѣсногѣ и духотѣ.

Человек десять жандармов в формѣ и много полицейских в штатском занимали свои мѣста заблаговременно. Фотографы являлись тоже ранѣе

других и устанавливали свои аппараты. Киносъемки были запрещены. Во втором часу появлялись ответчики и их адвокаты. Затѣм раздавался звонок. Из главной двери появлялись Крамченко, его переводчик, и переводчик трибунала, г. Андронников, адвокаты Крамченко, в сопровожденія помощников, несших "дѣло" — три огромныя папки, чемодан, сабволж и портфель, а затѣм появлялся трибунал, и публика вставала со своих мѣст, как полагаются во всем мирѣ.

Контроль был очень строгій, адвокатовъ выпускали только в тогах, журналисты должны были имѣть личную карточку с фотографіей. Желающих проникнуть в зал было в три раза больше, чѣм можно было впустить. Из иностранных журналистов были представители всѣх без исключенія больших газет: г. Сандберг из Амстердама, г. Винде из Стокгольма, г. Матьюс из Лондона и т. д. Среди французских журналистов можно было видѣть ежедневно: Пьера Сиза (из "Фигаро"), представителей "Орор", "Эпох", "Юмани-тэ" и т. д. Постоянных представителей русской антикоммунистической прессы, кромѣ пишущей эти строки, не было.

В. А. Крамченко в перерывѣ не выходил на широкую мраморную дѣстницу, куда выходили всѣ остальные. Он уходил в специальную комнату, гдѣ с переводчиком и своими адвокатами, продолжал заниматься процессом. Очень часто его задерживала публика в самом залѣ: он подписывал свою книгу, которую ему подавали, стоявшие в очереди к нему поклонники и поклонницы. Нѣкоторые приносили фотографіи, и он подписывал в их. С публикой он иногда перекидывался нѣсколькими словами по-англійски.

Мэтр Жюрг Изар, адвокат Крамченки, — бывшій социалистическій депутат департамента Мерт-и-Мозель (1936—1940). Он был делегатом группы резистанса во временной Ассамблеѣ (1944—1945). Кавалер военного креста, медали Резистанса и Почетнаго Легіона, он автор книг "От Маркса к марксизму" и "Человѣкъ революціонер". Он уже вел в своей жизни нѣсколько диффамационных процессов. Мэтр Жильбер Гейцман — адвокат еще молодой. Во время войны он был в нѣмецком плѣну.

Дѣло Крамченки началось слушаніем 24 января 1949 г. Предполагалось, что оно продлится 9 дней. Оно закончилось 22 марта, послѣ 25-го засѣданія. Приговор был вынесен через 10 дней.

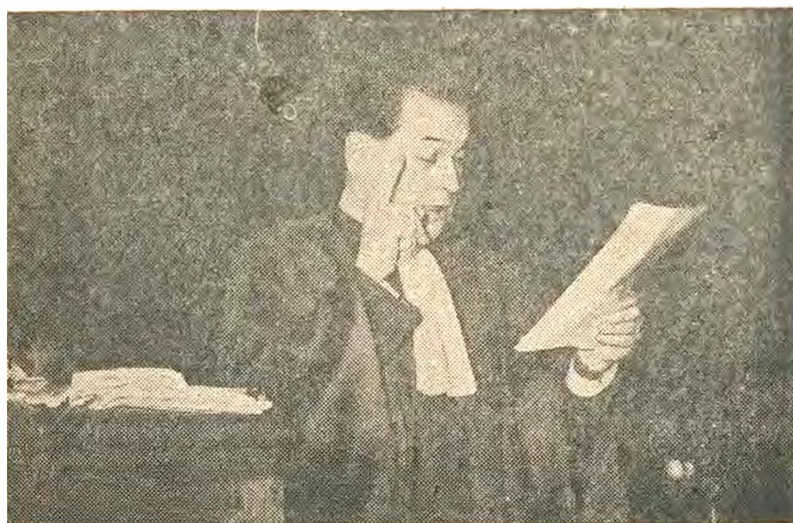
Предлагаемый читателю репортаж не есть стенограмма процесса. Записанный непосредственно в теченіе 25-ти засѣданій суда, он занимает немногим болѣе ста страниц, в то время, как стенограмма тѣх же 25-ти засѣданій занимает болѣе 2.000.

Поэтому, автор репортажа запанѣ просит простить его, если его работа покажется недостаточно полной. Непосредственная запись, конечно, не может конкурировать с записью стенографической, но у нея есть перед этой послѣдней одно преимущество: она, схватывая самое главное, старается быть живой.

Н. Берберова.

Мэтр ИЗАР возражает противной сторонѣ.

Мэтр ГЕЙЦМАН читает важный документ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

ДЕСЯТАЯ исправительная камера Сенсана суда никогда не видела такого наплыва публики. В 1 час дня всё скамьи полны: журналисты французские и иностранные, адвокаты, публика, фотографы, художники.

В высокія окна бьют солнечные лучи яркаго зимняго дня. Здѣсь, в залѣ, вспыхивает магній, шелкают аппараты. Цѣпь жандармов провѣрять пропуски.

В без четверти два предсѣдатель Дюнгейм и судьи занимают свои мѣста.

Кравченко со своим адвокатом и редакторы "Лэтт Франсэз" — уже в залѣ. На лѣстницѣ Кравченко был встрѣчен аплодисментами.

Мэтр Жорж Изар, один из лучших адвокатов парижскаго баро, мэтр Гейцман и два его помощника ластают громадные папки с "дѣлом".

Прежде, чѣм огласить статью французскаго ежеедедьника, оскорбившія Кравченку, пропускаются свидѣтели: первая группа — знаменитыя французскія имена, чина, вызванныя поддержать своим авторитетом коммунистическую газету. Среди них: Жюлио-Кюри, Веркюр, Жан Кассу, Квотал, Гранье, Мартен Шоффье. Свидѣтели из СССР еще не прибыли — их привезут ко дню их показаній.

Затѣм — группа иного вѣла: изможденныя лица, платочки, поно-

шенныя пальто. Это — новыя эмигранты, люди, как и сам Кравченко, "выбравшіе свободу", невозвращенцы, выписанные на процесс из Германіи. Среди них: инженер Кизило, Кривсув, Силенко, Горюнова, Семен и Ольга Марченки, Николай Лаговскій и т. д.

Ген. Руденки, брата прокурора нюрнбергских процессов, одного из главных свидѣтелей против Кравченки, вѣт.

Послѣ того, как переводчиков привели к присягѣ, предсѣдатель читаетъ статью редактора "Лэтт Франсэз" Вюрмсера и сотрудника Сима Томаса. В них, как уже извѣстно, В. А. Кравченко обвиняется, во-первых, в том, что писал книгу не сам, а во-вторых — что он субъект амональный, пьяница, предатель своей родины и куплен америкапской развѣлкой. Кромѣ того: в книгѣ его сплошная ложь.

Предсѣдатель: Я предупреждаю вас, господа, что, по закону, не Кравченко должен доказать, что в книгѣ его — правда, но вы должны доказать, что он написал ложь.

Блѣдный, как полотно, Вюрмсер и красный, как кумач, Клод Морган, пытаются сразу же напасть и напоминают, что книгу Кравченки цитировал Геббельс в 1944 году и что, таким образом, Кравченко — колаборант.

Но предсѣдатель предоставляет слово Кравченѣ.

ДЕКЛАРАЦІЯ В. А. КРАВЧЕНКИ

— Я СЧАСТЛИВ быть во Франціи, — сказал автор нашумѣвшей книги, — Америка спасла мнѣ жизнь. Я прошу французскій суд возстановить мое доброе имя. Я прошу не толь-

ко осудить моих клеветников, но и назвать их вдохновителей. Я оставил на родинѣ, которую горячо люблю, близких и родных. Я не знаю, что с ними случилось. До этого, я никогда за-границей не был и ино-

странных языков не знал, у меня не было никого, когда я порвал с советским режимом. И все-таки, я сдѣлал это, потому что я должен был сказать міру о том, как страдает мой народ.

Страданія этого народа, м о и страшныя личныя разочарованія и ужасы режима привели меня к этому рѣшенію. Не я рѣшил — дѣйствительность рѣшила за меня.

Милліоны людей хотѣли бы сдѣлать то, что сдѣлал я, и среди тѣх свидѣтелей, которых Политбюро пришлет на мой процесс, будут люди, которых я знаю, которых я знал, и которые думают, как я, но у них остались заложники в Москвѣ, их жены и дѣти, и они ничего об этом не скажут.

То, что я сдѣлал, я сдѣлал и для русскаго народа, и для всего міра, чтобы всѣ люди знали, что советская диктатура есть варварство, а не прогресс.

Я — сын и внук рабочаго. Я сам рабочій. Из рабочих я поднялся на советскіе верхи. И теперь я говорю советской власти:

Вы украли революцію.

Вы научили русскій народ страху.

Вы задушили его террором.

Вы украли у него его побѣду над внѣшним врагом.

Вы грозите міру неслыханным ужасом новой войны.

Вы грозите ему оружіем мірового коммунизма.

(Переводчик переводит р ѣ ч ь Кравченки; зал. затаив дыханіе, слушает его).

— Весь мир научили вы страху! Вы сорвали мир! Мнѣ хочется сказать французскому н а р о д у: коммунизм враг ваш. Опомнитесь, пока не поздно! Кремлевскіе владыки — Канны рабочаго класса. Боритесь за лучшую жизнь демократическими, а не коммунистическими способами. Рабочіе, крестьяне, интеллигенты Франціи, жертвы моего народа будут напрасны, если вы не повѣрите мнѣ!

Затѣм Кравченко переходит к самому процессу:

— Цѣль моих врагов, — говорит он. — меня исплачнать. Цѣль моей жизни — борьба с коммунизмом.

Но грязь — обычный пріем Политбюро. Книга моя имѣет успѣх и потому в меня кидают клеветой.

Французскіе коммунисты — слуги Кремля. Я никогда ничего не писал против Франціи, но я писал против их хозяев. Пока я был в Россіи, эти хозяева хвалили и выдвигали меня, и даже послали меня за-границу. Но теперь, когда я порвал с режимом, меня называют предателем и вором.

В Россіи меня не могут опорочить, меня слишком многіе знают там. За четыре года в прессѣ СССР не было ни одного слова обо мнѣ, но здѣсь дано задание опорочить меня. “Сим Томас” — которого не существует — только ширма. Кремль дѣлает дѣло руками своих рабов, французских коммунистов.

Для этих людей Америка — это только Уолл-стрит. Для меня Америка — большая демократія.

Пусть докажут, что я оплачен американской секретной службой! Меня называют предателем, и я попадаю в хорошую компанію, ибо предателями называют в Москвѣ Леона Блюма, Бевина, Эттли и Трумана. Только Торез, Тольяти и сам Сталин — честные люди.

Переходя к своему разрыву с СССР, Кравченко говорит:

— Это случилось в апрѣлѣ 1944 года. Если бы я был фашист и гитлерист, меня бы выдала Америка. Я был и остаюсь русским патриотом; пока моя страна была в войнѣ (хотя бы и союзницей Соединенных Штатов), я отказался выдать американской прессѣ какія бы то ни было свѣдѣнія касательно военно-экономическаго положенія моей страны. В 1940 году, когда я был на фронтѣ, Торез сидѣл в Москвѣ под крылышком у Сталина.

(Тут адвокат Вюрмсера, мэтр Нордманн, требует с большим уваженіем говорить о французском государственном дѣятелѣ. Громкій смѣх в залѣ).

— В то время Сталин был другом Гитлера, и французскіе коммунисты были за него, потому что они не слуги французскаго народа, но слуги Москвы. Теперь мнѣ говорят, что нѣмецкія газеты использовали мои статьи. Но в 1939-40 гг. нѣ-

мецкія газеты использовали рѣчи и статьи Молотова!

Пусть меня не упрекают в преувеличеніи, когда я говорю о советском строѣ. Помните, что вы называли преувеличеніем рассказы: о нѣмецких концлагерях смерти и крематоріях, и это оказалось правдой. Я буду говорить о режимѣ, не смѣшивая его с русским народом: Сталин и Молотов приходят и уходят, а Россія будет жить вѣчно. (Движеніе в залѣ).

— Вы увидите моих свидѣтелей. Это люди без родины. Они отказались от всего, они выбрали голод. Они знают, что их родные будут замучены, но они будут говорить прав-

ду. Они любят свою родину, и скажут вам, почему они остаются здѣсь. Они, как я, предупредят міа об опасности, ему грозящей, они как я, готовы пожертвовать жизнью в борьбѣ. Я ищу борьбы!

Нѣсколько слов посвящает Кравченко вопросу о денежных средствах. Процесс стоит дорого, но книга принесла ему деньги. Он ведет процесс на свои собственные деньги. Он ничего не получал от американских властей. Его издатель находится в залѣ и может подтвердить, что книга его переведена на 22 языка.

— Гдѣ сила добра, и гдѣ сила зла — это вам надо рѣшить! — заканчивает Кравченко свою рѣчь.

РѢЧЬ КЛОДА МОРГАНА

Редактор "Леттр Франсэз", Клод Морган, воднуясь и краснѣя, пытается свернуть на совершенно новую дорожку: он говорит о "резистансѣ". С пафосом вспоминает он о разстрѣлянных нѣмцами соратниках, о том, как возникла "Леттр Франсэз" и как трудно было издавать ее во время оккупации. Декур, один из ее основателей, был разстрѣлян.

— Его тѣнь вызывает к вам! — говорит Морган председателю.

Однако, подробно рассказывая героическую эпопею "Леттр Фран-

сэз", Морган почему то умалчивает об одном из главных ея зачинателей, Жанѣ Полянѣ, который, как известно, нѣкоторое время тому назад ушел из этой газеты, обозвав ея руководителей лгунами.

Морган подчеркивает все время то обстоятельство, что он сам — француз, товарищи его — французы, газета — французская, и иностранцу неумѣстно давать французам во Франціи уроки жизни и чести.

Послѣ его рѣчи председатель объявляет перерыв.

РѢЧЬ ВЮРМСЕРА

Восковое лицо Вюрмсера искажается нервной улыбочкой, когда, послѣ перерыва, председатель дает ему слово.

— Мой долг журналиста, резистанта и француза, — говорит Вюрмсера. — был прочесть *Ф о м а* и Кравченки. Я утверждаю, что американской своей книги он не писал. Может быть, он перевел американскій текст на русскій языкъ (по-русски книга вскорѣ выйдет). — это самое большое, что он мог сдѣлать.

Кравченко — это Доріо! — восклицает Вюрмсера. — Он — враг своей страны, а слѣдовательно, и нашей. Каждый, кто антикоммунист, в то же время — антифранцуз...

Мэтр Изар, адвокат Кравченки, вскакивает с мѣста при этих словах и вздѣвает руки к небу.

Председатель призывает к порядку. В публикѣ гул.

— Что это за издательство, гдѣ Кравченко выпустил свою книгу? Это издательство издает Буллита, который призывает к войнѣ, вспоминанія нѣмецких генералов, мемуары секретаря Лавала. Тѣм, что Кравченко в апрѣлѣ 1944 года предал советскую власть, он, быть может, задержал высадку союзников во Франціи!... (Протесты в публикѣ. Гул).

Я, как француз, вижу в нем пятую колонну... Его свидѣтели раз-

скажут нам сказки про концлагери. Может быть, нам скажут, что наши товарищи были сожжены не в Бухенвальдѣ, а на Кубани... Если от этого господина отнять его книгу, то от него не останется ничего, в то

время, как за каждым из нас, — дѣйствія резистантов!

Этот процесс велѣн: пропагандисты, оплаченный иностранной державой, судит писателей. Мы — французы, и это недопустимо.

ИНЦИДЕНТЫ

Вслѣд за рѣчью Вюрмсера председатель предлагает отвѣткам задать Кравченкѣ ряд вопросов.

Вюрмсер, с помощью своего адвоката, ставит Кравченкѣ слѣдующій:

— Расскажите содержаніе “Кухольнаго дома”.

В публикѣ недоумѣніе. Переводчик Пацкин, замѣнившій в этот момент г. Андронникова, переводит:

— Как сносился дом куклы?

Кравченко недоумѣвает. Его личный переводчик хочет ему что-то объяснить:

— Я требую, чтобы ему не подкашивали! — кричит Вюрмсер.

— По-русски это называется иначе! — кричит мэтр Изар.

— Скажите мерзавцам, чтобы не хамили! — кричит Кравченко, понимая, что ему хотят разставить зашпадю.

— Какой дом? — переспрашивает ничего не понявшій переводчик.

— Какія куклы?

— Это Ибсен! — шумит зал.

Оказывается, в книгѣ Кравченки есть упоминаніе о женщинѣ, судьба которой похожа была на судьбу “Норы”.

Вюрмсер, чтобы доказать, что Кравченко не писал своей книги, ловит его на незнаніи ибсеновской драмы. Но Кравченко объявляет, что отвѣчать на такіе вопросы не будет:

— Здѣсь не московскій процесс! Я требую, чтобы прекратилась эта комедія!

Тогда Вюрмсер предлагает Кравченкѣ отвѣтить на другой вопрос:

— Назовите революціонныя драмы Достоевскаго.

Кравченко ударяет кулаком по столу. Он блѣден.

Мэтр Изар спокойно отвѣчает:

— Посмотрим, как завтра ваши свидѣтели будут отвѣчать на наши вопросы.

Послѣ этого инцидента адвокат “Летто Франсез” произносит длинную рѣчь, гдѣ прославляется коммунистическая партія, Торез, Марти и др.

Затѣм Мэтр Изар в блестящей рѣчи подтверждает Сталина по поводу советско-германскаго пакта, вспоминает раздѣлъ Польши, поведеніе Марти в Черноморском флотѣ...

Оба адвоката, возвыся голос, ведут острую, ядовитую политическую полемику. Но аргументы Изара, его голос, его жесты, производят видное впечатлѣніе на судей. Публика встрѣчает сочувственным гулом ударныя мѣста его рѣчи.

Лампы давно зажжены. Шесть часов на громадных часах, над головой публики. Предсѣдатель предлагает закрыть засѣданіе.

Завтра — вызов первых свидѣтелей.

ВТОРОЙ ДЕНЬ

ЗАСЪДАНІЕ суда начинается в 1 час дня при совершенно переполненном залѣ.

Второй адвокат Кравченки, мэтр Гейцман, задает Клоду Моргану, редактору "Леттр Франсэз", ряд вопросов:

— Каким образом были вызваны свидетели из Советскаго Союза?

Морган: Очень просто: на это существуют почта, телеграф и телефон.

Мэтр Гейцман: Каким именно образом ответчики узнали, что будут говорить их свидетели?

Морган: Контакт установить было очень легко.

Мэтр Гейцман: Как и каким образом г. Морган мог превратить поведение Кравченки в Никопольѣ, в 1937 году, а также установить, якобы, справедливость того, что было напечатано в статьѣ Сима Томаса?

Морган: Я не превѣряя Сима Томаса. Я абсолютно вѣрю ему. Кромѣ того, я имѣл свое мнѣніе, так как читал книгу.

Мэтр Гейцман: Если "Сим Томас" — американскій журналист, то каким способом он мог узнать, что дѣлалось в СССР во время войны?

Морган пожмает плечами.

Мэтр Гейцман: Печатали ли что нибудь советскія газеты о Кравченкѣ предосудительное за эти четыре года?

Морган: Я не читаю по-русски.

Мэтр Гейцман: Г. Морган раздразжил успѣх книги. Только ли из за ея содержанія?

Морган: Нѣтъ. Я был возмущен, что она вышла в таком большом тиражѣ, когда для французских писателей нѣтъ бумаги.

Мэтр Изар, адвокат Кравченки, вступает в спор:

— Коммунистических писателей не читают во Франціи не потому, что нѣтъ бумаги, а потому, что, как они сами говорят, никто их книг не покупает.

(В залѣ хохот. Предсѣдатель Дюркейм очень строго призывает публику к порядку).

ПОКАЗАНІЯ МАРТЭН-ШОФФЪЕ

Начинается вызов свидетелей.

Первым выходит Луи Мартэн-Шоффье, предсѣдатель Национальнаго союза французских писателей, из котораго, как извѣстно, около года тому назадшло очень большое количество писателей, так как организация эта приняла отчетливо коммунистическій отгѣноз.

Адвокат "Леттр Франсэз", мэтр Нордманн, рекомендует Шоффье: это резистант. Он сражался в войну 1914-18 гг.: был депортирован въмирами; написал работу о Шато-Брианѣ.

— Что может сказать Шоффье о двухъ отгѣтчикахъ?

— Это его друзья.

Адвокат "Леттр Франсэз": Что бы сказали ваши друзья по нѣмецкому концлагерю, если бы прочли книгу Кравченки?

Шоффье: Я думаю, они бы осудили его.

Нордманн: Что вы думаете о "Леттр Франсэз"? Неужели эта газета способна на диффамацию?

Шоффье: Это очень хорошая газета.

Мэтр Изар встает с мѣста; он напоминает Шоффье, что писатель Поль Низан, который был его другом, был обозван коммунистами предателем за то, что ушел из коммунистической партіи послѣ совѣто-нѣмецкаго пакта.

— Считаете ли вы вашего друга Низана предателем или держитесь особого мнѣнія?

Шоффье мнется: Мнѣ кажется, он не был...

Послѣ него выходит на середину зала Фернан Гренье, депутат Национальнаго Собранія, видный комму-

нист. Он рекомендует себя, как лучшій. Но матр Нордманн сейчас же поясняет, что Гренье — депутат, и в 1944 году были министром авіаціи. Он — один из первых респондентов и был депортирован нѣмцами.

ПОКАЗАНІЯ ФЕРНАН ГРЕНЬЕ

Гренье подготовил основательную критику книги Кравченко по существу. Она у него в руках. Он то и дѣло цитирует ее, предварительно заявив, что, по его мнѣнію, Кравченко не только не писал ее, но даже не был советским гражданином.

Сам Гренье был в Россіи два раза: в 1933 и в 1936 гг. Он видѣл совѣм не то, что видѣл в Россіи Кравченко: сытых крестьян, веселых колхозников, истово молившихся прихожан в только что отремонтированной церкви, гдѣ счастливаго вида ослѣпленник исполнял требы; он видѣл богатую, счастливую жизнь ("хотя жареныя курицы и не падали в рот", замѣчает он). В книгѣ Кравченко он нашел одни противорѣчія и неправдоподобія:

— Как можно помнить, что говорил отец, когда ребенку было восемь лѣтъ!

Но Кравченко поясняет, что все, что касается отца, он запомнил потому, что об этом много раз говорилось в семьѣ, послѣ того, как отец был арестован (при царском режимѣ).

По сравненію с первым днем процесса, Кравченко держит себя уверенно и почти весело. Он привыл к обстановкѣ, он легко пародует противника, наладился перевод, и иногда кажется, что Кравченко схватывает какія то французскія слова, настолько ловко он вступает в споры.

Он совершенно увѣрен в себѣ, и дѣйствительно, с блеском выходит из положенія. Иногда реплики его остроумны, часто онѣ язвительны.

Гренье упрекает автора "Я выбрал свободу" за то, что он писал об одном и не писал о другом.

Матр Изар собирается за Кравченку вступить, но тот сам отвѣ-

чает коммунистическому депутату: — Я писал то, что считал нужным, то, что было близко моей темѣ.

Гренье считает, что книга слишком "романсирована". Кромѣ того, есть ошибки в географіи: Апхабад назван Сталинабадом в то время, как это два разных города.

Кравченко: Скажите ему, что Апхабад был назван Сталинабадом, а потом опять переименован. Одно время он назывался Полторацком, по имени начальника ГПУ. В советской Россіи названія мѣняются часто.

Матр Нордманн достает карту Туркестана и начинается долгій спор о мѣстностях "возрут Гималаев". Предсѣдатель смотрит на карту.

Кравченко: Скажите им, что есть под Москвой станція Маленково называется. На ней и доска висит "Маленково". А в желѣзнодорожном указателѣ она иначе называется, никакого Маленкова там нѣтъ.

(Гул в публикѣ. Предсѣдатель с интересом слушает переводчика).

Кравченко: Я вспоминаю, что в "Чикаго Трибюн" меня тоже упрекали за Апхабад-Сталинабад. Я имѣлъ время исправить эту ошибку во французском переводѣ, но я остался все так, как было, потому что это правда.

Гренье поочередно атакует: любезные разговоры 1925 года, которые, по его мнѣнію, запомнить было нельзя, затѣм — систему распределенія жалованья партійцам, описанную Кравченкой.

Кравченко пародует. Затѣм Гренье переходит к коллестивизаціи.

Кравченко: Мои свидѣтели через недѣлю расскажут вам о коллестивизаціи, тогда мы увидим, что вы

скажете! Это будут — колхозники. Знайте, что коллективизация — это вторая революция, но только еще кровавѣе, еще страшнѣе, чѣм первая.

Гренье: Да, но Кравченко не кончил в своей книгѣ исторію Кати...

Кравченко: Могу вам сказать, что Катя вышла замуж и я подарил ей из свадьбы столовый сервиз. Удовлетворяет это вас?

Гренье, видимо, удовлетворен исторіей Кати и переходит к чисткам, которые чрезвычайно интересуют председателя суда.

Гренье: Я был на одной чисткѣ, но ничего особеннаго не замѣтил.

Кравченко: Мои свидѣтели расскажут вам и про чистки! Для вас они — спектакль, на который вас водили, а для меня это несять миллионов жертв, выбитые зубы, погибшіе близкіе. Впрочем, я понимаю вас если вы скажете что нибудь в пользу моей книги, вас выпустят из партии.

Гренье (стараясь быть хладнокровным): Если правда то, что вы писали, значит надо сказать, что

Гитлер был прав, когда ринулся на Россію.

Продолжительное молчаніе.

Затѣм начинается спор об индустриализации.

Гренье доказывает, что СССР обладал громадным потенциалом перед войной. Кравченко говорит, что Америка ввезла на 11 с половиной миллиардов пушек, танков, медикаментов, сала и пр. в Россію.

— Побѣда над фашистами, — возвышает Кравченко голос, — не побѣда совѣтскаго режима, но побѣда моего народа. Его жертвенность, его труд, его мужество побѣдили гѣмпев. Революціи дѣлаются не для индустриализации, — продолжает он, — но для человѣка! Если бы не страх, не хаос, не террор, Россія была бы могущественная страна.

Но Гренье припас для камня за пазухой: этот камень — Доріо. Он считает, что Кравченко — новый Доріо. Сперва — коммунист, затѣм — антикоммунист, а потом — ходил в гѣмпевкой формѣ.

На этом эффектѣ французскій депутат кончает свои показанія.

ПОКАЗАНІЯ ПЬЕРА ДЕБРЕЙ

Пьер Дебрей — первый французскій критик Кравченко. Это молодой человек с необычайно высоким голосом, обидчивый и многорѣчивый. Он — сотрудник "Темуньяж Кретьен" (редактор этого журнала, о. Шайе, через телеграфное агентство слѣлал заявленіе, что П. Дебрей выступал не от еженедѣльника, но исключительно от себя самого). В свое время, когда вышла книга Кравченко, Дебрей написал, что она слишком "романсирована" и что в ней есть противорѣчія.

— Слава Богу, она романсирована! — восклицает мэрт Изар. — Такой мы ее и любим, такой она наша широкий доступ к массам.

— Если вы ищете статистики, то читайте "Юманитэ", — вторит ему Кравченко. (Смѣх в публикѣ).

Дебрей: Я бы хотѣл узнать, сколько героев выведено под вымышленными и сколько под настоящими именами?

Кравченко: Я подчитаю к завтрашнему дню.

Дебрей: Вы тут обманули женщину (читает в книгѣ, но никто ничего не слышит). Вы рассказали о смерти Орджоникидзе, при которой не присутствовали.

Кравченко: Я имѣл информатора и я могу его назвать при закрытых дверях.

Председатель: Это не необходимо.

Дебрей внезапно мѣняет тон:

— Вот есть тоже один человек, который порвал с режимом. Это Михаил Боряков. Он в Соединенных Штатах очень нуждается. Он даже жалует, что уѣхал. Вот это честный человек!

Кравченко: Во-первых, он не в Соединенных Штатах, а в Южной Америкѣ. Во-вторых — он издал книгу, которая имѣла нѣкоторый успѣх и сейчас он не нуждается. В третьих — он как раз о моей кни-

гѣ написал очень сочувственную статью. Я переведу ее и доставлю сюда з а в т р а. чтобы суд мог с ней ознакомиться. (В залѣ продолжительный гул одобрения).

Внезапно встает Вюрмсер, редактор "Леттр Франсез", и обращается к свидетелю с предложением раз-

сказать на прошение о том, как он дѣйствовал в резистансѣ. Публика протестует. Предсѣдатель призывает ее к порядку.

Лебрей пытается что то рассказать, но его никто не слушает.

Внезапно вспыхивает инцидент.

КРАВЧЕНКО СЕРДИТСЯ

Перед тѣм, как отпустить свидетеля, мэтр Нордманн задает Кравченкѣ вопрос: была или не была Елена (одно из дѣйствующих лиц книги) его любовницей? На страницѣ такой то — как будто бы да. На страницѣ такой то — как будто бы нѣт.

Кравченко срывается с мѣста, он блѣден, содрожаточен. Он почти кричит:

— Почему, когда я атакую вас, вы защищаетесь резистансом, а меня обливаеете грязью? Любовница или нѣт — какое вам дѣло? Она была жертва. Она заплатила за все своей жизнью. — Об этом вы не говорите, а это тоже есть в моей книгѣ. Вы — пинники! Вы ухмыляетесь теперь, пошляки! Оградите меня, г. предсѣдатель, от этой грязи, от этих спекулянтов и провокаторов!... Вам бы только уйти от ответственности! Но міру извѣстны вульгарныя преступленія ваши! Не создавайте здѣсь фарса!

Пока он кричит, публика, корреспонденты, не понимая русскаго языка, пытаются догадаться о смыслѣ его слов. Как только переводчики начинают переводить, зал стихает, слышно каждое слово, которое ловится сотнями людей, плечо к плечу сидящих и стоящих в душном залѣ.

— Мнѣ сказали, что тираж "Леттр Франсез" — 65.000 экземпляров. Неужели всего только 65 тысяч людей спасало Францію? — продолжает Кравченко. — Резистанты! Кромѣ вас, их и нѣт!

Мэтр Изар, в свою очередь, встает и перед тѣм, как разстаться с Пьером Лебрей, спрашивает его:

— Вот вы — вѣдущій католик. Неужели вас не покорило от статейки "Сима Томаса" и от всей этой кампании?

Добрей (окончательно плачущим голосом): Моя вѣра — мое частное дѣло. Она здѣсь не при чем.

ПОКАЗАНІЯ ПЬЕРА КУРТАДА

Слѣдующим вводится Пьер Куртад. Это — редактор коммунистической "Аксіон", сотрудник "Юманитѣ", крупный французскій журналист.

— Почему г. Кравченко все знает? Всякую был? Все видѣл? Это невѣроятно! — говорит он.

Он читает двѣ выдержки: одну о том, как Кравченко, вступил в коммунистическую партію, другую — как он из нея ушел. Куртаду кажутся онѣ неестественными. Кромѣ того, в то время, как проходили самые страшные дни Сталинграда, у Кравченки болѣли зубы. Он просмотрѣл событіе, самое крушное за всю войну.

— Это ложь! — отвѣчает Кравченко. — Зубы болѣли позднѣе.

Но Куртад настаивает, что зубы болѣли именно тогда. Главная же вина Кравченки это то, что, порвав с совѣтским режимом в апрѣлѣ 1944 года, он мог повліять на ход войны. И как повліять! (Намек на отсрочку десанта союзников).

Мэтр Нордманн: Думаете ли вы, что книга Кравченки вредная и даже опасная?

Куртад: Да, мы, члены коммунистической партіи, думаем, что книга его вредная и даже опасная.

В 6 час. 15 мин. засѣданіе закрыто.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

ТРЕТИЙ день процесса. Иностран-ные журналисты обсуждают с жаром вопрос о том, что до сих пор советские свидетели против Кравченко не прибыли в Париж. Некоторые осведомленные люди говорят, что они и не приедут. Другие считают, что они приедут в последнюю минуту.

Если советская власть решила их не выпускать, то этим самым она дезавуировала "Леттр Франсэз".

ПОКАЗАНИЯ ВЕРКОРА

Вызывается первый свидетель: Веркор, известный резистант и писатель. Обычные вопросы адвокатов "Леттр Франсэз": что думает свидетель о газетѣ "Леттр Франсэз"? Что он думает о ея редакторах?

Веркор: Я думаю, что это прекрасные резистанты. Я работал с ними в условиях полной свободы. Полемика наша всегда дружеская.

Адвокат "Леттр Франсэз" Нордмани: Что думали бы резистанты, если бы узнали в 1944 году о Кравченкѣ?

Веркор: Они думали бы, конечно, о нем так, как мы думаем об антибольшевизмкѣ.

Нордмани: Могла бы эта книга появиться при нѣмцах во Франціи? Веркор: Конечно.

Нордмани: Но она не могла бы появиться сразу послѣ "либераций"?

Веркор: Конечно, нѣтъ!

Нордмани: Есть ли в ней "эспри де Виши"?

Веркор: Да.

Мэтр Изар, адвокат Кравченко, задает свои вопросы

— Г. Веркор возмущался репрес-

Возможно ли это? Но никто ничего не знает. Известно лишь одно: до сих пор их приезд не объявлен.

Прежде, чѣм возобновить допрос свидетелей, предсѣдатель Дюрнгейм предоставляет слово Кравченкѣ. Он доставил статью Мих. Корянова о своей книгѣ. Переводчик читает ее по-французски. Статья хвалебная и производит впечатлѣніе. ("Социалистическій Вѣстник", № от октября 1947 г.).

сіями (в "Юманитѣ"), которым подвергаются в Америкѣ коммунисты. Возмущался ли он репрессіями, которыми подвергаются поляки антикоммунисты в Польшѣ?

Веркор считает, что в Польшѣ был саботаж.

Мэтр Изар извлекает из своего архива рецензію Ильи Эренбурга на книгу Веркора и читает ее. Рецензія уничтожающая: в ней Веркор назван слабым писателем, а книга — оскорбительной для французскаго народа.

Веркор выраживает Эренбурга, говоря, что в это время у него были запутанныя отношенія с компартіей.

— Меня ругал не только Эренбург, но и Кестлер. Эренбург живет в свободной странѣ, он свободный критик, он может писать обо мнѣ что хочет.

Мэтр Изар: Мы все это выведем на чистую воду и докажем связь компартіи французской с компартіей русской.

Предсѣдатель Дюрнгейм: Я считаю, что литературная дискуссія закончена.

ГЛУБОКОМЫСЛІЕ ПРОФЕССОРА БАБИ

Профессор политических наук, член компартии Баби, дает свои показания. Он комбатант, резистант, потерял на войнѣ сына. Он доказывает, что Кравченко не мог написать свою книгу, так как в ней чувствуется совершенно не русскій дух.

Предсѣдатель: А вы читаете по русски?

Баби: Нѣт. Но я знаю русских авторов по переводѣ. (Смѣх в публикѣ). Кроме того, Кравченко слишком все хорошо помнит: он помнит себя, когда ему было два года.

Предсѣдатель: Ясно, что он не писал по личным воспоминаніям о днѣ своего рожденія!

Баби: Он рассказал в своей книгѣ, как полумертвые от голода крестьяне праздновали с пѣснями и плясками сбор урожая.

Кравченко доказывает по книгѣ, как праздновалась уборка хлѣба. Для того, чтобы сварить кашу, скопид незрѣлое поле.

Баби: Не может быть, чтобы в Россіи было 10 миллионoв заключенных. Каким образом тогда может быть так силен прирост населенія? В 1917 году было 117 миллионoв жителей...

(Слѣдует замѣтить, что цифры

эти абсолютно невѣрны: послѣдняя перепись была в 1913 году, когда в Россіи насчитывалось 170 миллионoв).

Мэтр Изар критикует женевскаго профессора Гравена, который считает, что в Россіи больше 10 миллионoв заключенных.

— Смѣю увѣрить вас, говорит мэтр Изар, что Гравен — не член антикоммунистическаго лига! (Смѣх).

Кравченко встает с мѣста. Он с жаром говорит о том, сколько партийцев погибло при чистках. Куда дѣвались члены партіи послѣ 50-ти лѣт? Что случилось с партийной верхушкой к концу 30-х годов?

Баби: Книга "Я выбрал свободу" написана американцем: всѣ женщины в ней красивы. Это — холоднудскій вкус! (Смѣх в залѣ).

Предсѣдатель: Пожалуйста, потише. Чтобы понять свидѣтеля, мнѣ, кажется, самому скоро понадобится переводчик...

Баби: Американская полиція гонит Кравченка документы Нуренбергскаго процесса, там он и почитывал свои картины ужасов.

Послѣ этой фразы свидѣтеля с благодарностью отпускают.

ПОКАЗАНІЯ Д'АСТЬЕ ДЕ ЛЯ ВИЖЕРИ

Это был первый свидѣтель, чьи показанія не вызвали ни одного смѣшка. Как француз и резистант, если с ним и невозможно было согласиться, то его возможно было понять. Он говорил, что интересую Кравченки, данное в апрѣлѣ 1944 года (когда он порвал с совѣтской властью), могло раздѣлить союзников, и если бы оно было шаво, например, в Алжирѣ (гдѣ д'Астье был при министерствѣ внутренних дѣл), то его автор был бы арестован.

— Так мнѣ говорили мои коллеги по министерству, а также нѣкоторые англичане.

Мэтр Изар: Можете ли вы их назвать?

Д'Астье: Нѣт.

Свидѣтель считает, что то, что Кравченко говорил, генерал Власов дѣлал. Зато он тоже написал книгу "Я выбрал висѣлицу". (Как известно, книга эта — апокриф). Затѣм, д'Астье чернит издателя Кравченки, Сельфа, называя его "ерундным банкиром".

Мэтр Изар: Правда ли, что вы принадлежите к партіи, родственной коммунистической, которая насчитывает 14 членoв?

Д'Астье: Да, это правда.

КОМИЧЕСКІЙ ИНЦИДЕНТ

Цѣль "Лэтр Франсоз" доказать, что Кравченко не умѣет писать по

русски и не мог написать свою книгу.

Мэтр Нордманн спрашивает Кравченко: печатал ли он вообще что-нибудь когда-нибудь в России? Да, Кравченко печатал статьи по разным вопросам. А с какого языка переводились его книги в 22 странах? С американского.

Несмотря на то, что к делу приложены фотокопии русской рукописи, мэтр Нордманн сомневается, что Кравченко способен что-либо написать по-русски.

Председатель: Не хотите ли вы сказать, что г. Кравченко и не говорит по-русски?

Но вот выводят нового свидетеля: это Перюс, профессор русского языка в Клермон-Ферранском университете. Он держит в руках вырзку "Нового Русского Слова" от апреля 1948 г. Там — не то статья

Кравченко, не то — интервью с ним. Написано все на таком русском языке, который сразу выдает, как утверждает Перюс, безграмотность автора. (Зал слушает профессора Перюса с напряженным вниманием). Профессор приводит три примера:

— Во-первых, тут написано "они обвиняют". Так по-русски не говорят. По-русски никогда местоимение не ставится перед глаголом, надо сказать "обвиняют". Во-вторых: слово "апеллировать" пишется через одно "п" и два "л". Здесь же написано через два "п" и одно "л". (У Дала — одно "п" и одно "л". Н. Б.). В третьих, тут сказано "граждане своих правительств". — Так по-русски нельзя сказать...

К сожалению, не говорящие по-русски не могли по достоинству оценить показание этого свидетеля.

ЕЩЕ ФРАНЦУЗСКИЕ СВИДѢТЕЛИ

Г. Ланг, председатель Федерации комбатантов и депортированных, Союз резистантов и военнопленных (коммунист), пространно рассказывает о том, как в Германии, во время войны, русские не шли работать в немцам.

— Тѣ, кто становились эс-эсами, затем стали ли-пи, — сказал он. — Русские люди любят свое отечество и жертвуют своей жизнью за него. Тѣ, кто выбирают, якобы, свободу, выбирают предательство.

Мэтр Изар устало машет рукой. Не в интересах Кравченко затягивать процесс. Но к этому, видимо, стремится противная сторона.

Послѣ г. Ланга выступает известный полковник Марнье, смѣшен-

ный со своего поста в свое время, когда он дал в Москвѣ пресловутую пресс-конференцию по поводу Брежнева и высылки советских патриотов из Парижа.

Мэтр Изар: Какое наказание понесли вы за это?

Марнье: Тридцать дней крѣпости.

Мэтр Изар: Судя по "Юманите", в Болгарии за это расстреливают.

Вторично приглашенный давать показания Жюлио-Кюри опять не был выслушан. Будет ли он вызван в понедельник, или обойдется без него? Прибудут ли, наконец, советские свидетели? На эти вопросы пока отвѣта нѣтъ.

Слѣдующее заседание — 31 января.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ

ЧЕТВЕРТЫЙ день процесса был посвящен допросу свидетелей со стороны Кравченки.

Перед началом заседания, в громадном холле Дворца Правосудия можно было видеть приехавших из Германии "перемещенных лиц", одного из которых внесли на носилках.

Перед Дворцом Правосудия, на набережной, стоял, привезший невозвращенцев из отеля "Сен-Ромэн", громадный, голубой автокар.

В 1 час дня — всё на своих местах: адвокаты, журналисты, истец, ответчики и трое переводчиков: личный переводчик Кравченки (парижский житель), переводчик трибунала, г. Андронников, и переводчик, приглашенный "Леттр Франсез" для проверки официального переводчика — г. Зноско-Боровский (сын известного шахматиста).

Мэтр Изар, адвокат Кравченки, отсутствует по болезни. Мэтр Гейдман заменяет его. Рядом с ним — его помощники: мэтры Альперович и Эспиноза.

Прежде, чем выдавать первого свидетеля, адвокат "Леттр Франсез" желает задать Кравченке несколько вопросов.

Нордманн: Я хотел бы знать, когда вы видели Кравченко между тем моментом, когда он покинул советское посольство в Вашингтоне и тем временем, когда он (через два дня) дал "Нью-Йорк Геральду" свое интервью? (Апрель 1944 г.). Кто был посредником между ним и журналистами?

Кравченко: Было несколько интервьюеров, не только от одной газеты. Их привел тот человек, который им переводил мое интервью. Я могу его назвать только суду, но не при публике.

Нордманн: В 48 часов все было организовано. Это показательно,

что секретная полиция Америки все уже знала.

Кравченко: Нордманн играет краплеными картами. Идея интервью была мною продумана много времени до этого.

Нордманн: Все это неубойно! Америка пахотилась в войну. Полиция должна была знать все о Кравченке.

Кравченко: Американская полиция мною не интересовалась, но советская заинтересовалась очень скоро.

Мэтр Гейдман: Вспомним, как был убит Троцкий!

Председатель: Дайте мне это интервью!

(Ему подают перевод интервью Кравченки).

Нордманн: Как, когда и где был Кравченко допрошен в американской полиции?

Кравченко: Я никакого отношения к американской полиции не имею. Я слышал много хорошего за свою свободу, и теперь я свободный человек. В ту субботу (апрель 1944 года) вечером я отчитался перед советской закупочной комиссией, взял чемодан и вышел из Вашингтона в Нью-Йорк. В низкотребном отеле я снял комнату. (Было около 3-х часов ночи). Полиция я не видела. Через несколько дней я переехал на частную квартиру. Докажите, что я связан с американской полицией! Я так и быть, могу назвать имя человека, который привел ко мне журналистов, если близкие его это разрешат.

Внезапно, мэтр Нордманн раздраженно требует, чтобы Кравченко не сидел, а стоял перед ним, когда он его спрашивает.

Председатель поясняет, что Кравченко стоять не обязан перед адвокатом ответчиков.

В публикѣ сильный шум, возгласы, возмущеніе. Предсѣдатель требует вывести кого то.

Нордманн: Я хотѣл бы знать, когда и кѣм был Кравченко допрошен въ секретной полиціи Америки?

Мэтр Гейцман просит переводчика перевести Кравченкѣ, чтобы он пока не отвѣчал на этот вопрос.

Кравченко кивает головой.

Мэтр Гейцман: Мой клиент отвѣтит на этот вопрос послѣ опроса совѣтских свидѣтелей.

Кравченко: Американская полиція меня не касается. Совѣтских агентов у моего дома я видѣл на третій день послѣ моего приѣзда в Нью-Йорк.

Нордманн: Я прошу отвѣтить мнѣ: это такое Павел Кедрин? Знаете ли вы, Кравченко, такого человѣка?

Кравченко (широко улыбаясь): И да, и нѣт. В полицейских вопросах вы очень просвѣщены. Но я знаю совѣтскую полицію еще лучше, чѣм мэтр Нордманн. Если он пороботает с Вюрмсером подольше, он ее лучше будет знать.

(Смѣх в публикѣ).

Нордманн: Павел Кедрин — это вы!

Кравченко (опять улыбаясь): И да, и нѣт.

Предсѣдатель: Я не понимаю, к чему вы клоните?

Нордманн: Сим Томас писал, что Кравченко агент американской секретной службы. Я хочу это доказать.

Кравченко: Какое убожество! Я шѣняю имена очень часто, к этому вынуждают меня мои противники. Сим Томас — просто трус, иначе бы он явился на процесс.

Нордманн: Вы путешествовали под именем Павла Кедрина?

Кравченко: Вы докажете сперва, что Кедрин — агент Америки. Это мое личное дѣло, под какими именами я путешествую.

Предсѣдатель: Это вполне его дѣло.

Но мэтр Нордманн продолжает свои вопросы, по которым можно понять, что он хочет выяснить отношенія Кравченки к Америкѣ: есть ли у него обратная виза, заплатил ли он налоги, живет ли в штатѣ Нью-Йорк? Затѣм он переходит на Францію: под какой фамиліей он живет? кому была дана виза?

Предсѣдатель: Куда вы клоните? Это его дѣло.

Нордманн (в возбужденіи): Павел Кедрин находится во Франціи!

Предсѣдатель: Ну, и что же из этого?

Нордманн: Значит, три министерства сговорились, чтобы дать возможность Кравченкѣ приѣхать под чужим именем. Значит — американская развѣдка ему покровительствует.

Но мэтр Гейцман считает, что вопрос довольно. Он читает рѣчь Сталина, которую цитирует в своей книгѣ Кравченко и о которой коммунистическій депутат Ф. Гренъ сказал, что он ее процитировал неправильно.

Гренъ находится в залѣ. Он выходит на середину. Гейцман доказывает, что Кравченко цитировал Сталина совершенно правильно. Гренъ смущен.

Предсѣдатель: Мы проверили вопрос об Ашхабадѣ. Он, дѣйствительно, назывался одно время Полторацком.

ГЕРОЙ «НОРМАНДИ-НЪМАН»

Авиатор, командор Почетнаго Лейона, кавалер многих совѣтских орденов, в 27 лѣтъ — герой войны, нынѣ полковник. Муанэ — один из участников знаменитой эскадрильи «Норманди-Нѣман». Он был в Россіи, он видѣл русскую жизнь. Он считает, что книга Кравченки — правдивый рассказ об этой жизни.

Он передает свой разговор с со-

вѣтским механиком, о том, что рабочим «живется так же плохо, как при царѣ, даже хуже».

Предсѣдатель: Словом, он был немножко недоволен?

Муанэ: Очень недоволен, г. председатель.

Далѣе, Муанэ рассказывает, как в Тулѣ женщины работали, как женщины, на дорогах, под надзором

других женщин, вооруженных пулеметами. Он то и дѣло читаетъ книгу, которую держитъ в рукахъ и, по поводу каждой небольшой пята-ты, рассказываетъ свои собственные впечатлѣнія. Женщины эти, говоритъ Муанэ, провинились в том, что опоздали на службу на свой завод.

Между прочимъ, свидѣтель касается вопроса о зубной боли Кравченки во время Сталинграда. У него самого сильно болѣли зубы, и он не считаетъ это пороком, о котором слѣдует говорить громкія слова. Он рассказываетъ о ресторанахъ Москвы, об официальном черномъ рынкѣ, о неравенствѣ жизни сановниковъ и пролетаріев, о НКВД.

Особенное впечатлѣніе производитъ на суд его рассказъ о том, что в Россіи нельзя слушать заграничное радио, даже союзное, но только совѣтское, для чего всюду устроены громкоговорители.

— Русскій народъ сражался за свою родину, а не за режим! — восклицаетъ Муанэ.

У французскихъ летчиковъ не было отпусковъ, они не имѣли права ѣздить в Москву, они с трудомъ установили отношенія с мѣстным населеніемъ. Россія — страна привилегій. Есть вагоны топленые и нетопленые. Когда французскій летчикъ сказалъ совѣтскимъ комиссарамъ, что в нетопленномъ вагонѣ ѣдутъ женщины и что ихъ надо бы перевести в топленый, ему ничего не отвѣтили.

Муанэ: Я видѣлъ, какъ страдалъ русскій народъ. Я видѣлъ 80.000 русскихъ, которые были убиты вѣмпами...

Вюрмсер (патетически): Мы с вами не забудемъ нѣмецкихъ звѣрств!

(Увы, это было сказано такъ театрально, что залъ отвѣтилъ Вюрмсеру смѣхомъ).

Муанэ проводитъ параллель между тѣмъ, какъ принимали французскихъ летчиковъ в Россіи, и какъ в Англии. Черчилль и Иден посѣтили ихъ и разговаривали с ними. В Россіи никто никогда не видѣлъ высокопоставленныхъ лицъ.

— Мы видѣли грубость. Мы слышали ругательства, которымъ нѣтъ равныхъ во французскомъ языкѣ.

Предсѣдатель: Можетъ быть, переводчикъ намъ ихъ скажетъ? (Смѣхъ).

Мэтръ Гейцманъ: Можетъ ли свидѣтель переписываться со своими друзьями, совѣтскими летчиками?

Муанэ: Конечно, нѣтъ. Я писалъ много разъ, но не получалъ отвѣта.

Гейцманъ: Странно! Морганъ пишетъ и получаетъ отвѣты. Суд опънитъ эту разницу.

Морганъ: Я переписываюсь, я сколько угодно!

Гейцманъ: Предатель ли Кравченко, по вашему?

Муанэ: Я думаю, нѣтъ. Тутъ говорилось о том, что онъ далъ интервью, когда еще шла война. Но мы всѣ знаемъ, что Кашенъ подписалъ афишу, которая была расклеена при нѣмцахъ.

Вюрмсеръ: Скажите еще, что это мы подожгли рейхстагъ!

Муанэ: Вѣдь Торезъ сдѣлалъ еще хуже. Онъ вѣхалъ в Россію, когда Россія была экономическимъ союзникомъ Германіи. Это была коллаборация.

Гейцманъ: Когда вы сражались с нѣмецкими аэропланами, они были наполнены совѣтскимъ бензиномъ.

Муанэ: Это всѣ знаютъ.

Мэтръ Нордманъ пытается доказать, что нѣкоторые члены эскадрильи "Нормандия-Нѣман" думаютъ иначе, чѣмъ свидѣтель.

Мэтръ Гейцманъ: Есть мнѣнія, а есть факты.

ФРАНКО-РУССКІЙ ИНЖЕНЕР БОРНЭ

Инженеръ Францискъ Борнэ — фигура знаковая. Это тотъ человекъ, который прожилъ в Россіи с 1909 года по 1947, и вернувшись, написалъ книгу, которая была издана издательствомъ Плонъ.

Онъ рассказываетъ свою жизнь и работу в СССР.

Адвокаты "Летто Франсэзъ" стараются подловить его на противорѣчіяхъ. Они пытаются показать суду, что Борнэ былъ заключенъ в совѣтскую тюрьму потому, что в душѣ предпочиталъ Петэна генералу де Голлю.

Борнэ не отвѣчаетъ на это, но ве-

дет подробный и основательный рассказ о своей работѣ в Магнитогорскѣ, об арестованных поляках, о ссылках в Сибирь, о трудовых лагерях, о чисткѣ пшеницеров.

Адвокат "Лэттр Франсэз": У вас остались близкіе в Россіи? Вы с ними переписываетесь?

Борнэ: О, нѣтъ!

Адвокат "Л. Ф.": Что с ними будет послѣ ваших показаній на этом процессѣ?

Борнэ: У меня с ними давно все кончено.

Он рассказывает о голодѣ, который был так же силен в 1939 году, как и в 1946 (колхозники мѣшали мучу с древесной корой), о производѣ.

— Подполковник Маркье, который свидѣтельствовал здѣсь на прошлой недѣлѣ, был в Россіи тогда же, когда и я. Он объявил однажды, что арестованных французов больше в Совѣтском Союзѣ нѣтъ. Мы об этом прочли в концлагерѣ. (Смѣх в залѣ).

Нордманн и другіе адвокаты отвѣтчиков напоминают свидѣтелю, что в 1925 году он просился в партію, но его не приняли. Затѣм они читают письмо нѣкоего г. Рибара, который в свое время устроил доклад, на котором, якобы, разбил всѣ положенія Борнэ.

На этом показанія Борнэ кончаются.

ПЕРВЫЕ ДИ-ПИ: СЕМЕН И ОЛЬГА МАРЧЕНКИ

Показанія Ольги Марченки взволновали весь зал.

В пестром платочкѣ, с круглым лицом, пѣвучим голосом, она рассказала о том, как совѣтская власть раскулачивала крестьян. Кулаками были признаны крестьяне, имѣвшіе (как Марченки) одну ворову и двѣ лошади. Тюрьма, ссылка, издѣвательство, выселеніе, разлука с близкими — Ольга Марченко все это прошла и обо всем подробно и необычайно красочно рассказала.

— Мы своими чубами платили за все. — сказала она. — Когда меня из дому гнали, я на колѣни пала перед председателем совѣта и просила его о милости... Я на восьмом мѣсяцѣ была. Дал бы родить в родном домѣ!

Но председатель совѣта сам пришел к ней в дом:

— Мы заставим вас любить нас. — сказал он, сѣв за стол и наливая себѣ принесенную водку. — Это было издѣвательство над моей душой!

Мэтр Блюмель задает Ольгѣ Марченко, видимо, давно обдуманый вопрос:

— А на каком языкѣ прочла свидѣтельница книгу Кравченки?

Свидѣтельница смотрит на него серьезно:

— Дети мои научились по-английски. Они и перевели мнѣ главу о коллективизаціи. Мы с мужем плакали, когда они нам читали ее, так все правдиво в ней описано.

В том же родѣ показывал и Семен Марченко. Их двѣ исторіи могли бы составить два законченных рассказа: тракторист, в серебряных очках и вышитый рубашкѣ, он степенно, медленно и основательно повѣствовывал о том, как расправлялась власть с "кулаками".

Адвокаты отвѣтчиков нѣсколько раз пытались ставить свои вопросы: когда Марченки попали в Германію? Кто их вывез? Куда именно? На все это, спокойно, почти равнодушно, ничуть не смущаясь публики, фотографов, переводчиков, муж и жена Марченки отвѣчали с достоинством и серьезностью, которыми произвели на публику большое впечатлѣніе.

Послѣ допроса супругов Марченко начинается допрос инженера Кишло.

Засѣданіе закрывается в 6 час. 45 мин. Продолженіе допроса Кишло во вторник.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ

ВТОРНИК. 1 февраля, пятый день процесса. был снова днем показаний свидетелей Кравченко. В течение шести часов зал Дворца Правосудия слушал показания людей, испытанных в течение многих лет то, что западному человеку, живущему в условиях свободы демократического режима, почти невозможно себя представить.

Из сотен тысяч "перемещенных лиц" Кравченко сумел выбрать людей, горячих патриотов своей родины, на основании фактов, с цифрами, датами и именами в руках, пришедших рассказать французскому суду о русской жизни.

Все они были — на высоте.

Дельно, точно, спокойно, отчетливо рассказывали они и о голоде времен коллективизации, и о ссылках в Сибирь, и о советско-германском союзе, и о неравенстве клас-

сов, — о страшной, горькой доле цёлой страны каторжан.

Отвѣтчики и их адвокаты, ставя свои вопросы, старались уличить депортированных нѣмцами людей в коллаборации, в том, что они вольно выѣхали в Германію при приближеніи красной арміи. Но чѣм больше ставились вопросы, тѣм яснѣ становилось, что за каждым свидетелем — стоит правда, о которой они говорят так, как могут говорить только люди с абсолютно чистой совѣстью.

Зал еще болѣе полон, чѣм был все эти дни. Среди публики — нѣсколько послов, знаменитые французскіе писатели (слух был, что в залѣ находится Андоэ Жид).

В 1 час дня засѣданіе начинается с допроса свидетеля Кизилю, начавшаго давать свои показанія нананунѣ, в седьмом часу вечера.

ПОКАЗАНИЯ ИНЖЕНЕРА КИЗИЛО

Красивый человек, с умным, энергичным лицом, Кизилю год тому назад излѣчился от туберкулеза, которым болѣл, вследствие испытанных мученій в поездах НКВД. Он рассказывает подробно о пытках, которым подвергался послѣ того, как его обвинили в бухаринско-троцкистской ереси, о том, как в камерѣ, рассчитанной на 24 человека, помѣшалось 136 заключенных, которые могли только стоять, а если ложились, то им отпѣрялось мѣсто спичками.

Он видѣл избиваемых женщин, дѣтскія камеры; он видѣл, как волили на разстрѣл. Он объяснил суду, что такое "ласточка" (когда ребенка связывают по рукам и ногам, бросают об пол и бьют), что такое "кошма" (рѣшетка у колес

послѣдняго вагона поѣзда, в котором ѣдут заключенные, чтобы они не могли проскочить под колесами).

В пути, в скотских вагонах, заключенным давали соленую рыбу и хлѣб, с сибирской станціи шли сто километров пѣшком по сорокаградусному морозу. По пути слабым пристрѣльвали (так погиб директор треста в Казахстанѣ и знакомый свидетель, врач).

В Северо-Уральском лагерѣ тѣ, кто был осужден болѣе, чѣм на 10 лѣт (как сам свидетель), были назначены на тяжелую работу — дѣлать ружейныя болванки.

— Здѣсь я увидѣл академиков, наркомов, 14-лѣтних мальчиков, евреев, грузин, поляков, киргизов. Это был тоже Советскій Союз, только другой... Возвращаясь послѣ ра-

боты (12 километров пѣшком), сушили одежду, ложась на нее на ночь.

Кизилю написал домой женѣ жалобу. Она разложила эту жалобу и разослала по всѣмъ учреждениямъ. В это время Ежовъ былъ смѣщенъ, и Кизилю былъ помилованъ. Онъ вернулся на родину и спросилъ: "за что меня 18 мѣсяцевъ сидѣли?" Но ему дали понять, что лучше обо всемъ забыть и ни о чемъ не спрашивать.

Затѣмъ Кизилю продолжаетъ свой рассказъ и говоритъ о томъ, какъ живутъ, что ѣдятъ и какъ одѣваются стахановцы.

— Картошка, капуста, хлѣбъ, — говоритъ онъ спокойно, и даетъ цифры жалованій и прожитковъ. Выходитъ такъ, что рабочій в мѣсяцъ можетъ купить на все заработанное им... 100

кило бѣлаго хлѣба.

— В СССР — монополія хлѣба, — говоритъ Кизилю, чтобы объяснить французскому суду, почему в такой нищетѣ находится русскій народъ. — Иногда хлѣбъ не распределяютъ в наказаніе за дурное поведение.

Адвокаты "Леттер Франсез" ведут свою тактику:

— Что дѣлалъ свидѣтель в 1941 году, когда началась эвакуація?

— Паника была, — говоритъ Кизилю, — члены компартіи бѣжали, начальство бѣжало, мнѣ оставили четыре старыя вѣщи. Я не могъ на нихъ уѣхать с женой и двумя дѣтьми.

Адвокатъ "Л. Ф." выражает по этому поводу удивленіе.

ИНЦИДЕНТЫ

Кравченко не выдерживаетъ:

— Вы думаете, он предатель? Вы — предатель, а не он! — кричитъ он и бросается вперед.

При невѣроятной тѣснотѣ в залѣ, от Кравченки до свидѣтеля — один шагъ и от свидѣтеля до адвоката отвѣтчиков — другой.

Жандармы быстро занимаютъ позиціи, но Кравченко уже вернулся на свое мѣсто.

Предсѣдатель: Мы удалимся отъ темы.

Адвокатъ "Л. Ф.": Когда, на какомъ языкѣ прочелъ свидѣтель книгу Кравченки?

Кизилю: Всѣ знаютъ эту книгу. Я читалъ ее по-нѣмецки, моя жена прекрасно говоритъ по-французски.

Адвокатъ "Л. Ф.": Какъ снесся свидѣтель с Кравченко, чтобы свидѣтельствовать на его процессѣ?

Кизилю: Я написалъ два письма. Одно — эс-эру Зензинову, в Нью-Йорк, другое — в Парижъ.

Адвокатъ "Л. Ф." хочетъ поставить еще вопросъ, но предсѣдатель его обрываетъ:

— Я буду ставить вопросы, мѣтр. Сядьте, пожалуйста.

Но Вюрмсер тоже хочетъ вставить слово: онъ не понимаетъ, какъ это в мѣсяцахъ можно идти 12 километровъ в сорокаградусный морозъ?

Кизилю: Я присягалъ и рассказалъ

правду. А вотъ придутъ другіе, такъ тѣ еще лучше вамъ расскажутъ.

Однако, отвѣтчики желаютъ знать, какой величины была камера, гдѣ "стояли" 136 заключенныхъ? Какъ этотъ залъ? Какъ четверть зала?

Кизилю, в началѣ сказавшій, что она была 12 на 18, опять повторяетъ эти цифры.

Вюрмсер удивляетъ, что на такой площади спокойно могутъ влечься 136 человекъ. (В публикѣ ропотъ).

— Свидѣтель сказалъ намъ, что прочелъ книгу Кравченки по-нѣмецки. Но Кравченко сказалъ в прошлый разъ, что книга по-нѣмецки еще не вышла! — эффектно говоритъ Нордманнъ.

Кравченко пожимаетъ плечамъ:

— Да это же было швейцарское изданіе по-нѣмецки!

(В публикѣ смѣхъ, предсѣдатель стучитъ по столу, жандармы привываютъ к порядку).

Но Нордманнъ не сдастся:

— В книгѣ Кравченко писалъ, что всѣ дороги и степи в Россіи завалены трупами...

Кравченко опять вскакиваетъ.

— Почему вы врете? В 1933 г. в лѣсахъ были трупы умершихъ отъ голода, в 1939 году никакихъ труповъ не было. Тамъ такъ не написано! Вы жепп! Вы провокатор!

Жандармы быстро раздѣляютъ

Кравченко от Нордманна.

Теперь жандарм сажают между Кравченко и Нордманном, у самого свицфельдского барьера.

Кизило: Я сказал, что пристреливали на дорогах слабых, а потом говорили, что убит при попытке к бегству.

Председатель: Мы это знаем, мы это видели.

Нордманн: Нам скоро скажут, что Вухенвальз был в Сибири!

Кизило: Все, что я говорю — правда. Я рассказываю об ужасах своих и моего народа. СССР — тоталитарная страна.

Нордманн читает вырвзку из кападской газеты о каком то коллаборантѣ, французского происхожденія. Он хочет провести параллель между этим французом и Кизило.

Председатель: Это уже не вопрос, а начало вашей будущей рѣчи.

КРЕВСУН ИЗ ПОЛТАВЫ

Слѣдующій свидѣтель — Кревсун, родом из Полтавы. Его судьба, быть может, еще страшнѣе судьбы Кизило: он не был помилован. Он отбыл свое наказаніе на Колымѣ.

Крѣпкій, основательный, с загорѣлым, строгим лицом, он повѣствует о своей жизни, как, если бы дѣло шло о ком то третьем. Его обвинили в заговорѣ против Сталина (он называет статьи, под которыми его повели) и дали 10 лѣт ссылки в Магадан. Он был на золотых приискаx. Работал на морозѣ в 65 градусов (Вюрмсер удивленно переглядывается со своими адвокатами), а когда вернулся на Украину, то ничего не нашел — ни дома, ни хутора: жена была силой введена в колхоз.

Скитался он по Казахстану, по Мурману, по Сибири.

Председатель: Но почему же с вами так поступили?

Кревсун: Я не знаю.

Мэтр Гейцман: Мы проверим статьи, под которыми его повели.

Теперь адвокаты отвѣтчиков начинают свой обстрѣл: им надо точно знать, что дѣлал Кревсун в 1941 году, в 1942, 43, 44, 45? Гдѣ его арестовали нѣмцы? Когда вывезли?

Кревсун толково объясняет, что привезен он был в Цвикау и там работал на нѣмецком аэропромѣ. Он хорошо помнит даты, и украинскіе мѣсяцы «грудні, травні, липні, січні», так и летают по воздуху.

Нордманн: Всѣ они бѣжали от красной арміи, но не от нѣмцев. Как он стал свидѣтелем Кравченки?

Кревсун: Сам написал. В русскую газету. В Германіи выходит... (он думает с минуту, напрягает память). «Эх»! — радостно восклицает он.

Нордманн: Г. председатель, я хочу задать еще один вопрос.

Председатель: Только не произнесите рѣчей!

Нордманн: Сколько населенія было в 1939 году в Магаданѣ?

Отвѣт Кревсуна тонет в протестном гудѣ публики.

ПОКАЗАНІЯ ЖУРНАЛИСТА СИЛЕНКО

Молодой, с веселыми глазами, живым лицом и быстрыми жестами, украинскій журналист Силенко, разсказал французскому правосудию о нравах совѣтской печати. Но прежде, чѣм дать ему слово, председатель, опережая Нордманна, задал ему, ставшій обычным, вопрос:

— Почему вы бѣжали от красной арміи?

Силенко: Да потому, что Сталин сказал, что всѣ плѣнные — предатели. Французы, англичане были в

Германіи, они вернулись к себѣ, их встрѣтили чуть ли не как героев. Русским Красный Крест ни одной посылки не послал, русскіе у нѣмцев дохли с голоду. А вернуться нельзя было — Сталин прямо так и заявил: нам плѣнные не нужны. Всѣ они — трусы и изменники.

Силенко родился в 1921 году. Время коллективизаціи для него — время ареста его отца, выселеніе на одной хатѣ, блужданіе в степи, в снѣгу.

— В тѣ годы у нас в селѣ умерло 30 процентов населенія. Трупы лежали до весны, на морозѣ. Колхозники пухли от голоду. А жопы все кончилось, поставили на селѣ памятник Сталину.

Мэтр Гейцман: Расскажите суду о шпионствѣ в университетах.

Силенко красочно рассказывает, как не только в университетах, но в школах и пионерских отрядах процветает слѣжка товарищей друг за другом и особенно — дѣтей за родителями. Затѣм он переходит к своей работѣ, как журналиста. Он писал в харьковской газетѣ “Электротриэнергия”.

Предсѣдатель: Что же вы там писали?

Силенко: Меня посылали редактор в пех. Я там записывал три-четыре фамилии рабочих, потом приходил и писал от имени этих рабочих рассказы об их счастливой жизни.

Предсѣдатель: Странная профессія!

Силенко: Эти рабочіе потом читали подписанные их именами рассказы. Если они спрашивали, что это такое, им отвѣчали: а развѣ ты не счастлив? Мой товарищ писал за самого Алексѣя Стаханова. Комплект этой газеты за 1940 год имѣется в Москвѣ в библиотекѣ им. Ленина.

Мэтр Гейцман: Расскажите суду о пѣмецко-советской дружбѣ.

Когда Силенко говорит о пѣмцах, в голосѣ его начинает звучать страстная ненависть: видно, он не мало от них натерпѣлся.

БЛАНШ-ИРЭН-ОЛЬГА ЛАЛОЗ-ГОРЮНОВА

— Сколько лѣт вы прожили в Россіи?

— Сорок пять лѣт, господин предсѣдатель.

Какъ Лалоз — 68 лѣт, и только в прошлом году она вернулась из Россіи. До 1918 года она была учительницей французскаго языка, затѣм — акушеркой. В 1921 году вступила в партію.

— Чѣм вы живете сейчас?

— Я вышиваю, господин предсѣдатель.

Маленькая старушка, с черным узлом волос на затылкѣ, смущенн

До пакта с Гитлером населеніе никаких симпатій к Германіи не питало, но в Домѣ красной арміи, в Кременчугѣ, начальство объяснило красноармейцам (среди которых был Силенко), что могущественная Германія теперь “наша союзница” и мы поставим англо-американскую буржуазію “на колѣни”.

Адвокаты “Л. Ф.” опять начинают свои вопросы: когда, кѣм, куда именно был перевезен Силенко? Увелили его или он уѣхал?

Силенко: Увелили, в скотском вагонѣ. Поляки в Польшѣ нам подали сквозь прутья хлѣб... Я говорю о страдающем русском народѣ! Я на эшафот пойду за мой народ! Я говорю о Россіи... Россія — не Политбюро...

Его молодой голос звенит. И когда он стихает, в этом залѣ, гдѣ его слушает столько людей — благожелателей и неблагожелателей — на минутку воцаряется странное молчаніе.

Предсѣдатель медленно переводит глаза на адвокатов:

— Нѣтъ больше вопросов?...

Мэтр Нордманн бойким голосом объявляет, что прочтет сейчас статьи, которыя, хоть и не подписаны свидѣтелем, но он их, конечно, написал: слѣвуют два отрывка из писаній “Матѣн” и “Гренгуара”, начала 30-х годов, о каннибальствѣ в Россіи.

Мэтр Гейцман: Простите, но я совершенно не опѣшил вашего остроумія!

Публика шумно протестует.

количеством публики и свѣшкками магнія. Сначала она никак не может нащупать нить своих мыслей. Но постепенно, привыкнув к обстановкѣ, на французском языкѣ, в котором она уже не слишком тверда, она начинает рассказывать о своей жизни.

Двух сыновей она потеряла в красной арміи. Никакой пенсіи государство ей за них не платит. Она получала 150 рублей в мѣсяц пенсіи, как бывшая акушерка.

— Расскажите, свидѣтельницей каких фактов вы были.

Г-жа Лалоз: Я могу рассказывать три дня и три ночи.

Председатель: Что вы думаете о книге Кравченко?

Г-жа Лалоз: Кравченко не только выбрал свободу. Он выбрал и борьбу. Он имѣл смѣлость бросить этот ужасный режим и рассказать о нем миру.

Будучи партийной коммунисткой, г-жѣ Лалоз пришлось присутствовать и при арестах, и на заседаниях трибунала. Она ищет, с чего бы начать, ее усердно снимают фотографы...

Кравченко: Дайте возможность свидетелям спокойно говорить! Она знает, о чем ей говорить.

Переводчик, г. Андронников, переводит первую фразу Кравченко. Г. Зноско-Боровский, переводчик "Леттр Франсэз", сообщает суду, что г. Андронников не все перевел: Кравченко сказал, что "известно, что свидетельница будет говорить". (Очевидно, намекая, что и Кравченко это известно, т. е., что все заранее условлено).

Г-жа Лалоз: Какой народ! Как он страдает! Ни один народ так не страдал! Работают всю жизнь, обрываются с ними, как с собаками...

Безхитростно, иногда не без юмора, она говорит без умолку теперь, под ободрающим взглядом председателя.

— Вы — всё мои дѣти, — слышит она, показывая на публику, — я старше всѣх. Я всѣм говорю, кого встрѣчаю: все, что Кравченко писал, все правда! Только он мало написал, надо было в десять раз больше. И коммунисты ко мнѣ ходят. Я и им говорю... Мы, говорят, вѣрим вам... Там, за драку в пьяном видѣ, пять лѣт тюрьмы дают. Как в Сибирь их гнали! Как бабы были... Я думала с ума сойду. А тут

— "Юманитэ" и всякое такое. Одна поднография! Народ очень мучается. Никто об этом знать не хочет.

Оказывается, когда Торез прѣбывает в Москву, никто не знал, кто это (из непартийных обывателей).

(Смѣх. Возгласы).

— Мнѣ сказали, он в Кремль сидит, а у меня два сына на фронтѣ!.. Очень мнѣ стыдно было быть французенкой. Дезертир он...

Она рассказывает о зарплатах рабочих, о том, как брали из этой зарплаты на французскія забастовки.

Председатель: На наши забастовки?

Г-жа Лалоз: Ну, конечно. В Россіи же нѣтъ забастовок... Когда я захотѣла уѣхать, спрашиваю: гдѣ наш посол? Мнѣ говорят: никакого посла нѣтъ. Всѣ французы-интервенты. Но я добралась до Москвы и все объяснила. И уѣхала.

— Меня не купишь! — восклицает она. — Стыдно в мирѣ жить, зная, что такой режим существует. Книга Кравченко... Да я не прочла ее, я ее проглотила!.. В Россіи людей запрягали шахать, я сама видѣла.

Председатель: Вы это видѣли сами?

Г-жа Лалоз: Да

Председатель: А церкви?

Г-жа Лалоз: Это — комедія, или лучше сказать — трагедія. Когда Гитлер подходил, всѣ церкви открыли. Русскій народ ослигбозен. Это, чтобы он лучше воевал.... Вся моя жизнь там прошла....

Большіе часы показывают семь часов.

Адвокаты "Л. Ф." молча отпускают Ирэн-Ольгу Лалоз-Горюнову, не задав ни одного вопроса.

Председатель встает. Засѣданіе закрыто.

ШЕСТОЙ ДЕНЬ

ВТОРАЯ неделя процесса В. А. Кравченки закончилась. В среду, в заседании, продлившемся пять часов, были выслушаны два свидетеля: это была атака "Лэтто Франсез" против Кравченки. В эту атаку были пущены два тяжелых орудия: американец, "специалист

пятой колонны", Альберт Кан, и англичанин, член рабочей партии в палате общин — Цилякус.

Мэтр Изар, оправившийся от болячки, был в своей "лучшей форме" и прения, благодаря его выпадам, часто носили весьма оживленный характер.

СПЕЦИАЛИСТ ПЯТОЙ КОЛОННЫ

Говорящий только по американски, именующий себя журналистом, Альберт Кан — автор трех книг: "Великий заговор против России", "Саботаж" и "Заговор против мира".

Адвокат "Л. Ф." рекомендует его книги суду, читает хвалебную критику о них и предупреждает суд, что свидетель будет говорить о сношениях Кравченки с фашистами в Америке.

Председатель: Что вы можете сказать по делу?

Кан: Моя специальность: разоблачать фашистов в пятую колонну, открывать антисоветские интриги. Я работал в комиссии, которая занималась разоблачением пропаганды наци в Америке. В этой комиссии были такие лица, как Томас Манн, проф. Эйвштейн, Жак Маритэн, Дороти Томпсон...

Мэтр Изар: ...которая восторженно писала о книге Кравченко!

Кан: Это она позже писала, когда подпала под влияние Пауля Шеффера, правой руки Геббельса. И я арестовал ее. Во время войны она была прогрессивкой. Мы вылавливали шпионов и саботажников.

Мэтр Изар: Если я правильно понимаю свидетеля, то это он как раз и есть "секретный агент американской службы?" (Смех).

Кан: Я не агент. Я боролся с вра-

гами моей страны и вашей страны, и с врагами СССР.

Председатель: Знаете ли вы Сима Томаса?

Кан: Никогда о нем не слышал. (Недоумение. Смех в зале).

Председатель: Вы не знаете, что диффамация была подписана "Сим Томас"?

Свидетель этого не знает. Суд удивлен.

Председатель: Но вы знаете, что была статья, в которой была диффамация?

Кан: Я узнал об этом вчера.

Председатель: Читали ли вы ее?

Кан: Нет. (Смех).

Мэтр Изар: Свидетель заявил, что он слышал 3.500 миль, чтобы присутствовать на этом процессе. Мнѣ кажется, он слышал это напроасно.

Кан: Дело для меня идет не только о Кравченко. Для Кравченки я бы не вышел и за ворота своего дома. Дело идет о гораздо большем.

Мэтр Изар: Значит, он приехал не для дела Кравченки. Зачем же он здесь?

Кан: Я расскажу о связи Кравченки с украинскими фашистами. В Америке находится миллион украинцев. Они все фашисты и продолжают шпионаж, которым занимались наши. Они работают под началом бюро, которым в свое время руководил Альфр. Розенберг. Их штаб в

Берлинъ. Ими руководили полк. Николас и Скоропанский. У нас, в Америкѣ, есть также бѣлые русскіе, они тоже фашисты и паристы. Многіе работали с нѣмцами и японцами. Я специалист по изученію их работы.

По словам свидѣтеля, японскіе шпионы были частично арестованы во время войны. К ним Кан причисляет Вонсяккаго.

Он рассказывает, как этот послѣдній совершал похищенія богатых людей и брал выкуп; как соблазнил в Парижѣ богатую американку и обобрал ее: как у Вонсяккаго был найден пѣлый арсенал оружія. Это он устроил убійство Кирова. По власти, в концѣ концов, посадили его в тюрьму.

Предсѣдатель: Много ли в Америкѣ людей, которые, как вы, борются с антисовѣтской пропагандой?

Кан: Их очень мало. Гораздо больше людей, которые эту пропаганду сѣют. Во время войны тѣх, что борются, было больше. Сейчас им трудно. Враги СССР сѣют войну.

Предсѣдатель: Вы пріѣхали во Францію свободно? И можете послѣ процесса вернуться в Америку?

Кан: Я мог выѣхать на 10 дней. Каждый гражданин Америки может вернуться на свою родину. (Возгласы в залѣ). Я не хочу, чтобы вы думали, что Кравченко представляет Америку. Он выбрал свободу, потому что ему Соединенные Штаты понравились.

Мэтр Изар: Как объяснит г. Кан тот факт, что Сим Томас не пріѣхал на процесс, если так легко можно ѣздить туда и обратно?

Кан: Может быть, у него другія причины не являться....

МИТИНГ И САМОРЕКЛАМА

Кан рассказывает о значеніи своих книг, о том успѣхѣ, который онѣ имѣли, называет людей, которые писали для них предисловія. "Моя первая книга... моя вторая книга... моя третья книга..."

Предсѣдатель: Скажите ему, что Сим Томас — главный обвиняемый. Переводчик "Латр Франсез", г. Зноско-Боровскій, явно не успѣвает переволить быструю рѣчь оратора, который, видимо, привык выступать в публичных мѣстах и говорит без умолку. Он раздражается, когда ему недостаточно быстро переводят колгіе выпаны мэтра Изара.

Лишній раз приходится отмѣчать совершенно исключительную способность г. Андронникова, казеннаго переводчика, схватывать мгновенно всё отгѣнки рѣчи.

Предсѣдатель: Скажите, что вы думаете о книгѣ Кравченки?

Кан (развязно): Она похожа на книгу Кинсlea "Сексуальная жизнь американца", но она хуже. В ней тоже много написано о подовом вопросе. В Америкѣ этот вопрос приносит деньги. Таких книг у нас выходит очень много, никто не обращает на них вниманія.

Предсѣдатель: Что думает свидѣтель об интервью Кравченки в апрѣлѣ 1944 г.?

Кан: Интервью было в 1945 г. (Смѣх). Много было интервью. Я не всё читал. Я очень занят.

Предсѣдатель: Но как же цензура пропускала статьи пренателей и шпионов?

Кан: С 1932 года у нас существует нѣмецкій Интеллиженс Сервис. Он устроил сѣть саботажа. В этой организациі всё присягали Гитлеру, было 20.000 членов. Правительство все это допускало. Нѣкто Лук Мишуа был главой этого американско-нѣмецкаго "бунда". Он был украинцем. Он друг Кравченки.

Кравченко с недоумѣніем поднимает голову и смотрит на свидѣтеля.

Кан: То-есть не друг, но он печатал в своей газетѣ "Свобода" книгу Кравченки и ее рекламизировал. Во время войны Мишуа ѣзжал к Геббельсу в гости и видѣлся с Риббентропом.

Кан начинает длинную исторію о том, каким именно способом он выволил на чистую волю во время войны японских шпионов. Затѣм он берет книгу Кравченки и хочет прочесть читателю на страницѣ такой-то.

Мэтр Изар: Спасибо! Нам это уже читал наш дорогой Баби! (профессор-коммунист).

Кан: Книга Кравченки — резуль-

тат конспираціи против СССР. Эта конспирація началась в 1918 году. Гитлер пришел к власти потому, что ему помогли это сдѣлать нѣмецкіе, англійскіе, американскіе и другіе капиталисты. Он обѣщал им уничтожить СССР.

Затѣм свидѣтель переходит к раз-

сказу о своем путешествіи в Польшу, гдѣ он видѣл страшные слѣды нашествія нѣмцев.

Мэтр Изар: Мы с вами совершенно согласны. Это было ужасно.

Предсѣдатель: Мы все это знаем и испытали сами.

ПЕРЕСТРѢЛКА

Кан закончил свои показанія.

Бравченко встает со своего мѣста:

— Я ни с фашистами, ни с монархистами, ни с сепаратистами не имѣю никакого дѣла. В Германіи, в монархической газетѣ. ("На Переломѣ", П. Б.) было напечатано двѣ недѣли тому назад нѣчто вродѣ пригвѣствія по моему адресу. Мэтр Изар прочтет копію телеграммы, которую я туда послал.

Мэтр Изар читает телеграмму Бравченки, который сообщает га-

зетѣ, что ничего общаго с ней не имѣет.

Кравченко: Почему свидѣтель говорил о нѣмецких звѣрствах и ничего не сказал о страданіях русскаго народа?

Кан: Ужасы совѣтскаго режима всѣ выдуманы.

Кравченко: Чѣм объясняет свидѣтель, что моя книга печаталась фельетонами в сорока американских газетах одновременно? Неужели в Америкѣ сорок фашистских газет?

Кан: Это были газеты Херста. Он — фашист и был за "Ось".

ЧЕЙ-ЖЕ, ВСЕ-ТАКИ, КРАВЧЕНКО АГЕНТЪ?

Послѣ перерыва, мэтр Изар объявляет, что задаст свидѣтелю нѣсколько вопросов:

Изар: Был ли свидѣтель в Россіи?

Кан: Нѣт.

Изар: Если вы только вчера узнали о существованіи "Сима Томаса", то, что вы знали третьяго дня?

Кан: Я знал, что есть процесс.

Изар: Мнѣ кажется, вы должны были доказать, что Кравченко — агент?

Кан: Я пріѣхал свидѣтельствовать о дѣятельности Кравченки в Америкѣ.

Изар: Если только для того, чтобы вам сказать, что он — против совѣтов, то вѣхать, пожалуй, не стоило? Или то плохо, что его Херст печатал?

Кан: Я сказал о связи Бравченки с Мишва и о том, на кого работает его книга. Впрочем, я никогда ее не писал. Ее писал Лайонс.

Изар: Только что я прочел в газетѣ "Франс-Сувр", что Сталин приглашает Трумана в Москву. ТАСС дал об этом телеграмму как раз

прессѣ Херста. (Смѣх. Публику приывают к порядку)... Я хотѣл бы знать, был ли Бравченко агентом секретной американской службы или агентом американских наци?

Кан: Он не мог быть агентом американской службы. Он работал на нѣмцев.

Это заявленіе свидѣтеля производит извѣстное впечатленіе: из этих слов слѣдует, что Кан и "Летто Франсез" обвиняют Кравченку в совершенно различных вѣщах.

Изар: Вы не сражались во время войны?

Кан: Нѣт. Я был полезнѣе, как журналист. Я разоблачал фашистов, я...

Предсѣдатель: Покороче, пожалуйста. Мы уже поняли.

Изар: Надо ли так понять ваши слова, что пѣль русских в Америкѣ — заставить власть закрыть коммунистическую партію?

Кан: Не только ее, но и всѣ вообще прогрессивныя партіи.

Мэтр Изар читает показанія Бравченки в комиссіи по разслѣдованію антиамериканских дѣйствій. Из этих

показаній явствует, что Кравченко совершенно не считает нужным задержание американской компартии.

Далѣе мэтр Изар приводит статью из "Дэйли Уоркера" (коммунистическая газета) от 1939 г., из которой слѣдует, что американские коммунисты были изоляционистами. "Янки не придут к вам!" — писалось там в обращении к воюющей Европѣ. — "Мы не поможем вам никак!"

Кан: Я не отвѣчаю за эту газету.

Изар: Что вы думаете о послѣдней резолюціи Коминформа?

Но Кан, не отвѣчая на вопрос, снова пускается в разсужденія об американских фашистах.

— Я желаю вам, — говорит ему

мэтр Изар. — вернуться домой благополучно и нѣжно взглянуть по приѣздѣ в Нью-Йорк на статую Свободы!

Тогда встает мэтр Нордманн и спрашивает Кравченку, почему он в Америкѣ не начал этого процесса в свое время, когда о нем коммунисты писали, что книга не его.

Кравченко: Во-первых — у меня не было тогда денег. Это стоит очень дорого. Во-вторых, компартия Америки так ничтожна, что не стоит и бороться против нея. Во Франціи же компартия очень сильна, и тут то и надо ее разоблачать.

Нордманн (иронически): Она насчитывает 33 процента населенія.

Изар: Но вѣдь мы тоже представляем пѣть трети!

ЧТО РУССКОМУ ЗДОРОВО, ТО НѢМЦУ — СМЕРТЬ

Второй свидѣтель защиты — депутат англійскаго парламента Цилякус. Он был в Россіи в 1918 году, в 1931, 1936 и наконец — в 1947, когда бесѣдовал "три часа с Молотовым и два часа со Сталиным". Он считает, что все, что было сдѣлано совѣтской властью, было необходимо. Всѣ мѣропріятія удалисъ, все плет к лучшему, а если и были "преувеличенія", то без них невозможно.

Цилякус принадлежит к тѣм иностранцам, которые считают, что Россія до 1917 года пребывала в средних вѣках, что при парях во всѣх войнах ее били, что народ — темный, страна — отсталая, и что, хоть и много в ней достиженій за послѣднія 30 лѣт, однако, далеко ей до Англии. Конечно, европеец бы не выдержал такого режима, но русскій человѣкъ выдержать может очень многое, и потому, собственно, волноваться особенно не надо. Книга Кравченки — живая, все в ней преувеличено или искажено.

— Коллективизація была полез-

на, — говорит флегматически Цилякус. — Безнорядки всегда бывали. Сталин говорил мнѣ лично, что хочет жить со всѣми в мирѣ. Жизнь русских, конечно, трудна, но они идут к свѣтлому будущему и лѣт через тринадцать эволюционируют. Там инья, тѣм у нас, концепціи...

Мэтр Изар нападает сразу со всѣх сторон: выясняется, что о Коминформѣ свидѣтель "думает без энтузіазма"; что Черчилли считает "виновником войны"; что 3 февраля он будет выступать в Парламѣ на коммунистическом митингѣ "Кравченко против Франціи"; что во время итальянских выборов он поддерживал социалиста Ненни, который был за объединеніе с коммунистами.

Изар: Думаете ли вы, что Кравченко может теперь спокойно вернуться в Россію?

Цилякус (слегка запинаясь): Там, как я уже сказал, нѣсколько инья концепціи...

Засѣданіе закрывается.

В повѣдѣльник — допрос совѣтских свидѣтелей.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ

В ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 февраля, началась третья неделя процесса В. А. Кравченки. Этот седьмой день носил драматический характер: Зинаида Горлова-Кравченко-Свѣт-Гончарова, первая жена Кравченки, дала свои показания Сенскому суду.

До нея показывал инженер Рома-

нов, член советской закупочной комиссии в Вашингтонѣ, прямое начальство Кравченки в 1943-44 гг.

Засѣданіе началось в 1 ч. 30 м. Прежде, чѣм вызвать свидѣтелей, мэтр Нордманн, адвокат "Лэттр Франсэз", просит прокурора отвѣтить на три вопроса.

ПРОКУРОР ЗАГОВОРИЛ.....

Первый вопрос Нордманна касается визы Кравченки и Кэ д'Орсэ, второй — виз его свидѣтелей и третий — министерства информаций, давшего Кравченкѣ "трибуну" для его политических рѣчей, разрешившаго устроить телефонныя будки в судѣ для журналистов, и вообще придавшего процессу "характер грандиозности".

Двѣ недѣли молчавшій прокурор заявляет, что обо всем он в подробностях скажет в своей рѣчи. Пока же может сказать только, что визы всё были даны законно, а телефонныя будки и пр. устроены потому, что так министерство сочло нужным распорядиться.

Нордманн возражает против вышшняго французскаго правительства.

Предсѣдатель: Мы судим здѣсь не наше правительство, а дипломатов из "Лэттр Франсэз".

Мэтр Изар предупреждает суд, что свидѣтели, которые будут выступать сегодня и во вторник — в большинствѣ своем — коммунисты; он читает тѣ наставленія, которые даѣт Вышинскій и др. всякому коммунисту вступающему в спор с безпартийным: политика партіи выше закона, говорит Вышинскій. Если партійная линия говорит одно, а закон — другое, надо держаться партійной линии. Поэтому, говорит Изар, всѣ слова свидѣтелей, которых мы услышим сейчас, продиктованы свыше.

Блюмель (адвокат "Лэттр Франсэз"): Свидѣтели будут присягать и показывать совершенно свободно.

СВИДѢТЕЛЬ РОМАНОВ

В голубом костюмѣ, видимо, накупившій купленном, громадный, с толстым и нѣсколько кислым лицом (которое дѣлалось постепенно все кислѣе), инженер Романов начинает свой рассказ о грѣхах юности Кравченки:

— В семьѣ это был урох. Мы с ним — земляки. Знакомы с 1926 года. — говорит Романов. — Отны

наши работали вмѣстѣ на заводѣ. Его младшій брат был в одном со мной пехѣ. Кравченко был в юности тѣслажен и любил легкую жизнь. Хотѣл всюду быть первым. В семьѣ из-за него были скандалы. Жил не по средствам. Был эlegantен (в публикѣ смѣх), кутил, золочился, хвастал успѣхами (продолжительный смѣх в публикѣ).

Затѣм Романов рассказывает свой. — невозмутимо продолжает свой. — невозмутимо продолжает

“гнусную исторію” о том, как нѣ- Романов. — В 1943 году я встрѣ-
кій старый рабочий Афанасій изоб- тил Кравченко в наркоматѣ внѣш-
рѣдѣ способ улучшения производства нней торговли. Он сказал мнѣ, что
и как Кравченко этим изобрѣтеніем влет в Америку, что его назначили
завладѣл.

потому, что он прекрасно говорит по-англійски.

Кравченко (равнодушно): Рома-
нов знает, что он врет.

Кравченко: Какая чепуха!
Романов: Кравченко сказал тоже,
правду. Кравченко не глуп. (Мэтр что отец и мать его повѣшены нѣм-
Изар: Спасибо и на этом!) У него пами, так же, как и жена. Он ж
прекрасная память. (Мэтр Исар: этому времени бросил металлурги-
Таж и запишем! это очень важно). ческій завод...
Он умѣет себя похвалить. Но его отец Кравченко: Потому, что меня взя-
мнѣ говорил, что он позорит семью. ля в армию.

Романов: Потому, что он воевал
Кравченко: Романов, да побойтесь и сказал, что отморозил ноги.

Кравченко: Иногда не было та-
кого разговора.
Романов: Но я знал, что жена Кравченко: Потому, что он говорил
и сказал, что отморозил ноги.
Романов: В Техническом инсти- Кравченко: Иногда не было та-
тутѣ он славился распутством и вел кого разговора.
себя не совсѣм хорошо. Глупимѣр, Романов: Но я знал, что жена
когда он провалился на экзаменѣ у его жива и эвакуирована с сыном.
проф. Емельяненко, он потом рас- Предсѣдатель: А, у них был
пустил слух, что Емельяненко, по сын?
классовым причинам, его провалил. Романов: Да. В Америкѣ я опять
Время у него уходило на все, кро- увидал его. Несмотря на то, что я
мѣ учебѣ. Как ему дали диплом, знал, что он такое, я все-таки с ним
я даже не знаю...

Мэтр Исар: Но вы, кажется, ска-
зали, что он не глуп? (Смѣх).

Романов: В 1942 году на Уралѣ
мнѣ говорил о нем пилотер Герар- мнѣ говорил о нем пилотер Герар-
дов: сколько лѣтъ этому жулику еще дов: сколько лѣтъ этому жулику еще
участся надуть людей? Он дал участся надуть людей? Он дал
Кравченкѣ свой проект...

Кравченко: Да я тогда с Герар-
довым не работал!

— ...и Кравченко присвоил этот
проект. Зарегистрировал его, как

ПРОКЛЯТАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

— Я могу рассказать подробно
про закупочную комиссію. — пред-
лагает свидѣтель.

Предсѣдатель: Нѣт, нѣт! Поко-
роче, пожалуйста.

Романов: Я был его начальством.

Предсѣдатель: Но вѣдь вы зна-
ли, что это за человек, как же вы
ему довѣряли?

Романов: Земляки, знаете... И
этом, что же, за такое у нас в тюрь-
му не сажают. Он, впрочем, никогда
не занимал отвѣтственного поста. И
ужасно был независимым.

Кравченко: Старался все ѣздить
по городу без переводчика! (Смѣх).

Романов: Когда я ему сказал, что

скуčiau по Совѣтскому Союзу, по
женѣ и дочери, он отвѣтил, что хо-
тѣл бы остаться в Америкѣ подоль-
ше. Узнав, что ему нравится Амери-
ка, я сейчас же сказал об этом мое-
му начальству. До Кравченко это
лошло. Он почувствовал, что не мо-
жет вернуться: у него слѣдался жи-
вотный страх перед отправкой на
фронт, и вот, одпажды, в какой то
побѣдѣннк, в апрѣль 1944 г., он
не явился на службу. Мы забезпе-
коились, поѣхали к нему на дом. И
так мы узнали, что он совершил
гнусное преступленіе: он вступил в
дебаты с нашим правительством.

Кравченко: А почему нѣт?

ОБСТРЪЛ РОМАНОВА

Председатель: Читали ли вы статью Симы Томаса?

Романов (плачущим голосом): Читал! Я понял, что он предатель и не может больше смотреть в глаза...

Кравченко: Да вы не плачьте! Я смотрю вам в глаза!

Романов: Истинно-русский человек не может слѣбать такую пакость.

Мэтр Нордманн задает Романову вопрос: был ли Кравченко в комсомолѣ?

Но, оказывается, Кравченко был в комсомолѣ до знакомства с Романовым.

Нордманн: Был ли Кравченко студентом в Харьковѣ?

Романов: В Львѣпропетровскѣ.

Нордманн: Значит, опять ложь! Он не был в комсомолѣ, не был в Харьковѣ. А в Никополѣ он был?

Романов: Нѣт. Это фарс.

Кравченко: Я был в Харьковѣ, был в Никополѣ, с Цыпляковым и Борепким. И я все это докажу.

Романов (флегматически): Да, фамилии он называет правильно.

Кравченко: Я хочу спросить, в свою очередь: пусть нам свидетель скажет, когда он вступил в партію?

Романов не отвѣчает на этот вопрос. Вюрмсер с мѣста кричит что то, мэтр Изар, в свою очередь, возвышает голос:

— Тут судят не Кравченку, а вас.

Вы — диффаматор!

Романов: Я был безпартійный.

Кравченко: Это секрет, когда вы вступили в партію?

Романов (нехотя): В 1939 году.

Из этого отвѣта слѣдует, что Романов вообще не мог знать очень многого касательно жизни и работы Кравченко до 1939 года.

Нордманн: Пусть Кравченко скажет, когда он поступил и когда окончил Харьковский институт!

Кравченко: Не слажу! Через два дня здѣсь будут три свидетеля говорить об этом. Один из них — мой харьковский профессор, у котораго я учился. (Движение в публикѣ). Романов не был в партіи и ничего обо мнѣ не знает.

Романов (вяло): Но мы земляки...

Опять начинается сильный шум. Адвокаты вскакивают со своих мѣст и всѣ кричат в одно и то же время. Кравченко и Романов по русски смутаются, переводчики за ними не поспѣвают.

Слышен голос Кравченки: Попѣлуйте Сталина от меня, когда увидите!

Романов: Попѣлую, да не от вашего имени!

Нордманн (возвышая голос): Ясно, что Кравченко нигдѣ не был и ничего не видел.

Кравченко: Может быть, я и не долился? (Смѣх).

АКАДЕМИК ТРАЙНИН

Председатель хотѣл бы знать, была ли закупочная комиссія милитаризована, т. е., иначе говоря — дезертир ли Кравченко? Романов отвѣчает: нѣт, но переводчик, г. Зноско-Боровскій, этого "нѣт" не переводит, и мэтр Изар вскакивает со своего мѣста:

— Вы аккредитованы при Сенском судѣ, вы присягали! Почему вы не переводите этого "нѣт", которое мы всѣ поняли?

Затѣм спор поднимается о трубах, которыя были заказаны Совѣтами в Америкѣ: Романов утверждает, что Кравченко принял брако-

ваный товар, мэтр Изар доказывает, что бракованныя трубы были приняты Романовым.

Нордманн: Как вел себя Кравченко в денежных расчетах?

Романов: Подробно не могу рассказать, но нечистопопотно.

Мэтр Изар: В 1942-43 гг. Кравченко состоял при совнаркомѣ. Известно ли это вам?

Романов: Такой нгуль! Никогда он не был в совнаркомѣ! Я помню, он был не согласен с нашим вождем...

Мэтр Изар: Каким образом в апрѣлѣ 1944 года, послѣ того, как было дано знаменитое интервью, со-

вѣтское посольство четыре дня от-
вѣчало журналистам в Вашингтонѣ.
Что никакого Кравченко оно не зна-
ет?

Но Романов на это ничего отвѣ-
тить не может. По просьбѣ предсѣ-
дателя, он рассказывает, через ко-
го он узнал о процессѣ и от кого
получил приглашеніе в нем участво-
вать: это был академик Трайнин.

Судя по показаніям свидѣтеля,

Трайнин был тѣм лицом, которому
было поручено вербовать свидѣте-
лей в СССР для процесса Кравчен-
ки.

Суд отпускает свидѣтеля до стре-
ны, когда назначается очная став-
ка между ним и Пастѣчным, сви-
дѣтелем со стороны Кравченко,
знавшим Кравченко в Харьковском
институтѣ.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ДІАЛОГ

Послѣ перерыва, в накаленной
атмосферѣ переполненного зала, в
теченіе часов popolудни, появляется
Зинаида Горлова.

Это — миловидная блондинка, 36
лѣтъ, обладательница, ка.; выража-
ется в старину, “роскошных форм”,
крѣпко затянутая в корсет. На ней
черное платье. Лицо ея блѣдно и
мрачно. Она рекомендует себя, как
женщину-врач.

— Мнѣ было 19 лѣтъ, когда я
встрѣтилась с Кравченко. Это бы-
ла позорная страница моей жизни.
В 1932 году мы поженились. Мои
родители были против. Мой отец
сказал про Кравченку, что это “без-
грамотный Дон-Жуан”.

Далѣе идет мелодраматическая
повѣсть о том, как сначала, по же-
ланію Кравченко, она слѣзала себѣ
аборт, а затѣм родила ребенка, на
котораго он отказался давать “али-
менты”.

— Он меня бил. Он бил посылу,
— говорит Горлова монотонным го-
лосом, как заученный урок. — Он
ревновал меня. Елиза не убил...

Предсѣдатель: Он стрѣлял в вас?

Горлова: Нѣтъ, хотѣлъ стрѣлять.

Предсѣдатель: То-есть, цѣлялся
из револьвера?

Горлова: Он грозил...

Когда Кравченко узнал, что она
во второй раз беременна, он опять
начал бить посылу, а потом залез:
теперь тебѣ время от меня уходить,
а то ребенок испортит мнѣ карьеру.
“Тогда я ушла к родителям”. — за-
канчивает свой рассказ свидѣтель-
ница.

Предсѣдатель: Что же было по-
том?

Горлова: Кравченко не помогал
мнѣ. В 1935 году я вторично вы-

шла замуж. Мой второй муж хотѣл
усыновить ребенка от Кравченко, по
этот послѣдній долго не давал свое-
го согласія на это.

Предсѣдатель: И никогда не да-
вал денег на сына?

Горлова: Он сказал, что банкрот.
Но теперь я свободна и молю Бога,
чтобы сын не был похож на отца, а
то я буду так же несчастна, как его
мать. Кромѣ презрѣнія и отвраще-
нія я к Кравченкѣ ничего не пи-
таю.

Мэтр Нордманн начинает ставить
свои вопросы: они сводятся к то-
му, чтобы доказать, что Кравченко
лгал, когда писал свою книгу. Гор-
лова говорит, что ни о коллективиза-
ции, ни об Орджоникидзе Крав-
ченко никогда ей ничего не гово-
дил.

Кравченко, блѣдный, взволнован-
ный, с горящими глазами, встает
со своего мѣста. Он напоминает Гор-
ловой, что она с ним вмѣстѣ была
в колхозах, что ходила к Орджони-
кидзе.

Горлова: Это все сплошная ложь!

Мэтр Изар достает из портфеля
документ, из котораго выстает, что
Горлова была в Кремлѣ у Орджо-
никидзе и Кравченко прав. Бывшая
жена Кравченко начинает медленно
краснѣть и просит стул, чтобы
сѣсть.

Кравченко: Не я лгу, а вы лже-
те! Вы скрыли от суда, что заму-
жем не два, а три раза. (Впрочем,
это не грѣх!) Ваш отец, Сергѣй
Николаевич Горлов, меня любил. О
первой беременности вы признались
мнѣ через три дня послѣ нашей
свадьбы и сами захотѣли операцию,
как этого хотѣла и ваша мать. В
колхозах вы были со мной вмѣстѣ.

не выдержали этой жизни, но скрывали это, а то бы вас выгнали из Медицинского института, где вы учились. Затем вы побжали в Бердянск, отдохнуть от возложных впечатлений. А по приезде из Бердянска мы, по обоюдному соглашению, разошлись. И я тогда не знал, что вы вторично беременны.

Горлова: Это все сплошная ложь.

Кравченко: Я прошу суд вызвать в среду моих свидетелей, которые знали Зинаиду Горлову, когда она

была моей женой. Они подтвердят все, мною сказанное. (Горлова опускается на стул, голос ей изменяет). Вы помните Мишу Шербаня и Черникова?... (Кравченко смеется в глаза Горловой).

Председатель: Хочет ли он сказать, что предполагает, что сын — не от него?

Кравченко: Нет, я этого не говорю... Я платил за него в клинике. Его принимал проф. Шмундак...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕРДИТСЯ НЕ НА ШУТКУ

В эту минуту мэтр Нордманн, все время прерывавший Кравченку, возвышает голос. Он требует, чтобы ему дали возможность задавать свидетелям вопросы. Это — суд, а не трибуна для речей Кравченки!

Председатель: Мэтр Нордманн, вы были храбрым офицером во время войны, но здесь я не допущу вашего авторитарного тона!

Кравченко продолжает рассказывать дальше. Он иногда встречал Горлову на "проспекте", у него есть фотография, где он снят с сыном...

Горлова: Это он гулял по проспектам, а не я!

Затем он говорит об ее отце. Он не умер, как утверждает свидетельница, а отбывает наказание в Сибири. Он — бывший офицер парковой армии. А сама Горлова — жертва советской полицейской системы.

— Я требую, — говорит Кравченко, — чтобы она не вывозилась из среды из Парижа, когда будет очная ставка ее с моими свидетелями. Я ей гарантирую жизнь до конца ее дней, если она хочет...

Мэтр Нордманн встает с места: Этот человек бросил жену с ребенком!

Председатель: О брошенном ребенке вы скажете в вашей защитительной речи!

Нордманн: Он предал женщину и свою родину!

Председатель (возвышая голос): Мэтр Нордманн, я прошу у вас слова!

Нордманн: Довольно мы слушали Кравченку!

Председатель: Мэтр Нордманн, я слушаю вас слова!

Нордманн: Я протестую!

В сильном шуме не слышно слов. Горлова пытается "под занавес" сказать, что Кравченко "негодяй и подлец"; Кравченко кричит: "Опять громкофонная пластинка".

Мэтр Изар сияет, как и мэтр Гейпман: свидетели "Леттер Франсез" никого ни в чем не убедили; Нордманн и другие адвокаты противной стороны пытаются докричаться до председателя, который, разсерженный, встает и объявляет заседание закрытым.

Кравченко долгим взглядом смотрит на свою бывшую жену. Он взволнован и этого не скрывает, его волнение отчасти передалось в публику. Все встает со своих мест.

На часах — без четверти семь.

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ

ПОСЛЕ бурных инцидентов понедельника и в ожидании очных ставок, назначенных на среду, заседание вторника, 8 февраля, было сравнительно спокойным, если не считать едва не начавшейся рукопашной между Кравченко и свидетелем Колыбаловым

Два советских свидетеля и один ученый француз (привыкший, как он выразился, вращаться в самом лучшем обществе) заполнили день. Заседание началось в 1 ч. 30 м.

Один из адвокатов "Лэтто Франсэз", Матарассо, напоминает, что желание ответчиков увидеть, наконец, русскую рукопись Кравченко, до сих пор не исполнено.

Мэтр Изар отвечает, что он ее покажет тогда, когда сочтет это нужным.

Вводят свидетеля Колыбалова. Это — инженер, знавший Кравченко в СССР и бывший с ним одновременно в Америке. У него хмурое лицо, низкий лоб, тихий голос.

ЦЕНТРОТРУБА

Специалист по трубам. Колыбалов начинает свою речь с длинного пояснения. Он говорит о своей работе в Главтрубостали, о нормах производства, о перевыполнениях плана, об организации строительства. Такие слова, как конвейер, ревизия, пех, бригада, освоение техники, — медленно и неуклюже переводятся по-французски.

Председатель: Что вы можете сказать о Кравченке?

Колыбалов: Работал плохо. Расстрелял 60.000 рублей. Никогда не был директором завода, был директором несуществующего строительства. (Смех).

Из показаний свидетеля выясняется, что Кравченко был приговорен к двум годам каторжных работ

за расстрел, что он, хоть и воевал, но был скоро освобожден от военной службы, так как врачи назвали у него "дефективное развитие".

Как и свидетели, выступавшие накануне, Колыбалов хочет доказать суду, во-первых, что Кравченко дезертир, во-вторых — что вся его позорная жизнь привела его логически к "гнусному концу" и, в третьих — что он был нулем и таким остался.

Мэтр Изар несколько раз выступает в спор с Нордманном. Колыбалов не понимает по-французски и нервничает.

— Держите ваши нервы в руках! — смеясь, говорит ему Кравченко.

Но очень скоро дело оборачивается серьезно.

«Я ВАС ВЫСЪКУ!»

— Это Колыбаловы виноваты в том, что тысячи инженеров были сосланы и загублены! — отвечает суду Кравченко на обвинения советского инженера. — Это круглая бездарность. Они зарабатывают теперь себе политической каш-

тал, свидетельствуя на моем процессе. Я вас высъку, Колыбалов, вы — технический Хлестаков! Вы бездельники, вы — интеллектуальное ничтожество!

Кравченко держит в руках документ, из которого явствует, что на-

частьство обонх. Меркулов, был доволен работой Кравченки.

— Все это происходило по приказу Лазаря Кагановича, а не по приказу Колыбалова. — говорит Кравченко.

Но свидетель настаивает, что это ложь. Оба повышают голос, переводчики не поспевают за криком, адвокаты вскакивают.

— Мне наплевать на Сталина! — покрывает Кравченко своим сильным голосом голос Колыбалова. — Я всю жизнь ждал этого дня! Я в свободной Франції.

Председатель: У него некоторый темперамент...

Кравченко: Я докажу вам, что врете вы, а я говорю правду.

Слѣдует оживленный рассказ о комисси, которая приѣзжала проверить работу Главтрѣбостали, о подтасовкѣ в перевыполненіи плана, о наркомѣ Меркуловѣ, о "растратѣ" (о которой все рассказано подробно в книгѣ Кравченки), о командровках.

Колыбалов, оглушенный цифрами и фактами, стоит неподвижно и молчит. Да, Кравченко был отлан под

суд, сначала ему дали два года, потом замѣнили на год. Он отработал его на производствѣ, гдѣ работал до суда, и штраф заплатил десятью процентами своего жалованья.

Мать Изар: Вы встрѣтились с Кравченкой в Америкѣ, вы говорите, что он был осужден по суду. Но вчера свидетель Романов нам сказал, что Кравченко некогда не был осужден по суду.

Колыбалов молчит, держа в руках фото-копию письма Меркулова с комплиментами по адресу Кравченки и его работы. Он в недоумѣніи.

Изар: Я задаю свидетелю вопрос: на московских процессах...

Колыбалов: Какие такие процессы?

(Ему поясняют).

Колыбалов: Я поѣхал по дѣлу Кравченки и ни о чем другом говорить не буду.

Изар: Ну, конечно, в совѣтском кодекскѣ вмѣстѣ статья 51. 1. Либерта С. (Статья касается оставшихся в Россіи родных). Из-за этой статьи совѣтскіе свидетели ничего и не могут сказать!

«Я ТОТ, КОТОРЫЙ УЦѢЛЪ!»

— Я тот, который уцѣлѣл. — говорит Кравченко взволнованно. — а сколько из нас погибло? И погибло из-за таких бездарностей, как вот этот! Я бы оторвал вам голову, если бы встрѣтил вас в Парижѣ на процессѣ, а на улицѣ. Но подождите: я вернусь в Россію и тогда вы всѣ ответите!

Кравченко приближается все ближе к свидетелю. Жандарм быстро становится между ними обонми.

Председатель: Я прошу сказать Кравченкѣ, чтобы он был вѣжли-

вѣе со свидетелями. Они позже сведут свои счеты. (Смѣх).

Колыбалова уведат. На его мѣсто приходит второй совѣтскій свидетель: инженер Василенко, депутат верховнаго совѣта Украины с 1938 года.

Уровень интеллигентности приблизительно тот-же, что и Колыбалова, но в нем больше увѣренности в себя и голос его громче.

Этому свидетелю было суждено потопить и себя, и своих сдвомышленников.

ПОКАЗАНІЯ ВАСИЛЕНКИ

Началось, впрочем, все самым обыкновенным образом: была вновь пущена в ход пластинка, которая служила накануне Романову: плагиат, растрата, услѣхи у женщины. В Америкѣ свидетель встал однажды у Кравченки на квартирѣ... каму!

— Назовите ее! Она завтра же будет здѣсь! — смѣется Кравченко.

Василенко: Когда я увѣзжал из Америки (февраль 1944 г.), Кравченко дал мнѣ письмо к своей матери. Он всегда производил впечатлѣніе человека, который жаждет

славы. Хочет быть известен повсюду. Это ему не удалось! (Продолжительный смѣх в публикѣ).

Василенко кончил свои показанія и перед тѣм, как дать адвокатам возможность задавать ему вопросы, председатель Дюргегейм объявляет перерыв.

Журналисты и публика выходят из публичнаго зала. Выходит и Зинаида Горлова, находившаяся в залѣ между Романовым и своей спутницей, женщиной средних лѣтъ, небольшого роста, которая заявляет журналистам, что она говорит только по-французски и по-армянски, а по-русски не говорит. Принимая во вниманіе, что Горлова не говорит ни по-французски, ни, конечно, по-армянски, это кажется нѣсколько невѣроятным.

На широкой площадкѣ Горлова, ея спутница, Романов, Колыбалов и редакторы и адвокаты "Леттр Франсез" оживленно бесѣдуют. Горлова позирует фотографам, улыбаясь. Вып у нея довольный. На ней кожановое зимнее пальто с мѣхом и высокая шляпа. Послѣ Кривого Рога, гдѣ она прожила свою жизнь, парижскіе фотографы доставляют ей удовольствіе, котораго она и не скрывает.

Через 20 минут засѣданіе суда возобновляется.

Василенко отвѣчает на вопросы

ВАСИЛЕНКО ТОПИТ СЕБЯ

Послѣ короткой схватки между мэтром Изаром и Вюрмсером, обвинившем адвоката в коллаборациі, мэтр Изар приступает к вопросам:

— Был ли свидѣтель на Украинѣ?

— Да, в 1934 году.

— Что случилось со слѣдующими членами партіи, бывшими в правительствѣ Украины: Коссіор?

— Не слышал такой фамиліи.

— Хатаевич?

— Не слышал ничего.

— Любченко?

— Не знаю...

(Кравченко, тихо: не круть, не крути, отвѣчай!)

— Якир? Строганов? Марголин?

Василенко сердится, нервничает.

Адвокатов: Кравченко никакими законами не управлял. То, что он под присягой говорил комиссіи по разслѣдованію антиамериканских убійствій — сплошная ложь: закупочная комиссія была "как бы" милитаризована и поэтому Кравченко — дезертир.

Василенко: Я был советским лектором....

Кравченко: Я был русским, и это лучше!

Василенко: Вы себя продали!

Кравченко: Кому я себя продал? Вы себя продали! (Внезапно он переходит на "ты"). Мои свидѣтели завтра придут, они тебя хорошо знают, они все расскажут про тебя!

Василенко: Ты меня зналъ с хорошей стороны.

Кравченко: Я тебя зналъ с хорошей стороны, а они все-таки расскажут!

Мэтр Изар просит выслушать документ, полученный им из американскаго посольства: из него слѣдует, что советское правительство, послѣ того, как Кравченко 3 апрѣля 1944 г. уѣхал из Вашингтона, только 18 апрѣля сообщило властям о его бѣгствѣ, и только 6 мая потребовало его выдачи, как дезертира. Если бы он был дезертир, оно бы на слѣдующій день слѣдало соответственное заявленіе.

— Почему я знаю!

Мэтр Изар: Куда дѣвались старшіе инженеры: Блинов?

— Гдѣ то работает.

— Бирман? Радин? Калашников? Бѣликов?

Вюрмсер: Это что-же, телефонный указатель?

Изар: Да, тюремный и лагерный!.. Отвѣчайте, гдѣ Вишнев, Стрелетов, другіе? Они всѣ погибли во время чистки!

Нордманн: Потому русскіе и выиграли войну, что у них не было пятой колонны.

Но Василенко, отвѣчающій все время: не могу знать, не слышал, что вы ко мнѣ пристали! — как-то сразу опал, съезжаясь, примолк.

В залѣ движеніе. Судьи угрюмо слушаютъ списокъ ничего не говорящихъ имъ фамилій.

Мэтръ Изаръ еще не кончилъ. Онъ спрашиваетъ, слышалъ ли свидѣтель что небудь о "тройкѣ", которая могла приговаривать заочно?

— Нѣтъ... Впрочемъ, я никогда не въмѣшиваюсь въ дѣла НКВД.

— А что вы слышали объ Особомъ Совѣщаніи, такъ называемомъ ОСО, которое было учреждено послѣ того, какъ убрали Ежова и Ягоду?

Василенко (плаксиво): Я не знаю... Что было бы, если бы я спросилъ господина адвоката о производствѣ трубокъ?

Изаръ: Куда дѣвались 50 изъ 71 членовъ большевицкой головки послѣ чистокъ?

Василенко (совершенно потерянный): Я не буду больше отвѣчать. Я не занимаюсь статистикой.

Мэтръ Альпесовичъ: Что вы знаете о коллективизаціи и раскулачиваніи? О голодѣ на Украинѣ? О гибели скота?

ЧЕЛОВѢКЪ ЛУЧШАГО ОБЩЕСТВА

Жакъ Николь, запоздалый французскій свидѣтель отвѣтчиковъ, ученый, другъ Жюлио-Кюри и покойнаго профессора Ланжевена. Это господинъ весьма почтенной наружности, съ волосами двухъ разныхъ цвѣтовъ и длинной губой. Онъ бывалъ въ Россіи, понимаетъ по-русски.

— Я много разъ былъ въ этой странѣ и долженъ сказать, что всѣмъ тамъ живется превосходно. — Начинаетъ свои показанія Николь. — Прежнимъ "гран-сеньорамъ" и новымъ людямъ — всѣмъ одинаково свободно и хорошо жить. Писатели и артисты, какъ молодые, такъ и старые, очень довольны своей жизнью, всѣ имѣютъ возможность работать, ученые преподаютъ, насъ кормили обѣдами, потомъ мы гостили у знаменитыхъ академиковъ въ гостяхъ. Въ нашу честь былъ устроенъ сучъ надъ преступниками. Судъ этотъ былъ такъ гуманен, что въ антр-

Василенко: Я мало занятъ этимъ. Я жилъ всегда въ городѣ и не выѣзжалъ въ деревню.

Ему читаютъ рѣчь Сталина отъ 1930 года, въ которой этотъ послѣдній требуетъ насильственной коллективизаціи.

Кравченко: Это слова самого Сталина!

Василенко: Я думаю, мы прекратимъ этотъ разговоръ... ну, что это, право!

(Въ залѣ поднимается гулъ, предсѣдатель призываетъ къ порядку).

Бюрмсеръ: Что было бы, если б мы васъ спросили: куда дѣвались Доріо, Фроссар, Кламамюсъ, Бержери?*)

Мэтръ Изаръ подхватываетъ послѣднее имя:

— Если это камень въ мой огородъ, то я сотрудничалъ съ Бержери ровно столько времени, сколько вы сами!

*) Коммунисты, порвавшіе съ партией. Н. Б.

актѣ обвиняемымъ подавался чай и все, что имъ было нужно. Мои друзья — прежній "гран-сеньор", Николай Крыловъ, знаменитый украинскій писатель, академики Гамалѣя, Трайнинъ — всѣ отлично себя чувствуютъ.

Въ эту минуту мэтръ Изаръ не выдерживаетъ и что-то тихо говоритъ, видимо, не очень лестное для свидѣтеля. Тотъ немедленно обижается:

— Я привыкъ вращаться въ лучшемъ обществѣ, — заявляетъ онъ, — и не позволю себя оскорблять.

Предсѣдатель: Что вы можете еще сказать?

Николь: Я могъ свободно ходить по улицамъ и днемъ и ночью, меня никто не трогалъ.

Свидѣтеля отпускаютъ, поблагодаривъ, и не задавъ ему ни одного вопроса.

ДОКУМЕНТ НОРДМАННА

Прежде, чѣм закрыть засѣданіе, мать Нордманн просит председателя предоставить ему слово.

Нордманн желает обнародовать один документ, который он считает капитальным для всего дѣла. Это — анкета, заполненная Кравченкой в 1942 году. Оригинал ея привезен советскими свидѣтелями из Москвы. Из этой анкеты явствует, во-первых, что Кравченко назван только одно учебное заведеніе, в котором учился, не написал, что был в комсомолѣ, не имѣет никаких наград и т. д.

Кравченко внимательно осматривает документ и заявляет, что он не может сейчас сказать, подлин-

ный ли он или поддѣльный. Что касается до отвѣтов на вопросы, то в Россіи каждый человек на своем вѣку заполняет сто анкет и не во всѣх все пишет.

— Я думаю, завтра, послѣ очных ставок, все и без того будет ясно, — говорит он.

Мать Изар, со своей стороны, считает, что завтрашнее засѣданіе все рѣшит.

Нордманн: Может быть. Кравченко желает графологическую экспертизу документа?

— Нѣт, пока в этом необходимости нѣт.

Засѣданіе закрывается в 7 часов вечера.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

ТРЕТЬЯ недѣля процесса В. А. Кравченко закончилась в среду, 9 февраля, в обстановкѣ такого напряженія, какого мы еще не видѣли.

“Лэттр Франсэз”, с которыми мэтр Изар и мэтр Гейцман играли, как кошка с мышью, получили по-

раженіе, котораго, конечно не ожидали.

Растерянность редакторов этой газеты и раздраженіе их адвокатов доведены были до предѣла, публика шумно выражала свои чувства, председатель и судьи с олимпийским спокойствіем взирали на происходящее.

МАТЕМАТИК НИКОЛАЙ ЛАГОВСКІЙ

Тот, кого ждали уже нѣсколько дней, появился у свидѣтельскаго барьера. Это — учитель Кравченко, Лаговскій, знавшій его в Харьковском институтѣ. Он говорит по французски и это чрезвычайно облегчает его допрос.

Мэтр Гейцман, на основаніи документов, рассказывает слугу судьи Лаговскаго. Сейчас он живет в департаментѣ Ори. Во Франціи — с 1944 года, участвовал во французском резистансѣ.

О Кравченкѣ этот свидѣтель говорит, как об одном из лучших своих учеников. Кравченко был коммунист. Лаговскій — безпартийный.

Политикой он не интересовался.

Перед нами тип русскаго педагога, математика, который старался дѣлать все, чтобы его ученики “грызли гранит науки”, несмотря на то, что 600 часов курса было посвящено изученію ленинизма.

Вскользь касаясь года на Украинѣ, чистки в Черкассах, Лаговскій отвѣчает на вопросы адвокатов “Лэттр Франсэз”, касательно своего пребыванія в Германіи. Но главная тема его показаній — это Харьковский институт, в котором, как наканунѣ утверждал совѣтскій свидѣтель Романов, Кравченко никогда не был.

ПЕРВАЯ ОЧНАЯ СТАВКА

Романов, по приглашенію председателя, выходит к барьеру и становится рядом с Лаговским.

Романов: Кравченко никогда не учился в Харьковском институтѣ. А этот — никогда и профессором там не был! Я представляю здѣсь совѣтскій народ. (Шум в публикѣ).

Кравченко (пользуясь своей бли-

зостью к свидѣтелю): Мы еще вступимся, мерзавец!

Романов: Господин председатель, я требую, чтобы Кравченко извинился.

Председатель: Инцидент исчерпан. Вы можете сѣсть на свое мѣсто.

Лаговскаго тоже отпускают.

Мэтр Изар встает.

РѢЧЬ МЭТРА ИЗАРА

Рѣчь мэтра Изара была отвѣтом на документ, который наканунѣ был предъявлен слугу мэтром Нордман-

ном. Это — анкета 1942 года, из которой, якобы, явствует, что Кравченко больших должностей не за-

нимал, в Харьковѣ же учился и в комсомолѣ не состоял.

— Вчера, — сказал мэтр Изар, — вы предъявили этот документ, подлинность которого мы не оспаривали. Прочтя его, я готов был подумать, что в Россіи тоже бывают "марсельцы", т. е. люди, которые любят преувеличивать свои достоинства, что Кравченко (это грѣх не большой) принадлежит к хвастунам, и нам придется с этим считаться. Но, изучив документ, я увидѣл, что Кравченко — не "марселец", о нѣтъ! Документ этот вам переветен недобросовѣстно. Вчера же вечером присяжный переводчик Пацкин нам его перевел; позвольте же вам вручить копію этого перевода.

Кромѣ того, анкета Кравченко была заполнена за три мѣсяца до кассации его дѣла — слѣловательно, наказаніе, здѣсь указанное, есть наказаніе первоначальное — 2 года, вмѣсто одного, Кравченко отбытого. Затѣм — вопрос об учебном заведеніи ставился в анкетѣ иначе, чѣм вы сказали, надо было отвѣтить только о том, какая школа была окончена; поэтому Харьковскій институт и не фигурировал в отвѣтѣ.

На основаніи книг Ивона и Бетелэма, я могу сказать, что никакого протисворѣчія нѣтъ, когда Крав-

БОРИС УДАЛОВ, ДРУГ СЕМЬИ ГОРЛОВЫХ

Из тысячи предложеній свидѣтельствовать на процессѣ, Кравченко выбрал нужных ему людей.

Перед нами — Удалов, друг его жены по Днѣпропетровску. Знаида Гордова, находящаяся в залѣ, вивается глазами в свидѣтеля.

Удалов был арестован, подвергнут пыткам, отсиѣл в тюрьмѣ и затѣм был освобожден. Он рассказывает суду свои мытарства и страданія людей, которых знал. Нѣкто Бойкович был разстрѣлян за то, что "явшался с французом Пуанкаре" (который давно был уже мертв в то время). Эти показанія чрезвычайно веселятъ гг. Вюрмсеера и Моргана.

Этот свидѣтель, в противоположность совѣтским инженерам Василенѣ и Колыбалаву, хорошо знает,

чѣмко говорит, что занимал "большое мѣсто", так как пех в Россіи — не наше ателье. Пех — это громадный заводской коллектив, и чтобы им управлять надо быть старшим инженером, а вовсе не контрометром, как у нас.

Ваши свидѣтели, — продолжает мэтр Изар, — нам ввали под присягой вчера пѣлый день. Крѣпитесь, потому что вас ждет великое разочарованіе: я держу в руках заявленіе самого Молотова, в котором он, в связи с третьей пятилѣткой, говорит о важном значеніи комбината, которым завѣдывать назначается Кравченко. Это было на 18-м съѣздѣ компартіи и этот комбинат был включен в третій пятилѣтній план.

Нарком тяжелой промышленности самолетно назначил Кравченку на этот пост. Кромѣ того, вы назвали анкету "біографіей", она же называется "справкой о карирах". Вы смущены? (В публичнѣ смѣх). Вчера вам казалось, что мы смущены? Но это было вчера. А сегодня мы торжествуем!

Нордманн немедленно старается слѣзть диверсію, но это ему не удается.

Мэтр Изар смѣется: Смотрите, осторожно! Вам нельзя не быть согласным с Молотовым.

как окончили свою жизнь украинскіе дѣятели: Хатаевич, Левинсон, Левитин и др. Предупреждая вопросы Нордманна, он рассказывает о том, как он сам был арестован Гестапо.

Мэтр Гейцман: Знаете ли вы Знаида Горлову?

Удалов: Да. Я знаю ее с 1926 года. В 1938 году я был с ней в довольно близких отношеніях, хотѣл жениться, но предложенія не слѣдал. Она жила тогда в Кривом Рогѣ и была замужем за нѣким Свѣтом.

Мэтр Гейцман: Что вы знаете об ея отцѣ?

Удалов: Он был арестован и сослан без права переписки. Мать была административно выслана.

НЕОЖИДАННАЯ СЕНСАЦИЯ

Мэтр Матарассо (адвокат "Леттр Франсэз") задает вопрос: На каком языке читал Удалов книгу Кравченко?

Удалов совершенно спокойно до-
стает из бокового кармана пиджака
небольшую книжку.

— По-русски, вот в этом, сокра-
щенном, издании.

Всё четыре адвоката "Л. Ф."
вскакивают со своих мѣст. Как?
Книга имѣется по-русски? Но эс
уже пѣтый год ищут по всему свѣ-
ту и не могут найти! Нельзя ли про-
сить свидѣтеля пожертвовать ее су-
ду, чтобы приобщить к дѣлу?

Удалов с удовольствием передает

книжку адвокату. Кравченко пояс-
няет, что сокращенный перевод с
нѣмецкаго был слѣван без его со-
гласія и что изданіе это им опротес-
товано.

Удалов: А еще я читал отрывки
в одной газетѣ в Германіи, на рус-
ском языкѣ.

Опять сенсация! Гдѣ читал? Ко-
гда? В каком городѣ? Как называ-
лась газета? Но Удалов точно не
помнит.

Нордманн: Кто свидѣтелю дал
эту русскую газету?

В залѣ продолжительный шум.
Удалов пожимает плечами.

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ОЧНЫЯ СТАВКИ

Рядом с Удаловым становится
Зинаида Горлова. Она начинает с
мѣста в крѣпкой брани:

— Негодяй, провокатор! Это
ложь, что мой отец — враг народа.

Удалов: Я вовсе не считаю, что
человѣкъ, сосланный НКВД — враг
народа. Наоборот!

Горлова: Мой отец — умер. Про-
вокатор! Вам хотѣлось слѣдвать ме-
ня вашей любовницей, но это не
удалось. (Голос ея приобретает
весьма визгливые ноты).

Удалов (спокойно): Г. председа-
тель, гарантируйте меня, пожалуй-
ста, от комплиментов г-жи Горловой.

Председатель (Горловой): Вы
можете вернуться на ваше мѣсто.

Но Удалова еще не отпускают: на
мѣсто Горловой, тучный, сердитый,
выходит Романов. В публикѣ дви-
женіе.

Романов, видимо, пораженный
французским судом, свободой, с ко-
торой публика выражает свои чуж-
ства (весьма недружелюбныя к его
особѣ), дерзким поведением адво-
катов, смѣлостью самого Кравчен-
ки, привыкшій к рѣшенію всѣх во-
просов "единогласно", становится
в позу и начинает рѣчь:

— Мы не хотѣли больше прихо-
дить сюда, — говорит он, — об-
щаться с измѣнниками нашего на-
рода. Нам было неприятно все это
(обводит рукой зал). Здѣсь нѣ-
сколько человѣкъ предателей...

Кравченко: Их сотни тысяч!

—говорят все о сексуальных
сюжетах. Грязь всякую выносят..
А я скажу, что через три недѣли,
послѣ приѣзда, Кравченко в Амери-
кѣ сошелся с одной дамой...

Продолжительный шум в публи-
кѣ, смѣх, гдѣ. Председатель гро-
зит опустить зал.

Мэтр Изар: Зачѣм он, собствен-
но, здѣсь?

Романов: Но мы рѣшили оста-
ваться до конца процесса!

Мэтр Изар: Он очень хорошо
представляет свою страну.

Романов: Пора знать правду об
этих галлах! Здоровенный человѣкъ
рассказывает нам о пытках. Они
всѣ хотят сказать, что в СССР —
ад, но председателю ясно, что мы
побѣдили Гитлера. Этот господин
(на Изара) перевернул всѣ наши
факты. Это адвокатская хитрость
переорачивать все вверх дном.
(Обращаясь к председателю). Но мы
к вашим услугам и готовы всегда
разоблачать...

Конец рѣчи тонет в шумѣ, под-
нятом публикой. Романов злобно
склидывает взглядом зал, и видит на-
смѣшливыя лица.

Морган: Это кагуляры, а не пуб-
лика!

Удалов: Он говорит, как говорил
Громыко в ООН.

И Романов возвращается на свое
мѣсто.

ПАСЪЧНИК — ЖЕРТВА ГПУ И GESTAPO

Бывшій вольноопредѣляющійся Бѣлой армія (при Ленинѣ), инженер Пасъчник, когда его спрашивают, гдѣ его арестовали и как, неизменно задаетъ вопрос: вы про какой арест говорите? Этотъ человекъ в 1930 году прошел всѣ мытарства ГПУ, а в 1943 — тюрьму и суд Гестапо.

Онъ работалъ с Кравченко в Днѣпропетровскѣ, зналъ его 16 лѣтъ, помнитъ его комсомольцем, кандидатомъ в партію, партійцем. Арестовало его ГПУ за то, что онъ не желалъ писать доносы на своихъ товарищей. Гестапо обвинило его в саботажѣ.

Его показанія касательно работы Кравченки находятся в противорѣчій с показаніями совѣтскаго свидѣтеля Василенки.

Предсѣдатель: Знаете ли вы Василенку?

Пасъчник: Котораго?

Предсѣдатель: Вотъ этого! (показываетъ на Василенку, который всталъ в залѣ).

Пасъчник: Знаю.

Предсѣдатель: Г. Василенко, подойдите сюда, к барьеру.

Василенко (угрюмо): Не желаю стоять рядомъ с этимъ типомъ.

Смѣхъ в залѣ. Василенку оставляютъ в покоѣ.

Мать Гейцман: Можетъ ли свидѣтель сказать, гдѣ находится отецъ Горловой?

Пасъчник: Онъ былъ арестованъ и сосланъ в 1938 году, это всѣ знаютъ.

Онъ рассказываетъ суду об эвакуаціи Днѣпропетровска. Поездовъ не хватало, партійцы уѣхали первыми. На вокзалѣ днями и ночами сидѣли толпы — преимущественно еврейскія бѣдные семьи, с дѣтьми, и ждали возможности уѣхать.

Мать Матарассо: Я хочу задать свидѣтелю вопросъ. Вчера мать Изар спросилъ нашего свидѣтеля, что стало с нѣкоторыми членами украинской компартіи. Знаетъ ли свидѣтель слѣдующихъ лицъ в Германіи, раз онъ живетъ в этой странѣ:

— Шанловъ?

— Нѣтъ.

— Кувійовичъ?

— Нѣтъ.

— Генералъ Стефонъ?

— Нѣтъ.

— Генералы Туркул, Абрамов, Глазенап?

Пасъчник: Фамилію Туркула я слышалъ еще в 1919 году. Я стою довольно далеко отъ политики.

Нордманнъ встаетъ и начинаетъ, по своему обыкновению, ловить свидѣтеля: что дѣлалъ вы в 1943, 45, 41, 44, 42 годахъ. Вопросы задаются в разбивку, онъ требуетъ точности, гдѣ, когда, почему, с кѣмъ, куда?... Пасъчникъ отвѣчаетъ типательно, но Нордманну все мало.

— Вы вышли изъ нѣмецкой тюрьмы?

— Я вышелъ изъ нѣмецкой тюрьмы.

— Ну, если бы я сидѣлъ в нѣмецкой тюрьмѣ, то я бы, навѣрное, не вышелъ!

Гулъ возмущенія в публикѣ.

Нордманн: Мы требуемъ очной ставки свидѣтеля с Романовымъ.

Предсѣдатель: Мнѣ кажется, г. Романовъ слѣбалъ свою денларацію, и она годится для всѣхъ свидѣтелей? (Смѣхъ в залѣ).

Кравченко (с мѣста): Что вы человекъ мучаете! Это интвензиція!

Изар и Гейцманъ встаютъ и требуютъ, чтобы Пасъчника отпустили, Нордманнъ и Матарассо протестуютъ.

Предсѣдатель отпускаетъ свидѣтеля.

Часы показываютъ половину восьмого. Адвокаты, столпившись вокругъ предсѣдателя и судей, начинаютъ громкій споръ о дальнѣйшихъ свидѣтеляхъ и распisanіи очныхъ ставокъ.

У матери Изара припасены еще полтора десятка лицъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи. У него припасены и документы сенсационнаго значенія и большой неожиданности. Нордманнъ нервничаетъ, ему не до шутокъ...

Засѣданіе закрывается. Возобновленіе суда в понедѣльникъ, 14-го февраля.

ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ

ДЕСЯТЫЙ день процесса В. А. Кравченки был посвящен опросу свидетелей со стороны ответчиков: их ожидалось большое количество, но без четверти три выяснилось, что свидетельская комната пуста.

Председатель объявил перерыв на целый час, послѣ чего появилось

еще три человекa, и в 5 ч. 45 м. заседание было закрыто.

Мэтр Нордманн и другіе адвокаты не могли дать этому факту никакого объясненія, общав, что на слѣдующій день их свидетели непременно будут.

Мэтр Изар в началѣ засѣданія отсутствовал.

«КРАСНЫЙ» ГЕНЕРАЛ ПЕТИ

Французскій генерал Пети начплет свои показанія:

— Всѣ мы были готовы биться, чтобы сбросить с себя совѣтское ярмо. — говорит он.

Смѣх в залѣ.

Генерал оговорился! Он хотѣл сказать «фашистское ярмо». Послѣ такого блестящаго начала, генерал переходит сразу к критикѣ книги Кравченко:

— Совѣтскія писанія всѣ длинныя и тягучія. — говорит он, — а эта книга написана так бойко, что она не может принадлежать перу бывшаго совѣтскаго подданнаго. В ней чувствуется перо американскаго журналиста. Память автора совершенно неправдоподобна. Однако, есть и ошибки: так, напримѣр, зима 1941 года была поздней, а не ранней, как утверждает Кравченко.

— Я был три года в совѣтской Россіи. — продолжает далѣе генерал. — Люди умирали не только за родину, но и за режим. Режим общал им счастливую жизнь в будущем. Сталин лично мнѣ говорил: мы заботимся о массах. (Смѣх). Солдаты бросались на вражескіе танки потому, что в них был идеал.

Послѣ Лавала, я был шестой француз, принятый генералиссимусом. (Смѣх). Сталин сказал мнѣ: мнѣ нечего скрывать от французов! Он позволил мнѣ ходить всю-

ду и смотрѣть на все, на что я захочу. Всѣ, кого я встрѣчал, были энтузіасты совѣтскаго режима. Бывали исключенія, но они незначительны.

Молотова я тоже встрѣчал. На одном раутѣ он благосклонно бесѣдовал со мною полчаса, а с остальными только поздоровался. Когда немцы пришли на Украину, они хотѣли «расколхозить» крестьян, но тѣ не пожелали этого. Они были довольны своей жизнью.

Мэтр Гейцман: Я хочу задать свидетелю один вопрос: что меньшевики — русскіе?

Генерал Пети (чешет в затылкѣ и в этот момент его снимают): Я не понимаю вопроса.

Мэтр Гейцман: Сим Томас написал в «Леттр Франсез», что книгу Кравченки сочинили меньшевики. Свидѣтель говорит, что ее могли написать только американцы. Что же, меньшевики американцы, что ли?

Мэтр Нордманн: Меншевики живут в Америкѣ 20 лѣт.

Мэтр Гейцман: Второй вопрос: есть ли в Россіи свобода слова?

Генерал Пети: Я не могу отвѣтить. Там это соответствует режиму. Режим не похож на наш.

Мэтр Гейцман вынимает из портфеля номер «Фран-Тирер» от 11-го февраля. В этом номерѣ было напо-

чтано письмо свидетеля Пидиакуса, выступавшего на сѣдѣ от "Л. Ф.", который подтверждает письмом в

эту газету, что в Россіи свободы слова не существует.

Движеніе в залѣ.

СИМПАТИЧНЫЙ СВИДѢТЕЛЬ ОТВѢТЧИКОВ

К барьеру выходит тутой на ухо, престарѣлый французскій инженер, долго жившій в Россіи, Жюль Кот.

Мэтр Нордманн рекомендует его, как автора книги "Французскій инженер в Совѣтском Союзѣ", вышедшей в 1946 году в изд. Кальман-Леви. Кот, по словам адвоката "Л. Ф.", всю жизнь прожил в Россіи.

Кот: Нѣт, не всю жизнь, но с 1911 года по 18-ый, затѣм с 1929 по 1932 и три мѣсяца в 1936 году. Я получал долларами и очень много. Работал по контракту. Было очень пріятно.

Старенкій инженер настолько тут на ухо, что его подводят по самое кресло председателя.

Председатель: Что вы знаете о чистках?

Кот: Ничего не знаю. Но был процесс промпартіи при мѣт. 7.000 инженеров было арестовано. Вообще же люди были довольны своей жизнью; нѣкоторые, впрочем, выражали свое недовольство. Один ин-

женер завода очень был недоволен.

Председатель: Что же с ним сдѣлали? Арестовали его?

Кот: Да, арестовали. (Смѣх).

Председатель: Судили?

Кот: Да. И приговорили к смертной казни. (Шум в публикѣ).

Он говорит быстро, не слышит вопросов, ему хочется рассказать, как можно больше о том, какіе русскіе симпатичные и как, вообще, ему самому хорошо жилось в этой странѣ.

Мэтр Гейцман: Я хотѣл бы знать, кто гнал: пепугат Гренье или Кравченко? Гренье нам сказал, что в Россіи жалованья шѣ больше или менѣ одинаковы. Бравченко же говорит в своей книгѣ, что между рабочим и инженером — огромное разстояніе.

Кот: Разница жалованій очень большая.

Мэтр Гейцман: Значит, гнал Гренье!

МОЛОТОВ ИЛИ НЕ МОЛОТОВ?

На часах — 2 часа 40 минут.

Выясняется, что нивѣких свидетелей больше нѣт, что отвѣтчики не позаботились их вызвать.

Мэтр Нордманн встает и просит слова.

Нордманн: Вся пресса говорила на прошлой недѣлѣ о том, что Молотов назначил Кравченку директором завода. Между тѣм, в документах, который был нам представлен, наркомтяжпром назначил Кравченку на эту должность, а Молотов только говорил о значеніи самого предпріятія.

Председатель: Мы так и пошли.

Нордманн: В стенограммѣ прошлаго засѣданія я вижу недѣность.

Бюрмсер: Пресса была введена в заблужденіе!

Мэтр Гейцман: Обратитесь к документам. Мы их представили председателю.

Председатель (читает): Наркомтяжпром назначил молодого инженера Кравченку....

Нордманн: Это текст Молотова?

Председатель (читает): Молотов на 18-ом сѣздѣ... третья пятилѣтка... крупное предпріятіе...

Мэтр Гейцман: Мэтр Изар отвѣтит вам на это. Вы вызываете этот инцидент, когда он отсутствует, для того, чтобы протянуть время: ваших свидетелей нѣт!

Председатель соглашается с Гейцманом и прерывает спор. Он принужден объявить перерыв, так как свидетели защиты не явились.

«БѢЛЫЙ» ГЕНЕРАЛ — СОВѢТСКІЙ ПАТРИОТ

Перебыв длится час.

Внезапно проходит слух, что явился генерал Говоров. БѢЛЫЙ? Красный?... Засѣданіе возобновляется.

Генерал Говоров, эмигрант, с 1923 года — шофер такси, член центрального комитета Союза совѣтских патриотов, появляется у барьера. Это желтолицый, лысый человек, 63-х лѣт.

Говоров с мѣста в кариер начинает дугать Кравченко: он предатель, дезертир, преступник передо мной, грязная личность.

— Мы хотим, чтобы французы знали о наших эмигрантских разномыслиях, — говорит Говоров, — “настоящее высокое учрежденіе” (так называет Говоров суд) должно пригвоздить этого субъекта. Нѣмцы использовали его пинтервью. Он в нем предал не только свою страну, но и всѣх союзников. Могила быть замечены поставки. Измѣна — очевидна. Всѣ свидѣтели это подтверждают. Какое может быть довѣріе к его испикуациям?

Говоров не говорит по-французски, но я в русском языкѣ он не слишком силен: “бутылки с эссасом”, к сожалѣнію, не могут быть по достоинству оценены французами. Он говорит о том, что Россия была полечтовлена к войнѣ.

Предсѣдатель: Он не был в России. Обо всем этом уже было сказано.

Мэтр Блюмель: Да, но важно, что он русский бѢЛЫЙ!

Мэтр Гейцман: Мы можем привести десять человек бѢЛЫХ, которые бѣгут говорить как раз обратное.

Говоров: Кравченко не вычитает довѣрія. И вообще он не писал своей книги.

Гейцман: Вы говорите, что вы генерал? Как в глѣ вы ображались

в послѣднюю войну?

Говоров: Я предложил совѣтскому правительству, могла началась война, отправить меня на родину.

Гейцман: Ну, и что же?

Говоров: Мнѣ сказали, что это невозможно. (Смѣх).

Гейцман: Почему вы не возвращаетесь в СССР?

Говоров: Я уже назначен в очередь и скоро уйдѣ.

Кравченко (по-русски) и Гейцман (по-французски) одновременно: Он зарабатывает себѣ на будущее!

Гейцман: На каком языкѣ вы читали книгу Кравченко?

Говоров: По-французски. (Смѣх в публикѣ).

Гейцман: Суд обвинит з н а и е французскаго языка свидѣтелем.

Говорова отпускают. Он проходит в публику и садится рядом с совѣтским свидѣтелем Романовым.

Нам удалось узнать слѣдующія подробности о генералѣ Говоровѣ: во время гражданской войны он был начальником штаба Донского корпуса в Крыму. Затѣм у него была небольшая неприятность на о. Лемносѣ, послѣ которой его в должности замѣнил ген. Есевич. С 1923 г. Говоров живет в Парижѣ. Когда он узнал, что в финской войнѣ отличился совѣтскій генерал Говоров, то он стал выдавать себя за его брата. Сейчас же послѣ войны, в 1944-45 гг., он стал членом центрального комитета Союза совѣтских патриотов, откуда был послѣ первой же чистки вычищен за антисемитизм. Его сдѣлали членом ревизионной комиссії. Сейчас он один из немногих членов этого Союза, оставленных во Франціи, остальные почти всѣ высланы в СССР. Он служит в совѣтском учрежденіи на улицѣ Ферзандери № 49.

НЕОЖИДАННАЯ ЗАЩИТА ВЛАСОВЦЕВ

Слѣдующій свидѣтель “Лэтр Франсэз”, комбатант Тома, рассказывает, как в лагерях в Германіи, во время войны, русские себя вели геройски и как мечтали попасть обратно к себѣ домой.

Тома встрѣчался с власовцами. Все это были смѣлые люди, многие перешли во французскій рѣзистанс. — говорит он. — а когда кончилась война, с радостью депатририровалась. Власовцы, — говорит свидѣтель, — были силой мобилизо-

ваны нѣмцами и это были всѣ — настоящіе патриоты.

Комитет, в котором работал Тома, занимался водвореніем плѣнных русских и власовцев, а также их семей, на родину. Всѣ они были вѣрны своей странѣ, ни один не дезертировал, всѣ вернулись назад! Работал г. Тома вмѣстѣ с грузинским “патриотом” Гегелия.

Предсѣдатель: Мы здѣсь говорим о процессѣ Кравченко.

Тома: Мы благодарны русской арміи. Она спасла мѣр. Тѣ люди, которых я видѣл, всѣ с энтузіазмом ѣхали к себѣ домой. Из всѣх лагерей, и из Борегара, и вообще — всѣ вер-

нулись, никто не остался.

Мэтр Блюмель: Вы были в Россіи. Расскажите нам об этом.

Тома: Я был в 1929 году. Коллективизація очень удалась. Строили большіе дома. Всѣ были очень довольны.

Свидѣтели отпускают и вызывают слѣдующаго: это доктор Фишез, который был в лагерѣ Матаузен и видѣл там русских плѣнных.

Он тоже подтверждает героизм, жертвенность, храбрость русских и так же, как и предыдущій свидѣтель, утверждает, что всѣ до одного, плѣнные и депортированные, с радостью вернулись к себѣ домой.

ОПЯТЬ: МОЛОТОВ ИЛИ НЕ МОЛОТОВ?

Мэтр Изар, появившійся во время засѣданія, протестует против того, что свидѣтели “Леттр Франсез” не явились.

На часах — 5 час. 45 мин.

Мэтр Нордманн: Я хотѣл бы выяснить. Молотов или не Молотов назначил Кравченку директором завода?

Предсѣдатель: Мы сейчас говорим о непокрытіи ваших свидѣтелей, а не о Молотовѣ.

Мэтр Нордманн: Я хочу знать, кто назначил Кравченку директором в Кемерово? Молотов ничего не говорил про Кравченку. Это газета “Индустрия” писала о назначеніи его на завод.

Мэтр Изар: Свидѣтели ваши не явились. У вас оказалось время и вы ищите инцидентов. Мною уже была слѣлана демонстрація и я могу еще повторить: Молотов говорил на 18-ом съѣздѣ партіи о заводѣ в Кемерово. Наркомтяжпром назначил Кравченку директором этого завода. Завод был включен в третью пятилѣтку. Но вы говорили все время

о проблематическом строительствѣ, и свидѣтели ваши, как я уже сказал в прошлый раз, под присягой вдали нам о несостоявшемся строительствѣ. Между тѣм, завод был построен.

Предсѣдатель: Мы всѣ так и поняли в прошлый раз. Мэтр Нордманн ломится в открытыя двери.

Мэтр Изар: Вам мѣшает то, что мы доказали, что Кравченко был крупной величиной.

Но мэтр Нордманн старается парировать удары, наносимые адвокатами Кравченки.

В общем шумѣ предсѣдатель требует, чтобы на завтра были приведены обѣщанные свидѣтели. Адвокаты “Л. Ф.” сообщают, что от нѣкоторых своих свидѣтелей они отказываются.

На сямьях прессы движеніе: будет ли показывать Руденко, приѣхавшій из Москвы в субботу, 11 февраля?

Засѣданіе закрывается в 5 часов 50 минут.

ОДИННАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

ПОСЛѢ полупустого дня понедельника, этот одиннадцатый день, вторник, 15 февраля, был насыщен инцидентами: показанія генерала Руденки и четыре свидѣтеля со стороны "Лэтр Франсэз" наполнили засѣданіе суда, продолжившееся около шести часов.

Появление Руденки, в военном мундирѣ, в сопровожденіи адъютанта, с которым он не пожелал раз-

статься даже у свидѣтельскаго барьера, произвело нѣкоторое впечатлѣніе на публику. Весь в орденнах, с мрачным, блѣдным лицом, генерал Руденко был тотчас откомендован одним из адвокатов "Л. Ф.": герой Сталинграда, кавалер болѣе десяти орденов, в том числѣ два раза — ордена Ленина, генерал-лейтенант, депутат верховнаго совѣта СССР и пр., и пр., и пр.

РѢЧЬ РУДЕНКИ

— Прежде, чѣм давать показанія, — так начал свою рѣчь Руденко, — я хотѣл бы высказать суду свое мнѣніе о дѣлѣ. Этого человѣка, неизвѣстно какого подданнаго, я считаю измѣнником. Это — офицер, нарушившій присягу. Он не только военный преступник, он и уголовный преступник. Он должен бы был по настоящему предстать перед трибуналом СССР. Не было прецедентов в исторіи суда, чтобы такой человѣкъ становился истцом в дѣлѣ, в каком он должен бы был быть подсудимым. Перед шѣм демократическим человѣчеством я хочу помочь французскому суду вынести справедливое рѣшеніе.

В концѣ 1943 года, — продолжает Руденко, рассказав сначала, как он воевал с нѣмцами, — я был вызван с сѣверо-западнаго фронта в Москву. Там мнѣ дали порученіе: ѣхать главой закупочной комиссіи в Соединенные Штаты. На самолѣтѣ, 21 декабря, я прибыл в Вашингтон. Под моим началом находилось болѣе 1.000 человѣкъ служащих комиссіи. Из них я должен был вскорѣ отправить в СССР всѣх военнообязанных. Я был главой всѣх офицеров и генералов СССР в Америкѣ. Мнѣ подчинены были фи-

лиалы в Портландѣ и Фэрбенксѣ, авіаполк на Аляскѣ и морская группа. Комиссія насчитывала нѣсколько отдѣлов: танковый, металлов, авіаціонный и т. д.

В серединѣ февраля я собрал начальников отдѣлов и велѣл им пересмотрѣть личный состав для отправки служащих (военнообязанных) на родину.

Была составлена группа офицеров запаса. Товарищ Романов сдѣлал мнѣ доклад, в котором обратил мое вниманіе на поведеніе инженера-приемщика Кравченко, который являлся на службѣ в пьяном видѣ.

Кравченко (прерывая): Вы же все врете!

Генерал Руденко: Я принял рѣшеніе отправить Кравченку на родину, и велѣл сказать об этом Кравченкѣ. Романов мнѣ доложил, что Кравченко должен закончить приемку труб. Мы не могли сразу отправлять людей большими партиями, так как грузили материалы, в которой нуждалась в это время наша страна, которая, в лицѣ красной арміи, производила серьезные операціи в Румыніи. Отправка офицеров запаса растянулась на три мѣсяца.

4 апрѣля я узнал из газет, что военный инженер третьяго ранга

Кравченко нарушил дисциплину, отказался вернуться, и 5-го апрѣля я моим приказом исключил Кравченко из состава закупочной комиссiи, как дезертира и предателя. Мы всѣ работали в это время, как мобилизованные солдаты за демократическое человечество. Я никогда не забуду геройских французских летчиков эскадрильи "Норманди-Неман".

Мэтр Изар: Одного мы здѣсь видѣли.

Руденно: Это — залог дружбы между двумя народами. Мы вмѣстѣ проливали кровь против фашизма. И вот 6-7 апрѣля германское радио сообщило заявленiе Кравченки американским газетам. Фашисты поверили, что это начало раскола между союзниками. Нѣмецкiя прокламацiи предлагали русским слѣдовать при-

мѣру Кравченки. Так Кравченко помог нѣмцам.

Кравченко (встает): А как вы помогали им в 39-40-ом годах?

Руденно: 5 апрѣля газета "Балтимор Сэн"....

Кравченко: Какая память!
— "Балтимор Сэн" спросила "Нью-Йорк Геральд" (гдѣ было интервью), что это за Кравченко? Не стоит ли за его спиной русские, враги своей родины, в том числѣ нѣкто Чаплин, извѣстный антисовѣтчик? Затѣм "Джуиш Джорнал Моргон" назвала Кравченку предателем. Кравченко не одиноко. За ним стоят реакціонныя силы Соединенных Штатов, которым нужен был специалист по антисовѣтским вопросам. Возсоединить реакціонныя силы и разбить демократію необходимо, чтобы устроить новую войну.

ПОЕДИНОК

Руденно: Совѣтскiй народ стремится к миру.

Кравченко: А пока что вы забрали всю Восточную Европу! (Продолжительный смѣх в залѣ).

Руденно: Мы заняты мирным строительством. Мы работаем над тѣм, чтобы побѣдить природу, заставить рѣки, которые текут на сѣвер, течь на юг.

Кравченко: Лучше дать человѣку свободу! (Смѣх).

Руденно: Г. председатель, я прошу дать мнѣ возможность говорить.

Предсѣдатель (строго): Если публика будет невѣжлива к иностранному генералу, я попрошу очистить зал.

Руденно: Мы электрифицируем, газифицируем нашу страну. Этим заняты милліоны. Всѣ средства идут на мирное строительство.

Затѣм ссидѣтель переходит к работѣ Кравченки в строительном трестѣ.

Выясняется, что Кравченко был в трестѣ главным инженером. (Движеніе в залѣ).

Руденно: Там он растратил 150

тысяч рублей.

Кравченко: Он врет, мерзавец!

Руденно: Но суд был милостив к нему.

Кравченко: Вы — холодный диктаторы!

Руденно: Мнѣ здѣсь угрожают, но я не боюсь.

Предсѣдатель: Мы в этом не сомнѣваемся.

Руденно: Я прошу отградить меня от оскорбленій.

Предсѣдатель: Он говорит их по русски, и я их не могу понять.

Руденно: Вмѣсто того, чтобы раскаяться, Кравченко на новой своей работѣ опять обманул людей и попал в закупочную комиссію. Ему нужна маска политическаго борца, чтобы укрыться от совѣтскаго суда. Он уголовный преступник, дезертир и предатель. Не такіе люди поворачивают исторію. СССР борется за мир. Демократическiй народ Франціи....

Мэтр Изар: Совѣтскiя газеты выдвигаются иначе.

Руденно: и народы СССР остаются в дружбѣ!

ГЕНЕРАЛ ЗАЩИЩАЕТСЯ

Показаніе свидѣтеля закончено. Теперь адвокат "Л. Ф.", Блюмель, задает ему вопросы. Они касаются

работы Кравченко при Совнаркомѣ. Защита пытается уже не в первый раз показать, что Кравченко нико-

гда при Совнаркомѣ не состоял.

Мэтр Блюмель: Кравченко писал, что из Совнаркома он мог вызывать к себѣ людей в любой час дня и ночи.

Мэтр Изар: Это о парикмахерѣ было сказано!

Руденно: Я ничего об этом не знаю.

Предсѣдатель: Чѣм же он, по вашему, был в Совнаркомѣ?

Кравченко: Позвольте мнѣ сказать. Я был в Совнаркомѣ РСФСР совѣтником и вѣдал вопросами инженернаго вооруженія. (Сенсація). Я подчинен был Уткину, Косыгину и Волобѣеву.

Мэтр Изар: Доказательство, что Кравченко был в Совнаркомѣ РСФСР исходит от совѣтскаго посольства в Вашингтонѣ.

Адвокат Кравченки читает документ, который кладет конец спорам о Совнаркомѣ: это письмо американскаго посольства, которое сообщает, что в архивах Стэте Департамент имѣется курикулум вѣтъ Кравченки, составленный в свое время совѣтским посольством в Вашингтонѣ; из него слѣдует: 1) что Кравченко работал пять лѣтъ директором пеха, главным инженером и 2) был в Совнаркомѣ РСФСР "инженером, совѣтником".

Адвокаты "Л. Ф." поднимают сильный шум.

Руденно упорно повторяет: Кравченко никогда не был членом Совнаркома.

Мэтр Изар (стараясь перекричать шум): Никто этого никогда и не говорил!

Когда шум стихает, мэтр Блюмель продолжает задавать свои вопросы Руденкѣ. Их болѣе десяти. Один из них касается побѣды над немцами; народ или режим побѣдил Германію?

Руденно: Народ при другом режимѣ, в японскую войну, напримѣр, побѣдить не мог. Побѣда принадлежит и правительству, и партіи. Слѣдые это видят.

Другой вопрос Блюмеля: были ли дезертеры в других закупочных ко-

ГЕНЕРАЛ УХОДИТ

Кравченко: Меня ругали здѣсь предателем. Кто такой Руденко?

Кравченко: В Канадѣ был в свое время Гузенко!

Руденно: В семьѣ не без урока (с удареніем на у).

Кравченко: Нас уже два милліона!

Блюмель задает вопрос о чистках.

Руденно: Это не касается процесса.

Кравченко: Но это одна из тем книги!

Руденно: Во время, благодаря чисткам, мы освободились от пятой колонны!

Мэтр Изар находит, что между показаніями Руденки и Романова есть противорѣчіе: был или не был дан приказ Кравченкѣ возвращаться в Россію?

Романова (находящагося в залѣ) вызывают к барьеру. Он повторяет, что приказа не было.

Руденно только что сказал, что приказ был.

Предсѣдатель: Нам надо согласовать показанія.

Руденно: Я не желаю согласовать показанія.

Романов: Меня не интересуют вопросы. Меня интересует, что я сам сказал.

Мэтр Изар: Значит, вы обвиняете Стэте Департамент, что он не выдал в свое время Кравченку, как дезертира?

Руденно: Его не выдали реакціонныя силы.

Мэтр Изар: Я хотѣл бы знать, кадровый ли вы генерал? Как известно, в Россіи два рода генералов: кадровые и политическіе.

Руденно отвѣчает, что он кадровый генерал.

Мэтр Изар: Почему герои "Норманди-Неман" не могут переписываться со своими русскими товарищами?

Руденно: Это выходит за предѣлы процесса. Я не могу отвѣчать.

Послѣ еще нѣскольких вопросов, предсѣдатель предоставляет слово Кравченкѣ, но просит его воздержаться от ругательств.

Гдѣ он учился? Какое военное училище окончил? Он — политиче-

жій генерал, а не кадровый, он представитель Политбюро. Если он пришел в форму — то это маскарад для публики. Он в Сталинград получил только ордена и погоны. Сражались другие.

— Руденко сказал, что меня использовали немцы. Но Сталина и Молотова тоже использовали немцы. А всего важнее, что, по советско-германскому договору, два года советцы снабжали Германию военным снаряжением. Что важнее: газетная вырубка или тонны железа, стали, чугуна? Вы убивали французов этим снаряжением.

На 18-й партконференции Маленков выступал и говорил о неподготовленности СССР к войне. Это было за четыре месяца до войны. Из этого ясно, в чем выразилась впоследствии помощь Америки по “ленд-лизу” — она была огромна!

Руденко молча слушает Кравченко — отвечать он, видимо, не собирается.

Кравченко читает официальный советский документ: цифры товаров

(миллионы тонн), которые СССР вывозил в Германию в 1939-40 гг.

Поднимается шум.

Мэтр Нордманн кричит, мэтр Изар требует, чтобы Кравченко дали договорить.

Руденко просит, чтобы ему позволили уйти.

Председатель: Я не могу вас держать силой. Дайте, как вам подсказывает долг.

Руденко: Я уйду.

Мэтр Изар: Смотрите, генерал уходит! Он не хочет слушать правды!

Мэтр Нордманн: Я спрашиваю, почему молчат прокурор? Здесь оскорбили генерала!

Кравченко: Вы не только политический преступник, вы и уголовный преступник!

Генерал Руденко, с фырканьем на головѣ, в сопровождении адъютанта, выходит из зала.

Председатель (в общем шуме): Что вы хотите! Мы ничего не можем сказать. Они говорят по-русски!

Объявляется перерыв.

СКАНДАЛ С ИСТОРИКОМ

Во время перерыва произошли два инцидента: во-первых, коммунистический депутат Гренье, увидев двух молодых людей, идущих к Кравченко просить подписать книгу, в весьма резкой форме остановил их. Во-вторых: два русских были арестованы (и сейчас же отпущены) за то, что выражали по адресу Горловой, Романова и др. свое негодование, подойдя к ним и, видимо, испугав их.

Мэтр Нордманн, послѣ перерыва, донес об этом председателю. Мэтр Изар возразил, что дело происходило не в зале, а на лестницѣ, так же точно, как инцидент с пошечниной, данной журналисткой “Фран-Тьер” коммунисту Куртаду (двѣ недели тому назад), и что это суда не касается.

Кравченко дают договорить. Он приводит цифры советской тяжелой индустрии перед войной, из которых следует, что Россия не была готова к войне.

Вызывается очередной свидетель

“Л. Ф.” Альбер Байе, председатель резистантской прессы, историк.

Байе, пожилой господин, чрезвычайно сублимной напущности, говорит о “первых французской печати”, газетѣ “Леттр Франсез”. Он смотрит, как говорится, в корень, и доказывает председателю, что, если будет признана инфляция, газета должна будет изорваться.

— Вы присудите платить ее миллионы и убьете нашу гордость! — восклицает он. — Да и что такое инфляция? Вѣдь книга “историческая” продается лучше, чѣм когда-либо, хотя историческое значение ее — нуль.

Витивато, хитро, он говорит довольно долго, когда встает со своего места мэтр Гейцман. Он держит в руках пять вырѣзок. Это статьи Байе разных годов — начиная от 1940. Он просит позволения прочесть их.

Первая касается “Торреза и его банды”, как в то время выражались уважаемый историк. Вторая гово-

рит о "дезертирствѣ Торреса". Третья выражает ужас перед тѣм фактом, что "Сталин бросился в объятія Гитлера". Четвертая говорит о том, что "Сталин с Рейхом шлет против Франціи" и пятая, наконец, выражает страх перед "выстрѣлом в спину", котораго историк ожидает от коммунистов, если они восторжествуют.

Молчаніе. Смущеніе.

Байе (собравшись с силами):

Историкі иногда ошибаются. (Смѣх в залѣ).

Гейцман: Н-да, конечно.

Байе: Я ошибался, ну, и ошибался! Я в 1917 году считал Петѣна героем. В этом тоже каюсь.

Гейцман: Через три года вы скажете, что Кравченко был прав?

Байе: Если я был дураком, то нас много было таких.

Предсѣдатель благодарит свѣдѣтеля и отпускает его.

АМЕРИКАНСКІЕ МЕНЬШЕВИКИ

У барбера молодой журналист Эрман, секретарь союза журналистов (С.Ж.Т.). Он считает, что в Америкѣ очень часто двое пишут книгу. Кравченкѣ, конечно, помог американец.

— Был в Америкѣ до Кравченко нѣкто Кривипкій, который тоже предал СССР, — говорит Эрман. — В 1939 году его статьи слѣбали нѣкоторый шум. Ему писал их американскій журналист Исаак Дон Левин. Кривипкій не подѣлил с ним гонора и застрѣлился. Реакціонеры говорили, что его убили большевики.

Мэтр Нордманн: Расскажите суду, что вы знаете о Левинѣ и других русских меньшевиках?

Эрман: Я хорошо знаю социалистическіе русскіе круги в Америкѣ. Сначала эти люди жили в Парижѣ. Во время войны часть меньшевиков занималась антисоветской пропагандой, играя в руку Гитлеру.

Другая же часть на время примолкла. Среди них наиболее вліятельны: Чаплин, Николаевскій и Зензинов. Всѣ эти люди опекали Кравченко, когда он измѣнил своей странѣ.

Мэтр Нордманн: О Николаевском и Зензиновѣ мы еще будем говорить на пропессѣ. Что вы думаете о них?

Эрман: Николаевскій собирает документы о СССР. Его матеріалы совпадают с матеріалами Кравченки. Возможно, что он их ему и дал. Что до Зензинова, то он, навѣрное, имѣл в своих руках рукопись Кравченки до ея напечатанія.

Мэтр Нордманн: А что говорил по поводу Кравченки другой меньшевик, Дан?

Эрман: Он писал о Кравченкѣ очень строго и осуждал его.

Мэтр Изар читает письмо Исаака Дона Левина, гдѣ тот категорически отрицает какое бы то ни было свое участіе в жизни и работѣ Кравченки.

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР И БРЮА

Послѣ Эрмана дает показанія писатель Владимір Познер. Он, по примѣру профессоров Баби и Педюса, доказывает, что Кравченко не мог написать своей книги, что ее вообще не мог написать русскій.

Мэтр Изар: Это меньшевики, что ли, писали по-американски?

Познер находит в книгѣ типично англійскія словосочетанія, игру слов, питаты англійской литературы, питаты французскія.

Кравченко вскакивает и декламирует по-русски Вольтера — двусты-

шіе, включенное в книгу на англійском языкѣ.

Познер продолжает говорить о литературных реминисценціях, о нѣкоторых выраженіях, которыя не имѣют перевода по-русски, удивляется питатѣ из Байрона и пр.

Мэтр Изар: Значит, не меньшевики писали, как говорил нам Оли Томас!

Познер: Я думаю, что писал амеджанскій журналист.

Мэтр Изар: Это меньшевики дали ему, значит, информацію?

Послѣ Познера выходитъ к барьеру профессор исторіи Брюа.

Дѣлается шумно, председатель торопитъ свидѣтеля (члена компарти).

Брюа говоритъ, что Кравченко в своей книгѣ искажил дѣйствительность: голодъ бывалъ и при царѣ; совхозы существовали всегда (в видѣ артелей и кооперативов) и нечего

об этомъ столько говорить. Чистѣй бывали и яacobинцевъ, такъ же, какъ и анкеты. Это — чистѣйшая французская традиція. Онъ читаетъ яacobинскіе историческіе документы, которые являются, по мнѣнію свидѣтеля, несомнѣнными предшественниками нынѣшнихъ протоколовъ совѣтскихъ процессовъ.

На этомъ засѣданіи закрывается.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ Дюркгейм и обѣ стороны согласны в том, что темп процесса должен быть ускорен: он длится уже четыре недѣли.

Неизвестно, сколько еще свидѣтелей выступит со стороны истца, но отвѣтчики объявили, что они отказываются от многих из своих свидѣтелей. Эти лица должны были явиться из СССР, но они не пріѣдут.

Вот их, далеко неполный список: г-жи Тило, Шаро и Чернова, гг. Астахов, Шампенуа, Вислогубов и Кострюк. Из живущих в Парижѣ не явятся: свящ. Гуэс, Катала и Омутьерье. Напротив, гг. Ив Фарж, Жан Кассу, Пьер Кот, Жюліо-Кюри и г-жа

Марти-Капгра будут выслушаны на будущей недѣлѣ.

Манускрипт книги Кравченки его адвокаты обѣщают представить суду в концѣ текущей недѣли.

Засѣданіе начинается в 1 ч. 20 м.

Свидѣтели отвѣтчиков, которые были твердо обѣщаны мэром Нордманном наканунѣ, вновь не явились, и в течение всего дня суд выслушивал показанія русских Ди-Пи, выступавших со стороны В. А. Кравченки, который сам отсутствовал по болѣзни: еще наканунѣ он чувствовал боли в области сердца и был освидѣтельствован врачом Двораца Правосудія. Кроме того, Кравченко страдает язвой желудка.

ОПЯТЬ ПАСЪЧНИК

По просьбѣ совѣтскаго инженера Василенки, свидѣтель Пасъчник вторично вызывается к барьеру.

Начинается очная ставка:

Василенко: Пасъчник — военный преступник, коллаборант. Как и другіе граждане Днѣпропетровска, Хохлов и Батичко, он сотрудничал с нѣмцами.

Предсѣдатель: В чем вы можете упрекнуть свидѣтеля?

Василенко: Он работал в городской упавѣ при нѣмцах.

Пасъчник: Василенко — депутат верховнаго совѣта. От него я ничего и не ожидал услышать другого. Я работал на заводѣ при нѣмцах простым рабочим, послѣ чего у меня был гнойный цлеврит.

Мэтр Гейцман спрашивает Василенку, что слѣдует совѣтская власть, чтобы американцы выдали этого военнаго преступника?

Василенко этого не знает.

Мэтр Изар: Что же это, он ниче-

го не знает? И Руденко ничего не знал! Зачѣм тогда они здѣсь? Что-бы грязнить свидѣтелей?

Мэтр Нордманн: Они всѣ бѣжали от красной арміи.

Мэтр Изар: Этих несчастных людей СССР теперь приглашает вернуться. Это — не коллаборанты, а депортированные на работы. На Нюрнбергском процессѣ сам СССР назвал их таковыми.

Василенко называет имена коллаборантов Днѣпропетровска. Кого-то Пасъчник знал, а один даже, нѣкто Соколовскій, работая с нѣмцами, посадил Пасъчника в тюрьму Гестапо.

Адвокаты "Лэтр Франсэз" хотѣли бы знать, много ли в лагерях Ди-Пи коллаборантов?

Пасъчник рассказывает о "чистках", которыми устраивались американцами: всѣ коллаборанты выловлены и осуждены.

БИБЛИОТЕКАРША КОРНИЕНКО

Слѣдующая свидѣтельница — г-жа Корниенко, женщина лѣтъ пятидесяти, очень скромно одѣтая. Она понимает, но не говорит по-французски. Она была библиотекарейшей завода имени Петровскаго, гдѣ работала одно время Кравченко, и гдѣ директором был Василенко. 16 лѣтъ прослужив в заводской библиотекѣ, она знала всѣх, знала и Кравченку, в концѣ 20-ых гг., как "талантливаго молодого инженера, подававшаго надежды". О его статьях в газетах "Ударник" и "Заря" много говорилось. Его портреты печатались на страницах мѣстных газет.

На вопрос об арестах заводской головки, она отвѣчает:

— Были арестованы (в течение нѣскольких лѣтъ) Бирман, Калашников, Адаменко, Марушан, Иванченко — всего около пятидесяти человек. И это только — самыя главные лица.

Мэтр Гейцман: Знала ли свидѣтельница Василенку?

Г-жа Корниенко рассказывает свое знакомство с директором завода: НКВД вызвало ее однажды и потребовало, чтобы она слѣдила за пятью лицами: за Коробовым, Тупенковым, Зерновым (директора), Федоровым (предсѣдатель комитета партіи) и... Василенкой. (Движеніе в залѣ).

— Я знала его, но старалась никогда не говорить с ним о политикѣ. — говорит Корниенко. — чтобы не было о чем доносить, так как я знала, что он думает обо всем так же, как я.

Мэтр Нордманн: Мы имѣем перед собой донощницу!

Мэтр Изар: Не атакуйте ее! Вы атакуете тѣм самым советскій режим.

Мэтр Нордманн: Я протестую! Это агрессія против союзной страны. (Смѣх в залѣ).

Корниенко: Я должна была ходить к нему на дом, пить у них чай, слѣдить за ним, и доносить. Я это и дѣлала. Я старалась не топить этих людей. Василенко знает, что режим советскій — страшный режим. Дядя его жены, Калашников — погиб в ссылкѣ.

Василенку вызывают с мѣста па очную ставку. Он по виѣшности совершенно спокоен.

— Я ее знаю. Она знала мою жену. Она бывала часто у нас, но потом все рѣже. Я благодарен ей за то, что она меня не утопила... (внезапно грозно): Но все это ложь!

Корниенко (улыбаясь не без горечи): Я не могла бывать чаще, у меня было таких пять человек. Да и работала я до олимпиады в библиотекѣ.

Василенко: Все бы это было вѣрно, если бы я был выходец из буржуазной среды, старой школы. Но я — новой школы.

Корниенко: Мнѣ сказали в НКВД: эти люди дороги партіи, но они, как всѣ, могут свихнуться. У нас безпартійные сидѣли на рядом слѣдят за партійными.

Предсѣдатель поражен, как и публика.

Ропот на скамьях адвокатов "И. Ф."

Василенку отпускают и вызывают Ромагова.

Романов (уже привыкшій к атмосфере суда и чувствующій себя увѣреннѣе, чѣм нѣсколько дней тому назад): Вы меня знаете?

Корниенко говорит, что Романова не знает. Он утверждает, что знаком с ней давно. Он спрашивает, не слышала ли она чегонибудь на заводѣ о плагиатѣ Кравченки, но свидѣтельница ничего не слышала об этом.

Эта очная ставка не дает ничего и обоим отпускают.

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ АННА КОШИНСКАЯ

Одѣтая в пестренькое лѣтнее платье, круглолицая, молодая, Анна Кошинская начинает с отвѣтов на вопросы, которые стали уже привычны: предупреждая мэтра Нор-

манна, мэтр Гейцман задает всѣм Ди-Пи одни и тѣ же вопросы: гдѣ были во время нѣмцев? Когда приѣхали в Германію? Что дѣлали там? и т. д.

— Когда большевики пришли в Вьну... — говорит Кошинская.

— Когда красная армия пришла в Вьну. — переводит переводчик трибунала.

— Свидѣтельница сказала: большевики! — протестует переводчик “Д. Ф.”.

— У вас о каждом словѣ спор. — возражается председатель (обращаясь к свидѣтельницам): — Кто вас посадил в лагерь?

Кошинская: Мы сами пришли. (Смѣх).

Председатель: Почему вы не вернулись в Россію?

Кошинская: Сталин сказал по радио, что всё мы предатели.

Выясняется из вопросов, что Кошинская училась на медицинском факультетѣ в Дзѣнпропетровскѣ и знала Зинаиду Горлову.

Горлову немедленно просят подойти к барьеру.

Зинаида Горлова за время своего парижскаго пребыванія сильно измѣнилась: лицо ея пожелтѣло и похуѣло, глаза запали, волосы, небрежно причесанные, висят. Она становится рядом с Кошинской.

Женщина-врач рассказывает, как она училась, как студентов-медиков

в 1933 году послали убирать урожай в колхозы, какой был голод, сколько было трупов; она ссылается на Малую Советскую Энциклопедію. Анатомическіе театры были переполнены. Там, свидѣтельница вмѣстѣ с Горловой, работали у профессора Постолевскаго.

Председатель: Что скажет на это Горлова?

Горлова (равнодушно): Я впервые вижу этого врача.

Мэтр Изар: Она протестует довольно слабо!

Горлова: Я не была со студентами в колхозѣ. Я удивляюсь этим показаніям. Никто не опухал от голода, занятія происходили нормально.

Председатель: Кошинская узнает Горлову?

Кошинская: Да, это она.

Председатель: Назовите профессоров факультета!

Кошинская называет нѣсколько фамилій.

Горлова (равнодушно): Да, были такіе. (Смѣх).

Онѣ — однолѣтки, но Горлова опять говорит, что никогда на факультетѣ Кошинскую не видѣла. Их обѣих отпускают.

НИКОЛАЙ ЯКУБОВ

На обычные вопросы о войнѣ в Германіи, Якубов отвѣчает: эвакуировался в Польшу, затѣм — в Именштадт. Он знал семью Кравченки, его мать и брата. Семья была дружная, любили Виктора, который был крупный партизан, и работал во главѣ завода на Уралѣ.

По просьбѣ председателя, он рассказывает о жизни рабочих в СССР. Жалованье строительных рабочих настолько мало, что приходилось платить выше ставок, чтобы они не уходили. Жили они в бараках...

Романова подводит для очной ставки. Он тоже знает брата Кравченки. Оба свидѣтеля видят друг друга впервые. Советскій инженер начинает экзаменовать Якубова: гдѣ жила семья Кравченки? Из кого она состояла? (Ропот в публикѣ).

Свидѣтель спокойно отвѣчает на всѣ вопросы.

Романов: Откуда могла быть эта

дружба у вас с братом Кравченки? Вы же вмѣстѣ не работали? Жили далеко друг от друга?

Якубов: В Дзѣнпропетровскѣ есть трамвай.

Романов: Ничего не было общаго! Специальности были разными. (Смѣх). По специальности вы ничего не могли имѣть общаго!

Романов желает, чтобы Якубов описал ему вѣщность брата Кравченки.

Якубов: Если я скажу, что он был брюнет, вы скажете, что он был блондин.

Но Романов настаивает, настаивают и адвокаты “Д. Ф.”.

Якубов говорит: шатэн, выше средняго роста.

Романов: Совсѣм наоборот! Блондин высокій...

Председатель считает, что спор этот не ведет ни къ чему.

Объявляется передышка.

СВИДѢТЕЛЬ ЛУЖНЫЙ

Послѣ перерыва, Лужный, на вопрос "почему он не возвращается", отвѣчает: я выбрал свободу. Он тоже прїехал на процесс из лагеря Ди-Пи.

На вопрос мэтра Гейцмана, как его раскулачивали, он рассказывает свою жизнь, и чувствуется, что гдѣ-то за ним — миллионы таких жизней: 1930 год на Украинѣ, разореніе, арест, вагон-теплушка, потеря семьи, прїѣзд в тайгу. Из Сибири он бѣжал, вернулся на родину, семья не нашел. И опять — то же самое: 1932 год, голод, террор, бѣгство из одного края.

До 1936 года он блуждал по Украинѣ, батрачил, мостил дороги. Его арестовали, велѣли подписать признаніе, что он хотѣл взорвать электростанцію в городѣ. Он подписал послѣ пыток. Ему предлагали работать для НКВД, он отказался, бѣжал, опять бромяжничал. Был арестован во второй раз, хотѣл покончить с собой послѣ второго ареста...

— В книгѣ Кравченки — з с е п р а в л а. — говорит он горячо. — Совѣтская власть обѣщала рабочим свободу, а дала НКВД, обѣщала труду, а дала рабство. Там, в СССР, сотни Бухенвальдов и Дахау!

Нордмани (все время иронически улыбающийся): Он принимает французов за дураков.

Мэтр Матарассо начинает задавать вопросы, чтобы узнать, не было ли свидѣтелю от нѣмцев какихнибудь поблажек? Была ли вывезена семья вмѣстѣ с ним?

Мэтр Изар: Как вы слышали, его семья была уничтожена совѣтским режимом!

Адвокат "Л. Ф.": Знает ли свидѣтель случаи, когда в Россіи арестовывали за тѣло?

Лужный: Не знаю. А вот немцы арестовывали много.

Нордмани: Я хочу спросить, кто ему приготовил всю эту рѣчь?

Мэтр Изар (громко): Его несчастья!

ИНЖЕНЕР-ЭЛЕКТРИК БОБЫНИН

Бобынин был уже назван однажды: это друг Удалова, тоже инженер-электрик из Днѣпропетровска, в домѣ котораго Удалов был арестован, как и сам Бобынин. Это человек не молодой, с сильною просѣдью, видимо, много претерпѣвшій, говорящій медленно.

Мэтр Гейцман: Можете ли вы под присягой сказать, что все, что Кравченко писал в своей книгѣ о чистках в Днѣпропетровскѣ — правда?

Бобынин: Могу. Все — сущая правда.

Мэтр Гейцман: Расскажите суду про ваш арест.

Бобынин рассказывает, как в 1931 году он и его гости были арестованы. В тюрьмѣ слѣдователь сказал ему: "тут у нас кровавая баня для инженеров". Допрос продолжался четыре дня, послѣ чего Бобынина привели под руки в камеру. Ему ставилась въ вину попытка свергнуть совѣтскую власть. Другому арестованному предъявили

одно за другим три разных обвиненія.

Бобынин переходит к рассказу о пытках.

Предсѣдатель: Но в чем же его все-таки обвиняли?

Вюрмсер: Его обвиняли для собственного удовольствія!

Бобынину приписывали участіе в вымышленной контр-революционной организаціи "Весна". Послѣ безконечных издѣвательств и мученій, он был, наконец, выпущен.

Предсѣдатель: Почему он не возвращается на родину?

Бобынин: Представители совѣтской власти в лагерях Ди-Пи прїѣзжали и говорили, что мы должны будем отвѣтить за то, что были депортированы нѣмцами.

Василенко желает очной ставки. Его заглѣла фраза свидѣтеля о том, что из Днѣпропетровска члены компартіи и крупные люди бѣжали за мѣсяц до прїхода нѣмцев. Он говорит, что сам он оставался до послѣдней минуты в городѣ. Если бы

были убѣжавшіе, их бы вернули и казнили.

Бобынин: Некому было возвращать, всё убѣжали. Нѣмцы — мер-

завпы, но вы просто взяли и убѣжали.

Оба отпусаются и расходятся в разные углы зала.

СВИДѢТЕЛЬ ЖЕБИТ

Свидѣтель называет себя сыном кулака: у его отца было три десятины пахотной земли и три — под покосом.

Мэтр Нордманн называет его “бѣдняком” и удивляется, почему такіе, как он, не шли в колхозы.

Сейчас Жебит — шахтер в Бельгии. Он — неграмотный и книги Кравченки не читал, но ему о ней рассказывали:

С 1929 года начинаются его мятарства: раскулаченную семью (5 человек) отправили на сѣверную Двиню, мать и сестер отослали в одно мѣсто, его, отца и дядю — в другое. Дядя не вынес морозов и полюб. Сам Жебит бѣжал, под фальшивым паспортом жил в Архангельскѣ, а потом вернулся на Украину, куда были возвращены полителя. Но он их не застал: мать умерла в тюрьмѣ, сестра пропала, отец ушел, кула глаза глядят. Самого его заочно судила “тройка” и вторично ему пришлось продѣлать путь на сѣвер...

Мэтр Нордманн: Все это нам уже рассказывала нѣмецкая пропаганда.

Мэтр Гейцман: Мы не приводим сюда привилегированное сословіе, послушайте простого русского человека. Вам очень скучно?

Предсѣдатель: Почему вы не вернулись?

Жебит (улыбаясь): А вы бы вернулись? (Движеніе в публикѣ).

Мэтр Нордманн: Пусть он объяснит, что такое кулак!

Жебит: Мой отец был кулак. У него была одна пара лаптей и никакой другой обуви.

Мэтр Нордманн: Почему бѣдность не сочувствовала коллективизація?

Жебит: Потому, что это был обман, все отбирали, люди должны были идти в рабство.

Мэтр Нордманн: Думаете ли вы вернуться к себѣ на родину?

Жебит: Да, наверно, когда не будет большевиков.

Мэтр Нордманн (иронически): Когда же это будет?

Жебит: Не знаю, я об этом сейчас не думаю, я работаю в шахтах, меня может быть, завтра завалят, и так окончится моя несчастная жизнь.

Мэтр Нордманн: Значит, вы в Бельгии достали книгу Кравченки и ее вам читали?

Жебит: В Бельгии — все читают, это вам не Совѣтскій Союз! Мы и совѣтскія газеты видим, и все вообще. И по-фламандски Кравченко издали.

Засѣданіе закрывается, но мэтр Нордманн услѣдует свысока окинуть Жебита презрительным взглядом и громко сказать:

— Для шахтера он одѣт не плохо!

Слѣдующее засѣданіе — во вторник, 22 февраля.

ТРИНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

С О ВРЕМЕНИ послѣдняго застѣданія по дѣлу В. А. Кравченки, 16 февраля, произошло три событія, которыя, несомнѣнно, будут имѣть послѣдствія в самом ближайшем будущем: 1) коммунистическій депутат д'Астье де ля Вижери предупредил, что будет интерpellировать министров в Национальной Ассамблеѣ по вопросу о французской визѣ Кравченки; 2) адвокаты Кравченки, мэтры Изар и Гейц-

ман, передали суду двѣ рукописи: русскую и американскую, книги "Я выбрал свободу" и 3) совѣтское правительство обратилось с нотой в министерство иностранных дѣл, требуя выдачи, как военных преступников, трех свидѣтелей Ди-Пи, выступавших со стороны Кравченки: Кривсуна, Пастѣчника и Антонова. Из них, как стало извѣстно на судѣ, двое первых находятся уже в Германіи.

ДЕПУТАТ КОМПАРТИИ ГАРОДИ

Первым выходит к свидѣтельской барьеру коммунистическій депутат Гароди, человекъ еще молодой, черноволосый, плохо выбритый, в роговых очках. Он сейчас же заявляет, что будет "выражать свое мнѣніе".

В руках у него — книга Кравченки, которую он, видимо, знает наизусть. Он все время питирует ее, ловит Кравченку на противорѣчіях, спорит с ним, критикует его. Говорит он, как профессиональный оратор, переходя от одного обшлаго мѣста к другому. Чувствуется, что он весьма доволен собой.

— Послѣ каждой чистки, — говорит Гароди, — Кравченку все повишали и повишали в чинах, так что, случись еще одна чистка, и он был бы министром. — Он дает три различных версій обязанностей Кравченки по отношенію к военной службѣ. Он рассказывает о голодѣ в деревнѣ, но "как только появляется он, так голод превращается в праздник".

Предсѣдатель: Вы, кажется, преувеличиваете.

Но Гароди не может остановиться: он мчитя по всемъ забвѣнным мѣстам, какія мы только слышали за 25 лѣт жизни во Франціи: тут и

усмѣшка по поводу того, что "Валкору", и выраженіе "не бояр лю большевизм": он сам ничего не знает, но он что то слышал, гдѣ то что то перехватил, и теперь произносит рѣчь, в которой свозит невѣжество и легкомысліе.

— Кравченко утверждает, — говорит Гароди все с той же усмѣшкой, — что при парѣ было лучше.

Кравченко: Абсолютно. При парѣ сидѣли в тюрьмах тысячи, а сейчас сидят миллионы.

Гароди иронически пожимает плечами.

Кравченко: Вы — агент Коминтерна!

Нордманн: В одной компаніи с Жоліо-Кюри!

Но рѣчь, уснащенная цитатами и историческими именами, кончается.

В залѣ раздаются недвусмысленное "у-у-у" и нѣсколько свистков.

Предсѣдатель (к адвокатам): И думаю, что вопросов у вас не будет?

Мэтр Изар: Послѣ того, как нам намекнули, что коммунистами были Жанна д'Арк, Лакордэр, Карл V и Ренан, вопросов у нас нѣтъ. (Смѣх).

Вслѣд за депутатом, выходит к барьеру резистант Абуллев, котораго Нордманн рекомендует, как че-

ловьяка, благодаря которому американцы смогли высунуться в Африку. Это молодой врач, лет тридцати. Он рассказывает об ужасах американской оккупации в Африке, о том, что законы Вши не были ими отменены. Что касается книги Кравченко, то он возражает на ее заглавие: Кравченко ничего не "выбирал".

— это его выбрали антивозвельтовские силы Америки для антисоветской пропаганды.

Кравченко (с любопытством смотря в лицо свидетелю): Когда мне было столько лет, сколько ему, мне было советно лгать...

Но Абулкер не обращает на него никакого внимания.

КОММЕНТАРИИ ИЗАРА К СОВЕТСКОЙ НОТЪ

Прежде, чѣмъ выехать к свидетельскому барьеру Николая Антонова, о котором заявлено советским правительством в его нотѣ, мэтр Изар комментирует этот документ, присланный накануне на Кап'Орсэ.

— Мы не вкратичем дипломатических документов, — говорит он, — но мы требуем от них известной добросовѣстности. (Он читает текст ноты по "Юманите" от 22 февраля). Советская власть говорит, что она из французских газет узнала, что на территории Франции находятся три советских военных преступника. Это неправда! В газетах никогда ничего не было об Антоновѣ, которого вы сейчас увидите. Слѣдовательно, если было что либо о Кравченѣ и Пасѣчникѣ, то о третьем свидетелѣ в прессѣ не было ни одного слова. Об Антоновѣ знали только мы и адвокаты отвѣтчиков. Значит, советская власть от адвокатов отвѣтчиков узнала об Антоновѣ. Отвѣтчики отрывают Советскому Союзу подробности процесса. Это весьма интересно знать! Таким образом — иностранное государство вмешивается в наш процесс.

Мы уже до этого слышали о двух официальных документах: первый был опросник, второй — военная фишка, о которой упоминал генерал Руденко, и которая свидетельствовала о военных обязанностях Кравченко. Теперь это — третий случай официального вмешательства советской власти в дѣло Кравченко. Но обвинения, которые содежятся в нотѣ, совершенно неосновательны. За четыре года в советской власти было время истребовать у американских и английских властей "военных преступников". Она это и сдѣлала, и в спискѣ этих преступников никогда не фигуриро-

вали ни Кравчен, ни Пасѣчник, ни Антонов.

В зонах Германии была создана комиссия контроля. Она нѣсколько раз "чистила" лагерь Ди-Пи. Союзники выдали военных преступников. Если Кравчен, Антонов и Пасѣчник могли свободно прїѣхать во Францию, значит они не были записаны на черную доску.

Больше того: 4 января 1946 года американцы сообщили, что послѣдняя "чистка" контрольной комиссией была сдѣлана в присутствии советских представителей. Советскій же инженер Василенко нам сказал, что еще в 1944 г. в Днѣпропетровскѣ Пасѣчник был признан военным преступником. Если это так, то почему до сего дня о нем никто не вспоминал?

Советская нота находится в противорѣчии со всей действительностью. Никаких доказательств преступлений этих трех свидетелей мы не имѣем. И я предлагала суду выслушать Антонова.

Предсѣдатель: П р а в и т е л ь с т в о Франции отвѣтит на эту ноту, как найдет нужным. Это нас не касается.

Нордманн: Ди-Пи подозрительны по своему прошлому. Мы не отказываемся выслушать Антонова, но согласитесь, что мы совершенно не знаем прошлого этих людей. Они всегда бѣжали от красных, никогда не бѣжали от нѣмцев... Вы говорите, что в зонах Германии были "чистки", а я вам скажу, что чистки эти никого не вычистили. В американской зонѣ, например, выходит газета "Обзор". В ней мы читаем, что 7 октября 1948 года было собрание в лагерѣ Ди-Пи, прошедшее под знаком Андреевскаго флага. Флаг этот — флаг власовской ар-

ми. Руководит этими собраниями генерал Глазенап, русский национал-социалист. Что было бы, если бы в Канадѣ слушали господина Деа?... Председатель: Но "господин" Деа

— военный преступник, его имя в списке. Это не ожно и то же.

Нордманн: Да, но они всё бѣжали от русских и не бѣжали от немцев...

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ АНТОНОВ

Съдой, крѣпкій, спокойный. Антонов выходит к свидѣтельскому барьеру. Он был арестован в Девятолетровскѣ, послѣ того, как три года проработал с Кравченкой. Он хорошо его знал. Кравченку считали хорошим товарищем, честным, сердечным человеком, он был прост "не только с равными, — говорит свидѣтель, — но и с подчиненными". Пять лѣтъ Антонов работал на Бѣломорском каналѣ, затѣм еще девять лѣтъ. Три раза был арестован.

Он связно и дѣльно рассказывает французскому суду о недостаткѣ рабочей силы на крайнем сѣверѣ, на лѣсозаготовках, на золотых приисках, в копках. НКВД время от времени устраивает "чистки" и вылавливает нужных рабочих руки из деревень, сел и городов. Пресса выкидывает лозунги, устраиваются соответственные митинги, собранія. Так было с "Промпартией" — что это такое, свидѣтель до сих пор не знает. Слышал, что был такой процесс.

На вопрос председателя, что именно испытал он сам на допросах и во время тюремного слѣбдія, Антонов подробно рассказывает, как его мучили и пытали в застѣнкѣ НКВД: его били кровью от побоев; в собственных нечистотах он лежал пять дней, пока не впал в полное безпамятство. Рассказывает он и о палачѣ, нѣкоем Соллогубѣ, который говорил ему: "тут не кворит, тут тюрьма. Веди себя прилично". Сначала — застѣнок, потом — лампа в двѣ тысячи свѣчей, под которую Антонова ставили.

Председатель: Сколько же вас было в лагерѣ?

Антонов: Около 800.000.

Председатель, вѣроятно, воображавшій "лагерь", похожим на средняго размѣра тюрьму, удивлен.

— Какого же этот лагерь был размѣра?

Антонов: 280 километров в длину шел канал. Это и был лагерь.

Мэтр Изад: Мы представим суду дельги, которые имѣли хоженіе в этом лагерѣ. Это было государство в государствѣ.

Антонов: Мы каналами соединяли озера. Цѣлые города строили.

Мэтр Гейцман просит рассказать свидѣтеля о чисткѣ в Никополѣ.

Антонов дает имена арестованных и вычищенных инженеров. Сначала исчез Хатаевич, послѣ него — Марголян. С ними исчезли всё их товарищи, всё их волные.

Мэтр Гейцман: Что вы знаете о Татьянѣ Черновой, которую "Леттр Франсез" собирались выпустить из Россіи на процесс, называя ее "третьей женой Кравченки"?

Антонов: Она была агентом НКВД, как и ея сестра. Она никогда не была замужем за Кравченкой. Я знал ее лично. Она руководила группой секретных сотрудников в нашем Драматическом театрѣ. Режиссером был Макавейскій, его жена играла, ее звали Мерпалова. Чернова за нами слѣдила.

Председатель объявляет перерыв.

Антонов выходит, на глазах у него слезы. Жена его, ожидавшая на лѣстницѣ, вытирает ему их платком.

ИНЦИДЕНТ

Послѣ перерыва Антонова опять вызывают к барьеру. Ему читают ноту совѣтскаго правительства, обвиняющаго его в военных преступлениях, и спрашивают, что он мо-

жет на это возразить. Там он назван агентом Гестапо, о нем говорится, что он присутствовал при разстрѣлах, что присвоил себѣ цѣло разстрѣлянных, и торговал им.

Председатель: У нас нѣтъ его ко-
сье. Он только свидѣтель. И даже
время всѣх этих происшествій нам
в точности неизвѣстно. Пусть от-
вѣтит покороче.

Антонов: Это очередная ложь со-
вѣтской власти.

Неожиданно выясняется, что Ан-
тонов живет вовсе не в американ-
ской зонѣ, гдѣ, как говорил мэтр
Нордманн, никаких серьезных чи-
сток не было, а во французской зон-
ѣ. (Движеніе в публикѣ).

Мэтр Гейцман: Вас допрашивали
французы? Назовите когонибудь из
контрольной комиссіи.

Антонов: Полковник Рош.

Мэтр Изар дѣлает выводы из это-
го показанія.

Оказывается, французы чистили
лагеря Ди-Ци в своей зонѣ, да еще
в присутствіи представителей совѣт-
ской власти! Тѣм самым оконча-
тельно необоснованным он называ-
ет обвиненія совѣтской ноты, предъ-
явленные трем свидѣтелям.

Адвокат "Л. Ф." Матарассо,
считает, что, если Антонов при нѣм-
цах мог путешествовать с багажом
по желѣзным дорогам, то он явно
— коллаборант.

Мэтр Гейцман: Меня самого пе-
ревозили из лагеря в лагерь в Гер-
мани, и у меня был багаж! Что же,
я тоже был коллаборант?

Из дальѣйших показаній Анто-
нова выясняется, что нѣмцы его
препроводили сначала в Шаково, а
потом в Бреславль, и что в 1914
году он был на фронтѣ... во Фран-
цію!

Мэтр Нордманн: А мы знаем дру-
гое....

Мэтр Изар: "Леттр Франсез" по-
лучают свидѣнія прямо из совѣт-
скаго посольства!

Но в это время полковник Маркіе
искает очной ставки со свидѣтелем.

Полк. Маркіе уже выступал. Это
— глава департаментной миссіи в
Москвѣ, отозванный французским
правительством послѣ ликвидаціи
Борегара. Он выходит из зала к
барьеру и становится рядом с Ан-
тоновым.

Мэтр Изар (громко): Он вовсе
не полковник! У него нѣтъ никакого
права!

Маркіе желает спросить Антоно-
ва, знает ли он в Лѣвпропетровскѣ
коллаборантов, военных преступни-
ков?

Антонов: Нѣтъ. Вам их лучше
знать.

Маркіе: Что это за комиссія? Что
это за полковник Рош?

Антонов: Полковник Рош — на-
ше начальство до сих пор!

Маркіе протестует: Все это ложь!

Мэтр Изар: Я замѣтил, что все,
что дѣлают французы, Маркіе назы-
вает ложью. Он не имѣет права! Он
должен идти на свое мѣсто!

В это время Вюрмсер бросается
вперед и кричит что-то. Мэтр Изар
и мэтр Гейцман отвѣчают, всѣ ад-
вокаты встают со своих мѣст; во-
круг Антонова и Маркіе, которые
продолжают стоять в центрѣ, начи-
нается горячій спор, слышны руга-
тельства.

Кравченко: Г. председатель, об-
ратитесь к французским властям и
вы все узнаете...

Но Вюрмсер опять кричит, что-то
и Кравченко бросается к нему. Жан-
ларм преграждает ему дорогу.

Кравченко (Вюрмсеру): Вы по-
лучаете документацию из совѣтской
полиціи, а я из французской зоны!

Всѣ кричат. Мэтр Изар требует,
чтобы Маркіе ушел.

Председатель считает, что очная
ставка кончена. В общем шумѣ, Ан-
тонова отпускают.

ЖЕНА АНТОНОВА

Маленькая блондинка, жена Ан-
тонова, рассказывает об арестѣ
своего перваго мужа. Он был ком-
мунист, вывѣженец. Но это не по-
могло. Он погиб во время чистки.
Она тоже была арестована, как же-
на пуженера. Тюрьма была полна
"жен". Она перечисляет Матвѣева,

Марголина, Филиппова, — всѣх, кто
стоял во главѣ треста, и кто был
арестован и сослан.

Затѣм идет потрясающій рассказ
о силѣннн в тюрьмѣ, о том, как три
женщины спали на одной узкой
завлати, как делили на вопросы, как
отправляли цѣтей в дѣтдома.

Мэтр Нордман: Это все пропаганда наци!

Мэтр Изар: Вы же знаете, откуда она. Вам даны документы.

Кравченко: Слушайте, слушайте! Антонова перечисляет еще погибших: Вишнева, Брачко, Акулова...

Кравченко: Имъйте мужество слушать до конца!

Антонова продолжает трагическую повесть своей жизни. Когда

пришли немцы она была одна и ей не к кому было пойти, не с кем посоветоваться. В это время она познакомилась с Антоновым.

Нордман: А как вы оказались здесь?

Антонова: Мы написали мэтру Изару, когда узнали, что будет процесс.

Мэтр Изар: У нас 5.000 таких писем получено!

ВАСИЛЬКОВ И ЕГО СЕМЬЯ

Слѣдующій свидѣтель — Васильков. Сейчас он на костылях, а в началѣ процесса его привезли на помилках. Это — громадный мужчина с яркими синими глазами. В началѣ января он сломал себѣ ногу.

Он работал на Трубостали и видѣл чистку инженеров. Нѣкто Иванченко был так шокирован, что, чтобы его арестовать, его пришлось вызвать в Москву — рабочие бы непустили его ареста в Харьковѣ. Он тоже называет длинный список фамилий: Стрелетов, Шелин, Манаэнко... Семья услала в Сибирь или просто выгнали из домов и кварталов.

— Это все были выходы из рабочего класса. — говорит он. — а не люди парскаго режима.

Сам Васильков — сын священника, профессора Духовной Академіи. Отца его нѣсколько раз арестовывали, затѣм, в 1937 году, когда ему было 74 года, его сослали. Мать умерла с горя. Одна сестра (всѣх сестер было пять) вѣхала разыскивать отца и ее арестовало ГПУ и сослало. Другая сошла с ума от горя. Третью выгнали отовсюду за непролетарское происхождение и она умерла, в концѣ концов. Четвертая пропала без вѣсти... Пятая покончила с собой.

Бюрмсер, слушая этот рассказ, весело смѣется.

Предсѣдатель: Не над чѣм смѣяться! Все это совершенно не смѣшно.

Мэтр Изар: Вы неприличны. Вас интересует нужна только тогда, когда она на вашей сторонѣ.

Бюрмсер: Она всегда на нашей сторонѣ!

(Публика угрожающе гудит).

Бюрмсер (к публикѣ): Кагулярн!

Мэтр Изар: Немножко уваженія к чужим несчастьям. Вы не всегда были того мнѣнія, что теперь: Морган подписывал коллективные письма вмѣстѣ с Абель Бонаром и Леоном Доде.

Отвѣчая на вопрос мэтра Гейцмана, Васильков рассказывает о вѣчном страхѣ, об условіях каторжной жизни, о слѣжкѣ НКВД. Политических разговоров вовсе не было, а если бывали, то только с глазу на глаз, с другом, которому можно было довериться.

Мэтр Нордман: Был ли Кравченко директором завода?

Переводчик переводит вопрос адвоката.

Антонов отвѣчает: большого цеха (1.800 чел. рабочих).

Кравченко считает, что переводчик не уточнил: идет ли разговор о Сибирь или о Харьковѣ? Он дѣлает замѣчаніе переводчику. Г. Меллеков обижается и уходит.

Завтра г. Андроников вновь естипует в свои обязанности, к большому удовольствію обѣих сторон.

Засѣданіе закрывается в 7 часов.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

ЗАСЪДАНІЕ суда начинается в 1 ч. 30 м. Предсѣдатель Дюрнгейм вызывает свидѣтеля со

стороны Кравченки. Это — Лебедь, Ди-Пи, прїѣхавшій из Германіи.

ПРИГОВОРЕННЫЙ К СМЕРТИ

Лебедь — послѣдній свидѣтель из длиннаго ряда Ди-Пи, свидѣтельствовавших по дѣлу Кравченки.

Предсѣдателем и адвокатами Кравченки получены десятки писем с предложеніем выступить на процессѣ.

Г. Дюрнгейм оглашает письмо штовскаго министра, у мэтра Изара в руках письмо от крупнаго польскаго военнаго....

Но процесс и без того затянулся, и потому суд рѣшает ограничиться уже назначенными свидѣтелями, не вызывая новых.

Лебедь начинает свой рассказ: в 1939 году военный суд в Харьковѣ приговорил его к разстрѣлу.

— Я сын железнодорожнаго рабочаго, — говорит Лебедь, — начал свою карьеру с должности машиниста. Был членом партіи и, как таковой, под контролем НКВД, устраивал в железнодорожных мастерских и на станціях встрѣчи знатных иностранных гостей. Мастерскія украшались цвѣтами, рабочим разлавалась новая спецодежда. Иностранцев встрѣчали торжественно, а послѣ их отбѣда новая спецодежда отнималась и все приходило в прежній вид.

Вот почему никто из иностранцев понятія не имѣет о том, что происходило и происходит въ СССР.

В 1937 году я был арестован. Это было время чистки яд желѣзных дорогах. Донецкій район долго держался, но и до него дошла очередь. Директора дороги, Яковлев, Любимов, были вызваны в Москву. Когда они вернулись, начались аре-

сты. Начальник НКВД Кочергинскій арестовал из 45.000 рабочих около 1.700. Их судил желѣзнодорожный суд.

Предсѣдатель: Что такое желѣзнодорожный суд?

Лебедь объясняет, что при каждой крупной желѣзнодорожной стѣнн имѣется учрежденіе, которое ведет слѣдствія и выносит приговоры.

Мэтр Нордмани: При царѣ было то же самое!

Адвокаты Кравченки протестуют.

Мэтр Нордмани: Когда вы говорите "НКВД", то это по-французски значит — министерство внутренних дѣл. Во Франціи имѣется то же самое.

(Публика шумно протестует).

Мэтр Гейцман объясняет разницу: министерство внутренних дѣл во Франціи не судит и не выносит приговоров.

— Меня арестовали без всякаго права на то, — продолжает Лебедь.

— Только в 1939 году я узнал, что арест был незаконным. Меня близки заставляли признать вину, которой и за собой не знал. Мнѣ давали написать бумагу, говоря: ахъсь не много, всего три-пять лѣтъ! Отработай, возвратись. Но я не подписал. Тогда судебный слѣдователь меня бросил въ подвал.

Предсѣдатель: Слѣдователь или полиція?

Мэтр Гейцман объясняет, что это в Россіи дѣлает судебный слѣдователь.

Лебеда предупреждали, что, если он будет упорствовать, жена его также будет арестована. Тогда он бу-

магу подписать, даже не прочтя ея.

В мартъ 1939 года состоялся суд. Военный трибунал Харьковскаго округа вынес приговор: разстрѣлять.

Предсѣдатель: За что же?

Лебедь: Ни за что. Вынесли приговор по статьям 54-11, 54-7 и 54-8 — участие в контр-революціонныхъ организацияхъ, попытка свергнуть совѣтскую власть, вредительство.

Далѣе свидѣтель переходит к разсказу о своемъ тюремномъ сидѣніи, о банѣ, о болѣзняхъ, о паразитахъ. В одинъ прекрасный день трибунал пересмотрѣлъ свое рѣшеніе и постановилъ выпустить Лебеда, но тѣмъ же мѣсяцемъ он все оставался сидѣть. Несмотря на полную реабилитацію, он былъ выпущенъ только в маѣ 1941 г., за мѣсяцъ до войны, совершенно больнымъ.

Мэтр Изар: Вот какой суд в СССР!

Мэтр Нордманн: Но, но не преувеличивайте!

Мэтр Изар: Это не мы преувеличиваем, это НКВД преувеличивает, по моему!

Мэтр Гейцман просит свидѣтеля разсказать о голодѣ на Украинѣ.

Лебедь: В 1932-33 гг. я состоялъ членомъ "эпидемической тройки" (Движеніе в залѣ). Мы работали в Славянскѣ по борьбѣ с тифом. Ежедневно убивали трупы из вагонов, с улиц, с путей; в это время государство начало продавать хлѣбъ в свободныхъ государственныхъ лавках: по карточкамъ он стоилъ 70 коп. кило, а в этихъ лавкахъ 2 р. 80 к. Люди умирали иногда в очередяхъ.

Внезапно предсѣдатель обращается в сторону отвѣтчиков:

— Почему вы все время смѣтаетесь? Это, наконец, несносно! Все это не смѣшно. Я устаю смотрѣть на вас. Перестаньте смѣяться.

Мэтр Матарассо начинает задавать вопросы: когда свидѣтель уѣхал в Германію? Что дѣлал во время оккупации? Что дѣлал в Германіи?

Лебедь: Так голодал, что ходилъ в поле и выкапывал морковь...

Мэтр Изар: Он коллаборировал с морковью!

Мэтр Нордманн: Он не вернулся в СССР!

Мэтр Изар: Если бы он вернулся, то он не былъ бы здѣсь.

Лебедь: Я прошелъ четыре контрольных комиссіи, из нихъ послѣднюю — в присутствіи совѣтскихъ делегатов. Я ни на какія инсинуации гг. адвокатовъ отвѣчать не буду. Благодарите обратиться в эти комиссіи. Не желаю отвѣчать этому НКВД (показываетъ дукой на мэтра Нордманна и др.).

Мэтр Нордманн: Мы не НКВД. Он нас оскорбляет.

Мэтр Изар: Ничуть. Вы и есть НКВД. От кого, как не от вас, узнало совѣтское правительство о свидѣтель Антоновъ? Вы — полицейскіе освѣломители.

Начинается сильный шум. Всѣ кричатъ одновременно.

Кравченко неподвижно слѣдит за споромъ адвокатовъ. Мэтры Гейцман и Изар нападаютъ на своихъ противниковъ, тѣ пытаются возражать.

Предсѣдатель требуетъ тишины.

Допрос Лебеда закончен.

ЕЩЕ ОДНО МНѢНІЕ

Г. Ланг, выступавшій уже свидѣтелемъ со стороны "Лэтто Франсэз", предсѣдатель союза комбатантовъ (пѣнныхъ и сосланных), коммунист, находящійся в залѣ, проситъ слова. Онъ выходитъ к барьеру и сообщаетъ суду, что имѣется три рода Дл-Пи: первые сидѣли в лагеряхъ смерти, вторые — вывезенные на труды въ работы и третьи — коллаборанты. По его мнѣнію, всѣ русскіе свидѣтели, показывавшіе за Кравченку,

принадлежатъ к третьей группѣ.

Мэтр Гейцман: Мнѣ написали нѣсколько писемъ бывшіе пѣнные и сосланные. Выходитъ, что вы вообще не предсѣдатель... И вообще не имѣете никакого права говорить от имени комбатантовъ.

Г. Ланг, заявивъ, что въ его организации насчитывается 8.000.000 членовъ, оскорбленный, возвращается на свое мѣсто.

В свидетельскому барберу выходит нѣкто Гарелли, почтенных лѣтъ Француз, рекомендующий себя "репрезантам де коммерс". Живой, с красочными жестами, с рѣчью, пересыпанной словами "арго", он общается, что всю жизнь был учеником Ленина, Троцкого и Плеханова, знал революционеров еще до первой войны, когда они готовились перевернуть мир.

— Я не какой нибудь правый, — говорит он, — и я умѣю говорить по-русски.

Осенью 1944 года ему случилось познакомиться в Экс-ан-Прованс с одной красноармейской частью. У него перебывало около ста русских в помѣ. Всѣ — молодые ребята, называли его "папашей", и он их очень любил. Одно его удивляло,

никто из них не хотѣл ѣхать домой!

— Я им говорю, господин председатель, что же это вы, а? А они мнѣ: не выдавайте, папаша, нельзя ли как нибудь у вас, во Франціи, устроиться. Ах, ты черт! Вот так история...

В публикѣ — хохот и его едва слышно, но он не смущается и продолжает голос.

— Когда я узнал, что вот его (показывает на Кравченку) критикуют, я сейчас же рѣшил: надо выступить. Книга — первый сорт. Красноармейцы именно такое и рассказывали. Я — старый революционер, работал для красных испанцев. Но в Россіи жить нельзя. Это каждому луграку ясно.

Предсѣдатель его отпускает и объявляет перерыв.

ВДОВА ГЕЙНЦА НЕЙМАНА

Послѣ перерыва слово предоставляется женщинѣ, еще молодой, небольшого роста, говорящей по-нѣмецки. Это — нѣмецкая коммунистка, вдова погибшаго в Россіи Гейнца Неймана, члена германскаго Политбюро и члена (до войны) Коминтерна.

Ея свидетельствено было выслушано залом с налряженным вниманіем, и надо сказать правду: это свидетельствено стояло десяти лѣтъ антикоммунистической пропаганды!

Г-жа Нейман живет сейчас в Стокгольмѣ. Она писательница. В 1921-26 гг. она была членом германскаго комсомола, с 1926 по 1937 г. состояла членом германской компартіи. До 1931 года ея муж состоял членом Коминтерна, затѣм за уклонъ был отстранен. Уклон его заключался в том, что он готовъ был вести с Гитлером любую борьбу, Сталин же требовал бороться с Гитлером только на "идеологическом" фронтѣ. "Если Германия будет национал - социалистической, говорит Сталин, то Европа ею займется и нас оставит в покоѣ".

Нейман и его жена были сначала посланы в Испанію, затѣм эмигриро-

вали из Германіи в Швейцарію. Отсюда они были высланы и очутились в Москвѣ, в 1935 году. Они жили там, как в тюрьмѣ. За ними слѣдили. Муж ея был на подозрѣніи, считался непокорным.

В 1936 году его вызвал в Коминтерн и допросил Дмитров, тогдашній секретарь Коминтерна. Ему предложили написать книгу, в которой он бы признал всѣ свои ошибки, но он отказался.

В 1937 году Нейман был арестован. Только через восемь мѣсяцев жена его узнала, что он находится на Лубянкѣ. Но она его не видѣла и больше никогда о нем не слыжала. Самое ее арестовали в 1938 г.

Она рассказывает о почных допросах, о сестрѣ Уншлихта, о чтеніи приговора (пять лѣтъ лагеря), о побѣдѣ в Казахстан.

— Я увидѣла лагерь. Он был величиной с лѣв Ланги. — говорит она. — Я подала жалобу. За это меня посадили в специальный отдѣл, гдѣ было еще строже.

Мѣтр Блюмель (адвокат "Л. Ф.", единственный — не коммунист, член социалистической партіи, бывший директор кабинета Леона Блюма):

Это был вовсе не лагерь. Это была просто ссылка. Как может лагерь быть таким большим?

Но г-жа Нейман объясняет, что, хотя не было стѣн, но была стража, нельзя было общаться, нельзя было выходить дальше, чѣм за полкилометра. Она подробно рассказывает о четырех разных кухнях лагеря — одним готовилась ѣда получше, другим похуже; о трудовых нагрузках, о картерах.

Наконец, наступил январь 1940 года. По совѣто-германскому пакту, всех германских подданных совѣты обязались вернуть Германіи. За нею прѣѣхали, вмѣстѣ с другими женщинами она пошла на пересыльный пункт, гдѣ ее отѣли во все новое, хорошо наформили и даже парикмахер причесал ее. Послѣ этого 30 человекъ были посажены в вагон. Побѣд тронулся. Они не могли поверить, что ѣдут в Германію, гдѣ каждому из них угрожали репрессии.

На границѣ они увидѣли первых “эс-эсов”.

Нѣмецкій рабочий, ѣхавшій с ними, приговоренный заочно нѣмецким судом за принадлежность к компартии, и венгерскій еврей отказались перейти границу. Их силой потащили через мост. Они были немедленно застрѣлены нѣмцами. Ко-

гда по листу вызывали фамиліи, ей сказали: не может быть, что вы — жена Неймана. Вы просто агент Коминтерна. Она немедленно была отвезена в Равенсбрук, гдѣ просидѣла до апрѣля 1945 года.

Мэтр Нордманн: Когда вас освободили русскіе! Вы должны были быть им благодарны.

Г-жа Нейман: Сказать правду, когда они подошли близко, я бѣжала из лагеря.

Мэтр Блюмель: Мнѣ трудно себя представить, но я хотѣл бы уточнить, что такое совѣтскій лагерь? Мнѣ кажется, это такая зона... С чѣм бы сравнить?

Мэтр Изар: Я думаю, что сравнить это ни с чѣм невозможно. У нас такого не имѣется.

Мэтр Нордманн (упорно): Ее освободила красная армія! Кроме того, я знаю коммунистов, которые считают ее мучка предателем. — Я очень извиняюсь!

Г-жа Нейман: Его считают предателем сторонником Сталина.

Начинается опять довольно сильная перестрѣлка между адвокатами.

Мэтр Изар кричит: Вам на это нечего сказать! Эти показанія для вас убійственны!

Предсѣдатель отпускает свидѣтельница и водворяет тишину.

ПОСЛѢДНІЙ СВИДѢТЕЛЬ КРАВЧЕНКИ

Послѣдній свидѣтель Кравченки — мовдой моряк Федонюк.

Плавая вокруг берегов Европы и Азии, он постепенно стал задумываться над тѣм, да так ли уж хороша совѣтская власть? Медленно, упорно сравнивая жизнь у себя на родинѣ и жизнь за-границей, он пришел к заключенію, что “Сталин и его помощники обманывают русскій народ”. Разстрѣлы без суда, ссылки, вѣчная нехватка хлѣба, все это, видимо, до послѣдней степени опротивѣло ему, и он остался в Ис-

панія, гдѣ отсиѣл в тюрьмѣ, а затѣм был переслан в Тавжео.

Предсѣдатель: Он, значит, как бы в оппозиціи?

Мэтр Нордманн: Он просто дезертир!

Мэтр Изар: Оппозиція там невозможна. Он остался здѣсь.

Федонюка отпускают.

На часах — семь.

Слѣдующее засѣданіе — в понедѣльник, 28 февраля. Адвокаты отъѣтчиков готовятся задавать Кравченкѣ вопросы.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

В СТУПАЯ в шестую неделю процесса Кравченко, можно приблизительно предугадать, когда именно он окончится.

Во вторник, 1 марта, будет обсуждаться манускрипт книги "Я выбрал свободу". 2 марта будут, вероятно, выступать особые "свидетели нравственности", т. е. люди, знавшие гг. Моргана и Вьюмседа во время резистанса.

НАГРУДНЫЙ КРЕСТ ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

Джонсон в несколько раз бывал в России и провел там три месяца после последней войны. Им написаны три книги о Советском Союзе.

— Если Кравченко сказал правду, — заявляет Джонсон, — то я лгал. (Смѣх в залѣ). — Если же я сказал правду, то лгал он.

Прежде всего, Джонсон считает, что Сталин, в описании Кравченко, совершенно "непохож". Затѣм он заявляет, что в СССР ему позволяли бывать всюду и он видѣл рѣшительно все.

— Я видѣл всех главарей русской перекви, — говорит Джонсон. — Они были все довольны свободой, в которой живут. Я присутствовал на выборах армянского католика, куда меня доставили на аэропланѣ. Я видѣл главного раввина, я видѣл главу балтистов. Я сидѣл на торжественном мѣстѣ. Всѣ мнѣ заявили, что церковь в СССР свободна. Патриарх Алексій подарил мнѣ вот этот нагрудный крест (показывает).

Затѣм переводчик читает соб-

На будущей неделѣ начнутся рѣчи адвокатов.

Из Лондона, в спѣшном порядкѣ, был вызван в пятнадцатый день процесса Эвлет Джонсон, пастор и старѣйшина Кентерберійской, в черных гетрах и в целлулоидном воротничкѣ, 74-лѣтній представитель англиканскаго духовенства, сотрудник коммунистической газеты "Дэйли Уоркер", в 1 ч. 20 м. вышел к свѣдѣтельному бабьеру.

ственноручное письмо патриарха Алексіа Джонсону, в котором тот выражает восторги по поводу его последней книги.

— Я, как инженер (?), пастор и моралист, предугадал исход войны, — говорит Джонсон. — Я был и в волхозах, гдѣ видѣл шестнадцатилѣтних дѣтей, которые не работают, а учатся.

Мэтр Изар: Сколько в англійском парламентѣ коммунистов?

Джонсон: Два.

Мэтр Изар: "Дэйли Уоркер", в котором вы сотрудничаете, 1 ноября 1948 года (помѣстив вашу фотографию), напечатал вашу статью, в которой вы утверждали, что настоящих патриотов в Англии только двое! (Смѣх).

Джонсон: Я горжусь этим.

Мэтр Изар: Почему вы не поддержали кардинала Миндсенти, вмѣсто того, чтобы нам рассказывать о ваших встречах с патриархами всех религий?

Джонсон: Я не вижу связи этого вопроса с процессом.

О ЧАПЛИНѢ, ЛЕВИНѢ И ЛАЙОНСѢ

Послѣ этого начинаются вопросы Кравченкѣ.

Адвокаты отвѣтчиков приготовили их около полусотни. Кравченко,

заявившій, что он сегодня "в хорошем настроеніи", предупреждает, что будет отвѣчать на них, если они не будут "полицейскими".

Мэтр Матарассо: Каких лиц видели Кравченко между тем моментом, как ушел из советского посольства и тем, как дал интервью в американской газете? Выдвинулся ли он с Чаплиным?

Кравченко: Я уже сказал раньше, что отвечаю на этот вопрос после того, как получу разъяснение от родственников этих людей.

Матарассо: Когда Кравченко познакомился с Чаплиным?

Кравченко: В апрѣлѣ 1944 года.

Матарассо: Был ли Чаплин при том, как давалось интервью?

Кравченко: Да, как корреспондент "Нью-Йорк Таймс". Всего было 5—6 интервьюеров. Это делалось без шума и рекламы.

Матарассо: Чаплин служил переводчиком во время интервью?

Кравченко: Нѣт. Текст был заранее заготовлен. Я только роздал его.

Матарассо (раздраженно): Но кто же был переводчиком?

Кравченко: А вот этого то я вам и не скажу! Чаплин с тѣх пор умер. Мы только теряем время даром, говоря об этих вещах. Давайте говорить лучше о живых, чѣм о мертвых.

Матарассо: Газета "Пост Меридиан" (близкая к коммунистам) указывала, что Чаплин — друг Керенского, известного врага советской власти.

Кравченко: Это мнѣ все равно. А вот русский текст моего интервью находится в редакции "Нью-Йорк Таймс" — оттуда вы можете его затребовать. Знакомство Чаплина с Керенским — их личное дѣло.

Матарассо: Когда Кравченко познакомился с Исааком Дон-Левиным?

Кравченко: Копія показаній Дон-Левина находится в дѣлѣ. Мэтр Изар уже оглашал ее.

Матарассо: Жил ли Кравченко у Дон-Левина? У него есть дом за городом.

Кравченко: Что у него есть — это его дѣло. Его и спросите. Вы доказываете этими вопросами ваше убеждение.

Мэтр Изар: Вы просто хотите спросить, очевидно, был ли Кравченко "секретным американским агентом", как писал Сэм Томас?

Так и спрашивайте! (Смѣх).

Матарассо: Сотрудничал ли Кравченко с Дон-Левиним?

Кравченко: Я уже все сказал, и г. Матарассо все знает. Вам не удастся этими вопросами отвлечь меня от существа дѣла.

Мэтр Гейцман напоминает, что суть всего дѣла, причина процесса — статья Сима Томаса, напечатанная "Леттр Франсез", гдѣ Кравченко изображен "играком и невѣждой". (Смѣх).

Кравченко: Мнѣ не на что отвечать: это мое дѣло, с кѣм я сотрудничал и сколько кому платил.

Матарассо: В июлѣ 1944 г. Кравченко напечатал статью в "Космополитен Магазин" вмѣстѣ с Дон-Левиним. Когда они работали вмѣстѣ?

Предсѣдатель: Ну, не все ли вам давно?

Кравченко: Мы занимаемся моей книгой, а не статьями. Какое вам дѣло?

Матарассо: Сколько в этих статьях писали вы и сколько Дон-Левин?

Кравченко: Вы просто теряете время!

Матарассо: В сентябрѣ 1944 г. "Новое Русское Слово" в Нью-Йоркѣ писало о Кравченкѣ, что он "живет на виллѣ виднаго русского эмигранта и пишет книгу". Это была вилла Дон-Левина?

Кравченко: Эта газета оказала нечаянно услугу советской полици. Я написал в эту газету опровержение. Ни у какого "крупнаго эмигранта" я не жил. Кстати, газета почерпнула свои свѣдѣнія из монархическаго источника. А, кромѣ того, Дон-Левин — не русский эмигрант.

Предсѣдатель (к Матарассо): Куда вы клоните? Мнѣ кажется, это было бы всѣм нам интересно знать. Предположим, что он был лжц Дон-Левина. Что же это доказывает?

Матарассо: Статья в "Американ Меркюри" в сентябрѣ 1944 года была ваша?

Кравченко: Не помню. Да это было и не в сентябрѣ!

Матарассо: Ну, не в сентябрѣ, так в другое время.

Кравченко: Зачѣм же вы сказали "в сентябрѣ"? Вы плохо ведете ва-

пчу роль. Развѣ я не вправѣ был напечатать статьи, гдѣ хотѣл? Потом я их частично использовал для своей книги. Меня не интересует, что вы, напримѣр, дѣлали до этого процесса и что будете дѣлать потом. Меня интересует сейчас диффамация Сима Томаса.

Матарассо: В 1945 году прошел слух, что Лайонс, известный американскій журналист, был автором вашей книги. Послали ли вы в газеты опроверженіе?

Кравченко: Когда я слышу о себѣ какіе то слухи, я не пишу опроверженій. "Леттер Франсвз" утверждала обо мнѣ ложь в статьѣ Сима Томаса, тогда я начал процесс. На слухи я не реагирую. Кто вообще реагирует на сплетни?

Матарассо: Но "Дэйли Уоркер" переиздал это сообщеніе.

Кравченко: Я "Дэйли Уоркер" читал два раза в своей жизни. Больше не читаю.

Предсѣдатель (к Матарассо): Неужели вы чувствуете, в самом дѣлѣ, что все это так интересно?

Матарассо: Но знакомы ли вы с Лайонсом?

Кравченко: Да, я познакомился с ним в июль 1944 года.

Матарассо: О Лайонсѣ, как об авторѣ вашей книги, было в прессѣ.

Кравченко: Но вы, т. е. Сим Томас, не говорили в вашей диффамационной статьѣ о Лайонсѣ. Зачѣм же столько сейчас о нем говорить?

Мэтр Изар: Что Лайонс, меньшевик, что-ли? Сим Томас писал, что книгу Кравченко написали меньшевики. (Смѣх).

Кравченко: Нахальство моих противников не имѣет границ. Кто здѣсь обвиняемый?

Вуджерс (кричит с мѣста): Он — инструмент!

Мэтр Изар: А вы не инструмент, что-ли?

Сильный спор адвокатов. Слышен голос Изара:

— Не вы судите здѣсь, а мы судим.

Перестрѣлка приобретает весьма острые формы. Чтобы успокоить всѣх, мэтр Изар начинает читать письмо г-на Марка Хинной, живущаго в Америкѣ с 1912 года, на-

турализовавшагося в 1922 году. У него в домѣ жил Кравченко, работал над своей книгой. Ему г. Хинной слал комнату с пансіоном. В письмѣ указывается, что Кравченко был честен, аккуратен, скромен, трудолюбив и т. д.

Матарассо: Мы хотѣли бы знать, как и когда был Кравченко допрошен американской полиціей?

Кравченко: Зачѣм он меня об этом спрашивает, честно говоря?

Матарассо: Мы хотѣли бы знать, как и гдѣ его охраняли?

Мэтр Изар: Его охраняли, и хорошо дѣлали. Вспомним нѣкоторые случаи... Тропкій, напримѣр...

Матарассо повторяет свой вопрос.

Предсѣдатель: Он уже вам отвѣтил "нѣтъ". (Смѣх).

Кравченко: Пусть г. Матарассо обратится к американской полиціи. Да, я был ею допрошен через 3—4 дня послѣ моего ухода из посольства. Вы хотите знать, какой у меня паспорт? Палата представителей обсуждала мою натурализацию, но сенат еще не обсудил ее. У меня есть документ, по которому я живу. Америка — свободное государство. Никто ни разу не спросил меня о паспортѣ в этой странѣ. В СССР без документа нельзя переѣхать из одного города в другой. У меня же "право жительство" еще то, которое мнѣ выдали, когда я был на службѣ в совѣтском посольствѣ. (Сенсація в публикѣ).

Адвокаты "Л. Ф." продолжают свои вопросы. В них идет рѣчь о средствах Кравченки к существованію, о его статьях, напечатанных в свое время в различных американских газетах, об его отцѣ...

Предсѣдатель: Я позволю себѣ замѣтить вам... Мнѣ кажется, что целесообразно вопросов.

Но адвокаты продолжают дальше. Они, видимо, либо слишком бѣгло прочли книгу Кравченки, либо ее забыли, потому что на большинство вопросов отвѣчено уже в книгѣ, о чем предсѣдатель им все время напоминает.

Мэтр Изар: Если вы припасли какіенибудь новые совѣтскіе документы, то обнаружьте их! Это уско-тит дѣло.

Но адвокаты "Л. Ф." никаких документов не предъявляют.

«Я ВЕРНУСЬ В ОСВОБОЖДЕННУЮ РОССИЮ»

Послѣ перерыва, возобновляются вопросы, которые мэтры Матарассо и Брюгье ставят Кравченкѣ. Мэтр Нордманн отсутствует — не то по болезни, не то изучает рукопись, и его отсутствие чрезвычайно замѣтно: меньше яда, меньше злобы, но зато и меньше силы.

Матарассо и Брюгье дѣлают упор на ничтожных мелочах, которые сердят председателя и вызывают скуку в залѣ.

Долгій разговор происходит по поводу друга Кравченки, Карнаухова. Адвокаты упрекают Кравченку в своей книгѣ, или «не так написал», или находят, что главы книги не совпадают со статьями, напечатанными в газетах, или что «можно было написать иначе».

Кравченко по поводу всего готов рассказывать подробности, которые он в свое время упустил, «иначе книга была бы в десять раз длиннѣе». Так, он рассказывает о случаѣ изнасилованія студентами нищенки.

Адвокаты желают затѣм говорить о показаніях, которые Кравченко давал комиссіи по разслѣдованію антамериканских убійствѣй.

Мэтр Изар: Мы будем отвѣчать только на вопросы о книгѣ.

Матарассо: Он лгал этой комиссіи. Его будут преслѣдовать в Америкѣ за ложныя показанія!

Мэтр Изар: Вы — НКВД, я уже это сказал. Гдѣ ваш Сим Томас?

Матарассо: Пусть он отвѣтит о своих показаніях комиссіи!

Кравченко: Я буду отвѣчать только по поводу книги.

Бюрисер: Завода, о котором он говорил комиссіи, не существует!

Мэтр Изар: Это ваш Сим Томас не существует!

Опять — перестрѣлка адвокатов.

Бюрисер (кричит): Назовите завод!

Мэтр Изар: Покажите нам Сима Томаса!

Адвокаты Кравченки указывают на ошибки французскаго перевода книги, разговор переходит на тему о совнадеомѣ.

Мэтр Брюгье: Я хочу задать еще один вопрос: свидѣтелю Колыбазову Кравченко обѣщал «сорвать голову», когда он вернется в Россію. Как Кравченко думает вернуться в Россію?

Кравченко: Я вѣрю, что вернусь в освобожденную Россію, иначе моя жизнь не имѣла бы смысла. Я вѣрю, что міръ вздохнет свободно. В этом смысл моей борьбы. Для нас Россія — малина, для меня — в Россіи важен человек.

Брюгье: Я знаю, как он нацѣлится «освободить» Россію: он — человек войны! Но французскій народ не пойдет воевать за Кравченку!

Право задавать вопросы Кравченкѣ переходит к его адвокатам.

Мэтр Гейцман просит его рассказать суду о всѣх должностях, которыми он когда либо занимал, и Кравченко рассказывает свою жизнь, начиная с 1920 года. Это продолжается болѣе часу, послѣ чего, высѣданіе закрывается.

ШЕСТНАДАТЫЙ ДЕНЬ

ВТОРНИК, 1 марта, был днем рукописи — манускрипт книги “Я выбрал свободу” пошел на столъ регистратуры.

Адвокаты Кравченки нѣсколько раз подчеркнули, что не обязаны были предъявить суду этот документ, но, по доброй волѣ, его предъявляют.

“Дѣло” это состоитъ собственно из русской рукописи (18 глав из 28-ми), из американскаго перевода, с исправлениями, как Кравченки, так и его переводчика, из фото-копий, и из большого количества корректурных гранок, тоже с многочисленными исправлениями.

Зал суда снова переполнен, как в самые важные дни. Среди публики снова — иностранные послы, французскіе писатели (среди кото-

рых Жан-Поль Сартр, Артур Кестлер, Симон де Бовуар, Эльза Триолэ) и другія известныя лица.

Прежде, чѣм дать слово Кравченкѣ и выслушать исторію написанія им своей книги, мѣтр Изар проситъ судъ выслушать очередную корреспонденцію о процессѣ, напечатанную в “Литературной Газетѣ”.

Как известно, в “Правдѣ” только что, с чрезвычайной грубостью, было заявлено о зависимости министра внутренних дѣл, Жюля Мога, от американскаго полдара.

Теперь, грубѣйшей бранью советская газета раздражается по поводу французской прессы и особенно — агентства “Франс-Пресс”. Три представителя этого агентства, сидящіе в первом ряду мѣст для журналистов, шумно выражают по этому поводу свой восторг.

ИСТОРИЯ НАПИСАНИЯ КНИГИ

Виктор Кравченко встает и начинает свой рассказ. Г. Андронников его переводит. Автор “Я выбрал свободу” чрезвычайно подробно и обстоятельно повѣствует о времени, мѣстѣ и способѣ написанія своей книги.

— Манускрипт мною предъявлен суду. — говорит он, между прочим, — не для удовлетворенія моих противников, которые желали его видѣть, но для того, чтобы послужить дѣлу, то-есть — благой моей родинѣ. Я принес его сюда из уваженія к суду и к французскому общественному мнѣнію.

Кравченко поясняет, что манускрипт не полный, что отлѣльно имѣются главы болѣе подробныя, что в манускрипт входят страницы, в книгѣ не использованныя, которые он налѣтсе использовать в будущем, для второй своей книги (Движеніе на скамьѣ отвѣтчиков).

— Я начал работать надъ всѣмъ

этимъ еще в Россіи. Я точно тогда не зналъ, что мнѣ придется и что вѣтъ. Я прошу вспомнить, что настроеніе в Америкѣ, когда я все это писал, было не то, что сейчас. Я могъ быть выгнан СССР. Шла война. У меня не было друзей, или почти не было. Я был бѣден. Я не зналъ языка. С тѣх пор стоить многого измѣнилось.... Но я не приписываю себѣ заслуг, которыя мнѣ не принадлежат: заслуга того, что переизмѣнилось отношеніе к СССР, принадлежит самому СССР и его политикѣ.

Я работал в Нью-Йоркѣ, в Детройтѣ; сначала меня переводил г. Маламут (переводчикъ книги Тропскаго о Сталинѣ. — Н. Б.). Когда было переведено около 500 страниц рукописи, мы предложили ее издательству Харперса, но оно отказало. Послѣ этого, Маламут бросилъ перевод. Я с трудомъ ухватилъ его и обратился к Скрибнеру. Это издательство, послѣ того, как просмотрѣло рус-

ский текст моей книги. Приняло ее к изданию. Я получила аванс, подписала договор.

У меня появился второй переводчик, а также "редактор", т. е. человек, исправлявший отчасти переводчика. Когда книга была переведена до конца, я обратилась к другому человеку, который мнѣ ее снова перевел (устно) на русский язык, чтобы узнать, насколько точен был слѣдующий американскій перевод. Этим человеком был Бернард Никольскій. Редактора же и переводчика я называть не желаю.

Вьюмсер: Ага! Ага!

Мэтр Изар: Развѣ вы говорили в

ИЗАР ОГЛАШАЕТ ПИСЬМА ИЗ АМЕРИКИ И ЕВРОПЫ

Первым оглашается свидѣтельство эксперта, проф. Самье. Он слѣдил анализ чернил и пришел к заключенію, что рукопись написана, по крайней мѣрѣ, год или полтора тому назад, никак не меньше. Слѣдовательно, она не "сфабрикована" для процесса.

Вторым идет письмо Ивана Лодыженскаго, переписавшаго рукопись на машинкѣ по-русски. Третьим по очереди — письмо Бернарда Никольскаго, который пишет, что работа была очень трудная. Кравченко был чрезвычайно требователен и педантичен и вышивался буквально во все.

Мэтр Изар: Он, кажется, драдся с ним по телефону.

Предсѣдатель: Мы это себѣ хорошо можем представить!

Четвертое показаніе — издателя Скирибнеда, который сообщает, что доправок в корректурѣ было столько, что Кравченкѣ пришлось заплатить отдѣльно за слишком многочисленныя исправленія.

Пятое показаніе — В. М. Зензинова, который рассказывает о своем знакомствѣ с Кравченкой в Нью-Йоркѣ в 1944 году, о том, как Кравченко начал писать свою книгу, как читал ему нѣкоторые страницы и даже проинспектировал ему кое-что.

Предсѣдатель: Кто этот г. Зензинов?

Поддмани: Это адъютант Керенскаго.

Зензинов пишет, что много и по существу говорил с Кравченкой о

вашей лиффамаціонной статьѣ о "редактированіи" книги? Вы, кажется, говорили о ее написаніи другим лицом?

Кравченко: Таким образом, имѣется первая, вторая, третья редакція и корректуры. Первоначально я хотѣл назвать книгу "Измѣна ли это?" Так начал свою рѣчь охладитель депутат сената Патрик, и мнѣ понравилось это. Но потом я рѣшил назвать книгу "Я выбрал свободу". Все это я говорю для суда и общественнаго мнѣнія Франціи, а не для этого зоологическаго зала (широкій жест в сторону отвѣтчиков. Смѣх в залѣ).

его книгѣ.

Шестым идет показаніе Эльзы и Комрада Штейнгер. Оба они приѣхали из Россіи в Америку в 1939 году и, узнав, что Кравченко порвал с советскою властью, предложили ему приѣхать к ним жить и писать свою книгу. Он это и слѣдал. Живя у Штейнгер, в Детройтѣ, Кравченко, на виду в своих замохозяев, работал сутками над своей книгой. Они оба видѣли ее в рукописи, читали ее и обсуждали.

Седьмое показаніе принадлежат г. Раснину, у него Кравченко тоже жил, когда писал "Я выбрал свободу".

Восьмое показаніе — Д. Ю. Далина. Он встрѣчался с Кравченкой в 1944-45 гг., бывал у него, видѣл рукопись и ее в отрывках читал.

Последнее показаніе — престарѣлой Анжелики Балабановой, адресованное в газету "Популар". Балабанова (находящаяся сейчас в Италіи) была в Нью-Йоркѣ в то время, когда Кравченко писал свою книгу, она видѣла его работу и просматривала рукопись.

Всѣ эти свидѣтельства даны под присягой.

Послѣ этих показаній и показанія самого Кравченки, впечатленіе создалось такое, что для успѣха в Америкѣ вовсе не обязательно писать книгу вдвоем, непременно в сотрудничествѣ с американским журналистом, как утверждали "Леттер Франсез". Но адвокаты отвѣтчиков нашли необходимым задать свои вопросы.

ВЫВОДЫ НОРДМАННА

Мэтр Матарассо: Вы обращались до Скрибнера еще в разные издательства?

Кравченко: Возможно, что за меня обращались В оино или два.

Мэтр Изар: Американский агент, которого не хотѣли издавать!

Мэтр Нордманн: Помогал ли вам ктонибудь писать вашу книгу? (Ропот в залѣ).

Кравченко: Я уже сказал, что писал ее сам.

Мэтр Изар: Я жду от вас диверсия. Вы — маньяк диверсии!

Кравченко: Он опять сейчас начнет играть краплеными картами.

Мэтр Нордманн: Аванс был получен для вас и для переводчика?

Кравченко молчит.

Нордманн: Для двух со-авторов? Кравченко пожимает плечами.

Мэтр Нордманн (достает страницу рукописи с помѣтками): Для кого эти помѣтки?

Кравченко: Они были сдѣланы для меня самого.

Нордманн: Но тут написано в повелительном наклоненіи.

Эксперт "Леттр Франсэз" перевел невѣрно: г. Андроенников поясняет, что глагол стоит не в повелительном, а в неопредѣленном наклоненіи. (Движеніе в залѣ).

Предсѣдатель: Я должен замѣтить, что г. Кравченко все время остается хозяином положенія!

Кравченко: Я отвѣчу на все. Я ничего не оставлю без отвѣта.

Но мэтр Нордманн считает, что

находятся "в самой сердцевинѣ процесса".

— Мы докажем, что все, что Кравченко сейчас сказал, есть ложь!

Женский голос из публики: Вы сами лжете!

Предсѣдатель требует вывести дам. Жанларм ее выводит.

Мэтр Нордманн: Я дѣлаю три вывода из всего, что было сказано: первый — текст манускрипта, представленнаго нам, не есть текст книги. Второй — рукопись не принадлежит Кравченкѣ, и третій — фото-копия рукописи есть попытка фальсификаціи.

Мэтр Изар вскакивает. Вюрмсер не дает ему говорить. Всѣ одновременно кричат.

Кравченко: Морган, дайте холодной воды Вюрмсеру!

Мэтр Нордманн: Мы докажем, что в рукопись были позже вписаны антисовѣтскія вставки!

Предсѣдатель: Значит, по вашему, Кравченко менѣе антисовѣтскій человек, чѣм американцы? (Смѣх).

Нордманн: Часть рукописи написана по старой орфографіи...

Кравченко внимательно слушает в переводѣ весь этот спор. Он почти все время улыбається и кажется очень увѣренным в себѣ. Иногда он дѣлает замѣтки на листѣ бумаги — он собирается отвѣчать по пунктам, когда адвокаты отвѣтчиков и их эксперты кончат говорить.

Предсѣдатель объявляет перерыв.

ЭКСПЕРТИЗА ВЛАДИМИРА ПОЗНЕРА

Перед тѣм, как, послѣ перерыва, выслушать эксперта "Л. Ф.", г. Познера, предсѣдатель дает Кравченкѣ сказать нѣсколько слов по поводу выводов Нордманна.

— Вы лжете и вводите в заблужденіе французскій суд, — говорит Кравченко. — Вы бросаєте тѣнь и на меня, и на моих адвокатов, обвиняя нас в фальсификаціи. Вот главы, которых не хватало в дѣлѣ — онѣ были у эксперта трибунала. Онѣ идентичны с копіями.

Владимир Познер выходит в сви-

дѣтельскому барьеру. Присягать его не просят, так как он не свидѣтельствует, а выступает со стороны "Л. Ф.", как ими приглашенный эксперт.

Мэтр Изар: Присягать ему не в чему. Это — их человек!

Познер, все время шевеля пальцами перед своим лицом, словно играя на незримом кларнетѣ, объясняет французскому суду, что разница между манускриптом и книгой показывает, что эти двѣ вещи были написаны двумя разными людьми.

иначе говоря, рукопись Кравченко была дополнена "меньшевиками", вдохновлена американскими журналистами и только после этого появилась в свет.

Мэтр Изар: Значит, вы считаете, что рукопись-то все-таки Кравченко?

Познер мнется. Но, видимо, он считает, что первоначальная работа была сделана Кравченко.

— Текст рукописи скромнее текста книги. — говорят он. — В книге все было приукрашено, усилено, тьни рвзче, характеры очерчены рельефнее, и пристрастие чувствуется на каждом шагу.

Председатель дбляет из ладони рожок у уха, голос эксперта едва слышен, он монотонно и пространно объясняет, что там, гдѣ в рукописи стоит "два человека", в книге напечатано "два коммуниста", гдѣ в рукописи "я шел", в книге — "я ѣхал".

Председатель: И это все?

Познер: Нѣт, у меня еще есть двенадцать пять примѣров. И сто в другом родѣ.

Он усмотрѣл в русской рукописи "гнвуазныя" мѣста, которые в американском переводѣ нѣт. До этого нѣсколько раз говорилось, что "советскій гражданин Кравченко" не мог написать гнвуазных слов, что это, несомнѣнно, написали ему американцы "для коммерческаго успѣха книги". Теперь выходит — наоборот.

НЕОЖИДАННЫЙ СКАНДАЛ

Всѣ встают со своих мѣст. Адвокаты подходят к столу председателя.

Мэтр Нордманн и мэтр Изар одновременно хватаются за рукопись. Начинается шумный спор: кто сохранил эти папки до завтра?

Председатель (к Нордманну): Г. Кравченко не обязан был доставлять рукопись суду. Он добровольно это сдѣлал. Она была в ваших руках больше недели. Я считаю, что мэтры Изар и Гейцман могут ее взять до завтра.

Нордманн повышает голос. Вюрмсер, Морган и всѣ их адвокаты хором требуют рукопись. Слышны го-

Познер разсуждает, как человек, сам никогда ничего не написавший, хотя за ним, как говорят, числятся нѣсколько книг (не считая разных переводов). Он считает, что, если часть рукописи написана карандашом и часть пером, то это подозрительно; что, если есть страницы без исправлений, то онѣ фальсифицированы. Он говорит о стилѣ "а" и стилѣ "б". Стиль "б" — несомнѣнно, стиль "меньшевицкій".

Председатель: Манускрипт был нѣсколько романсирован. Это несомнѣнно. Но кто же это сдѣлал?

Познер: Стиль "б", это стиль русских эмигрантов, долго живущих в Америкѣ. Кравченко не мог сказать "стѣйк", он бы сказал "бифштекс", как говорят русскіе из Россіи.

Кравченко: В Россіи нѣт ни бифштексов, ни стѣйков. (Смѣх в залѣ).

Председатель: Вы все-таки допускаете мысль, что Кравченко участвовал в написаніи своей книги?

Познер: В известной мѣрѣ.

По словам эксперта, русскіе эмигранты придали книгѣ "антисоветскій" вид. На всѣ эти темы он говорит около двух часов, в течение которых зал постепенно пустѣет. Наконец, показанія его окончены. Засѣданіе тѣм самым тоже — так как уже больше семи часов, и второй эксперт, м-ль Голье, принуждена будет выступить завтра.

дось: "он сдѣлает в ней подчистку". "Он внесет поправки". "Он вывернет листы".

Мэтр Изар настаивает, предлагает, в крайнем случаѣ, оставить ее на сутки в регистратурѣ.

Председатель обращается к прокурору.

Прокурор считает, что суд не вправе отказать Кравченкѣ получить обратно свою рукопись.

Председатель (рѣшительно): Я передаю ее мэтрам Изару и Гейцману. Вы даете слово, что Кравченко не измѣнит в ней ничего.

Адвокаты свѣчают согласием.

В эту минуту Вюрмсер и Морган

отпускают какое то замѣчаніе, которое не доходит до шубленки, но доходит до председателя. Он встает, сильно покраснѣвъ, и грозно объявляет во всеуслышаніе:

— Никогда за двадцать с лишним лѣтъ работы моей в магистратурѣ, я не был свидѣтелем такого возмутительнаго недовѣрія к чужому слову. Гдѣ мы находимся? Что же, вы думаете, что они будут копаться*) в этих страницах? Побольше уваже-

нія, господа, к тому, что здѣсь гѣлается!

И с силой отодвинув кресло, он выходит в сопровожденіи судей.

В кулуарах, среди журналистов, циркулировала шутка, что "пробный приговор уже был сегодня объявлен".

*) *Tripotouiller*, слово «арго», которому по-русски перевода нѣтъ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

В СРЕДУ, 2 марта, должно было закончиться разбирательство дѣла Кравченко и на понедельник, 7 числа, назначены были прения сторон. Но экспертиза г. Познера еще не кончена. Его утверждения кажутся адвокатам Кравченко нѣсколько голословными, и они просили его их уточнить.

Поэтому в понедельник, суд вернется еще раз к обсужденію руко-

писи. Возможно, что к концу застѣданія, начнутся рѣчи.

Застѣданіе семнадцатое началось продолженіем рѣчи г. Познера, который наканунѣ не закончил своих выводов касательно манускрипта книги "Я выбрал свободу". О стили "а" и "б" он выскажется, е примѣрами в руках, лишь в понедельник. Сейчас же он возвращается к рукописи, как таковой.

ЕЩЕ ЭКСПЕРТИЗА ПОЗНЕРА

— Она не была напечатана — говорит Познер, — в таком видѣ, в каком нам ее дали. Над ней была в свое время совершена работа, о которой Кравченко не говорит, и которая слѣдала из нея книгу. Она полна поправок, которыя набросаны чужой рукой: по вѣдѣ невозможно было диктовать поправки! Антисовѣтскія мѣста в ней подчеркнуты и затѣм в книгу развиты. Если в рукописи мы читаем "невинные люди", то в книгѣ мы уже встрѣчаем "сотни тысяч невинных людей".

Познер говорит довольно долго, при полупустом залѣ.

Предсѣдатель берет в руки переданный ему экземпляр книги Кравченко, гдѣ красным карандашом отчеркнуты мѣста, которыя в рукописи нѣтъ.

Предсѣдатель: Их вовсе нѣтъ в рукописи?

Познер (послѣ колебанія): Их нѣтъ в этом мѣстѣ.

Предсѣдатель: Мнѣ все равно, в каком они мѣстѣ. Я хотѣл бы знать, фигурируют ли они в рукописи гдѣнибудь?

Познер (запинаясь): Но там, гдѣ говорится совсѣм о другом...

Предсѣдатель: Словом, они имѣются, но не в этой главѣ! (В публикѣ движеніе).

Познер говорит и о Сталинабадѣ-Ашхабадѣ, и о старой орфографіи, которой написаны нѣкоторыя слова: Кравченко не мог писать по старой орфографіи.

Предсѣдатель настаивает на этом пунктѣ, который кажется ему довольно существенным. Но через минуту выясняется, что дѣло идет не о буквѣ "ять" и не о твердом знакѣ, а о "зс" и "сс" в таких словах, как "разсказывать".

Познер: Я плохо выразился вчера...

Забрав с собой рукопись, эксперт выходит из зала, чтобы продолжить ее изученіе.

ПОСЛѢДНІЕ ЭКСПЕРТЫ

Второй эксперт, Тереза Годье, учительница русскаго языка французской школы, некрасивая, молодая дама. Она считает, что текст рукописи Кравченко "не сломтаннейный".

Она слѣдала открытіе: фото-копии не всегда соответствуют оригиналу. Краснооубчія у нея не много, она нѣсколько раз говорит не то, что надо: "простите, я ошиблась", "ах, нѣтъ, я не ошиблась!" "да, я ошиб-

зась”

Публика, которая скучает, прихвливается к случаю и смѣется.

Предсѣдатель: По вашему, фотоконии слѣданы не с рукописи, а с американскаго текста?

Но свѣдѣтельница боится отвѣтить на такой вопрос утвердительно, это может завлечь ее довольно далеко. И ее отпускают.

Последним экспертом по рукописи выходит г. Зносско-Боровскій, переводчик “Леттр Франсез”, совѣтскій патриот. Он тоже занимался сравненіем рукописи и фото-копій.

ДОКУМЕНТЫ VIA PRAGUE

Так как “свидѣтелей нравственности” “Л. Ф.” еще нѣтъ, мэтр Нордманн просит слова.

— Нас спросили вчера, — говорит он, — нѣтъ ли у нас совѣтских документов? Да, они у нас есть, и настал момент их предъавить. Первый документ, впрочем, не совѣтскій, а американскій. Это статья Джорджа Себіаса, автора книги “1000 американцев”, в № “Нью Йорк Пост” от 1946 года. Из нея слѣдует, что Евгений Лайонс, о котором говорилось вчера, как о возможном авторѣ книги Кравченки, был разоблачен в военном американском ж у р в а л ѣ “Старе энд Страйкс”, как наци: в архивах генеральных штабов Германія и Италия были найдены его писанія. Во время оккупации, статьи Лайонса перепечатывались во французском журналѣ “Сигнал”. Вот, кто был автором книги Кравченки!

Кравченко: Плохая у вас защита, Нордманн!

Нордманн: Затѣм идут совѣтскіе документы: первый относится к управленію Кравченкой завода в Кемерово. Этот завод никогда не существовал. Он был только в проектѣ. Кравченко имѣл под своим началом... семь человек!

Предсѣдатель: Но это же были не рабочіе? Вѣроятно, это были директора и старшіе инженеры?

Нордманн: Ничего не было! Никакого строительства! Был только проект.

Он вынимает из папки документ, вѣрнѣе — копию документа, полу-

— Страница? Изданіе? — спрашивает Кравченко. — Пожалуйста, говорите точно, я хочу, чтобы все это осталось в стенограммѣ.

Зносско-Боровскій указывает на разницу двух текстов.

В это время возвращается с папками Познер, и они оба вмѣстѣ дают свое заключеніе.

Кравченко: Вы сегодня радуетесь, чтобы умереть в понедельник!

Сегодня он возражать экспертам не собирается, он ждет, чтобы Познер закончил свои изысканія в области стила “а” и “б”.

членную из СССР, и читает текст, из котораго слѣдует, что Кравченко получал 11.000 рублей в мѣсяц (всѣ уливлены): один раз в этом документѣ он назван “директором завода”, другой раз — “старшим инженером”.

Мэтр Гейцман вскакивает, торжествуя, но мэтр Изар его тянет за рукава: они сохраняют этот камень за пазухой до понедельника.

Далѣе мэтр Нордманн оглашает справку о свѣдѣности Кравченки (по дѣлу о расстрѣлѣ).

Предсѣдатель: Это все есть в его книгѣ.

Нордманн читает о приговорѣ, о казнированіи дѣла. Кравченко не отбыл наказанія только потому, что был призван на военную службу.

Кравченко: Вы теперь фабрикавали этот документ. Гдѣ оригинал? Все было не так.

Брюгге читает справку о воинской повинности, снова поднимается вопрос о Харьковском университетѣ, дезертиствѣ, оставленіи закупочной комиссіи. Документ о комиссіи подписан Руденкой.

Мэтр Изар: Ну, конечно, генерал все еще в Парижѣ!

Ничего поваго, кромѣ подтвержденія, что Кравченко был назначен в свое время на высокій пост, эти “документы” не лгут.

Мэтр Изар встает и просит къ минуты вниманія.

— В послѣдній день дебатов, — говорит он, — нам преподносят новые документы. Вы сноситесь с правительством другой страны и може-

те от него получить все, что вы хотите! И это есть лучшее доказательство, что Кравченко говорит правду, потому что ни на какие другие его утверждения вы опровержений не принесли! Вы могли их достать сколько угодно — всё советские учреждения открыты вам. Но у вас нет ничего серьезного, что вы можете противопоставить его книге... Кстати, я должен сказать два слова об одном из ваших свидетелей.

Изар вынимает два письма. В свое время коммунистический депутат д'Астье де ля Вижера сказал, что, если бы книга Кравченки появилась в 1944 г. в Алжире, он бы арестовал его и уверен, что все члены алжирского правительства сдавали бы то же самое. Одно письмо, по-

лученное Изаром, подписано Ле Трокером, социалистом и бывшим министром. Он пишет, что никогда бы он Кравченку не арестовал. Второе письмо — Андре Филиппа. Этот последний не только пишет, что Кравченко мог бы свободно в Алжире издать свою книгу, но также добавляет, что, если бы д'Астье его арестовал, то был бы немедленно из министерства "выгнан".

— И это не правда, это лживые люди пишут!

Бюрмесер: Вы называете социалистов — лживыми?

Изар: Нет, я забыл, что по вашей терминологии, это глупый империализм.

Объявляется перерыв.

ДЕМОКРАТИЯ — ЧТО ДЫШЛО!

После перерыва появляются три "свидетеля нравственности": известный писатель Жан Кассу (женатый на сестре Бюрмесера), бывший министр Ив Фарж, ныне близкий к коммунистам, и небезызвестный Пьер Кот, "друг СССР".

Ни одному из них не ставится ни одного вопроса. Мэтры Изар и Гейцман слушают их совершенно равнодушно, адвокаты ответчиков — с подобострастным восторгом. (Ни г-жа Марти, ни г. Жюлио-...-ти, свидетельствовать не явились).

Кассу, которого Брюгге рекомендовал не только, как писателя, но и как друга Жана Зей, считает, что Кравченко "служил врагу", "хотел раздвигать союзников".

Фарж произносит слово во славу "моих дорогих друзей", которые не испугались пойти против пропаганды Геббельса. Он тут же выражает свое мнение о том, как ведется про-

цесс, за которым он следит по газетам.

Пьер Кот был в России несколько раз. Он считает, что 100 процентов населения стоит за власть, что культурный расцвет там — небывалый. Он поехал в Грузию, так как сам из Савойи и хотел взглянуть на страну, схожую с его родиной. Население было счастливо, все было действительно очень похоже на Савойю, только дороги были хуже.

— В каждой стране — своя демократия. В Англии — выбирают префектов, у нас их назначают, но и Англия, и Франция — демократия. В России — свой режим, там не так, как у нас, но тоже демократия. Книга Кравченки — одиозна и преступна. В России всё довольно правительством, которое позволило народу победить фашизм.

В 5 час. 15 мин. заседание закрывается.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

ПРОЦЕСС Кравченки идет к концу. В залъ исправительнаго суда, гдѣ до сих пор разбирались дѣла об украденных велосипедах или о дракѣ двух соперниц, и гдѣ нынѣ слушается самое большое дѣло о диффамацин, какое когда либо пришлось разбирать французскому суду, снова переполнены всѣ снамями — публики, адвокаты, журналисты до самаго послѣдняго дня с затаенным дыханіем будут слу-

шать этот процесс, о котором ищут всѣ газеты міра.

Начались рѣчи, близится заключение прокурора (которое, как говорят, будет коротким), близится приговор, о котором гадают в кулуарах...

Восемнадцатый день принес окончание судебного разбирательства. Оно было закрыто председателем в понедельник, 7 марта, в 6 час. дня, когда начались пренія сторон.

«СВИДѢТЕЛЬ НРАВСТВЕННОСТИ» Г. ЖОЛІО-КЮРИ

Засѣданіе начинается с показаній Жоліо-Кюри, известнаго ученаго, директора Института атомной энергіи, нобелевскаго лауреата и коммуниста.

Небольшого роста, невзрачный, худой, он начинает с того, что воздает должное "смѣлости, таланту и честности" редакторов "Лэттр Франсез". Жоліо-Кюри был в Россіи три раза: в 1933, 36 и 45 гг. и "старался книгу Кравченки читать безпристрастно". Он понял, что она невѣрна особенно тогда, когда узнал, как геройски вели себя резистанты во время вѣмецкой оккупацин. Об ужасах лагерей в СССР написано в ней с единственной цѣлью — поднести ущерб престижу СССР.

Особенно возмутили ученаго главы о Харьковѣ: он сам был в Харьковѣ и видѣл там среди студентов и профессоров огромный энтузіазм. Всѣ критиковали дѣйствительность безболзненно, указывали на ея слабые стороны. "Когда Кравченко говорит об "обскувантизмѣ" совѣтов, то это просто смѣшно", — сказал Жоліо-Кюри.

— Я видѣл в Харьковѣ замѣчательную школу: в нее послали учиться всѣх первых учеников. Это была школа вундеркичлов. Она помещалась в каком то дворцѣ. Профессора тоже были самые лучшіе. Я говорил с учениками...

Председатель: Вы говорите по-

двуски?

Жоліо-Кюри: Нѣт, но переводчиком был тоже ученик, ему было 13 лѣт. Он не мог быть полосолян надочно. Он говорил со мной об атомной энергіи. Что случилось с этими лѣтими? — спрашивает Жоліо-Кюри. — Это все должны были стать замѣчательные люди. Но и а м с женой неизвѣстно, гдѣ они теперь.

— Книга Кравченки — грязная книга, — продолжает ученый. — Он критикует мелкіе недостатки, как, например, недѣйствующія уборныя. Сам он из рабочих стал инженером, при парѣ это было невозможно. Ева Кюри (сестра жены ученаго) тоже написала книгу о СССР. Ея книга — безпристрастная. (Слѣдуют длинныя цитаты из книги Евы Кюри). Рапион хлѣба был в Россіи во время войны огромным.

Председатель: Но только хлѣба!

Жоліо-Кюри: Ева Кюри говорила о том, что, благодаря процессам была уничтожена пятая колонна. А теперь Кравченко создает "климат войны". Этот климат похож на то, что мы уже влѣвли в 1938-39 гг. (Ропот в публикѣ).

Послѣ чтенія еще нѣскольких длинных цитат из книги родственницы Жоліо-Кюри, ученый кончает свои показанія.

Не совсем понятно было, почему был приглашен он сам, а не его свояченица?

Д'АСТЬЕ ДЕ ЛЯ ВИЖЕРИ ОПРАВДЫВАЕТСЯ

Депутат д'Астье де ля Вижери, уже зававший суду свои показания, просит, чтобы его выслушали еще раз.

Де Трокер и Андре Филипп письмами заявили, что, будучи во французском алжирском правительствѣ, они никогда бы не арестовали Кравченку, если бы он не в Америкѣ, а в Алжирѣ "выбрал свободу".

Возраженія депутата на эти письма довольно блѣдныя. Он напоминает, что у французов были всякія недоразумѣнія с Рузвельтом и Черчиллем, но никогда не было недоразумѣній со Сталиным. Он говорит, что при де Голлѣ в Алжирѣ существовала пензюра, и Кравченкѣ не позволили бы дать свое интервью;

что коммунисты в Резистансѣ играли первую роль; что в Алжирѣ арестовывали многих, которые сдѣлали разнь между союзниками (напримѣр, либийскаго президента). Что касается выраженія "гениальный вождь" в примѣненіи к Сталину (о чем писал в своем письмѣ Де Трокер), то впервые это имя было дано ему... Леоном Блюмом и самим де Голлем (?). Повторив нѣсколько раз одно и то же, д'Астье умождает.

Мэтр Изар: Здѣсь у нас сегодня парламентскіе дебаты! Говоря короче: два человекѣ из алжирскаго правительства с вами не согласны, а вы сказали: если хоть один найдется, то я неправ. Комментарій излишни!

РАЗВѢДКА Г. НОРДМАННА

Прежде, чѣм дать Кравченкѣ высказаться о рукописи и отвѣтить экспертам "Летр Фансез", мэтр Блюмель читает письменныя показанія, полученныя отвѣтчиками.

Английскій королевскій совѣтник, депутат палаты общин Притт, шлет им свое сочувствіе.

Г. Вермей пишет, что "міровая реакція всегда обвиняет СССР в грѣхах, которыми грѣшит сама".

Г. Лир (из Бельгіи) рассказывает, что ему говорил один американскій журналист (?) о школѣ пропагандистов в Америкѣ, гдѣ обучаются агитаторы, которые затѣм работают против СССР. В этой школѣ, как пишет Лир, был в свое время и Валтин. О Лайонсѣ он говорит, как о безспорном авторѣ книги Кравченки.

Поль Вьено сообщает, что Вюрмсер и Морган — это Габриэль Пери (коммунист, погнѣшій от руки Гестапо), а Кравченко — Доріо и Абед.

Американскій адвокат Кинг, специалист по иммиграціи в Соединенные Штаты, утверждает, что прави-

тельство Америки никому не дает виз на выѣзд, кто путешествует под чужим именем. Между тѣм, мэтр Нордманн добыл из "Эр Франс" список пассажиров того дня, когда приѣхал Кравченко: он дѣйствительно путешествовал под именем Павла Кедрина.

Предсѣдатель: Не хотите ли вы сказать, что Кравченко никогда уже в Америку не сможет вернуться?

Мэтр Нордманн: Нѣт, но все это была протекція!

Мэтр Изар: Как пломбированный вагон Ленина!

Кравченко: У Нордманна исключительныя полицейскія способности.

Мэтр Изар: Кравченко, выходит, по вашему, не то ль к американскій агент, но и французскій?

Нордманн: В этом французское правительство слѣдует за американским. (Ропот в публикѣ).

Мэтр Гейцман: Откуда вы достали список пассажиров "Эр Франс"?

Нордманн: Этого я вам не скажу.

Гейцман: Тогда я прошу кошѣ этого документа.

ОТВѢТ КРАВЧЕНКИ ЭКСПЕРТАМ

— Спасибо Нордманну за безложность о моем будущем. — Начинает Кравченко свою рѣчь. — и за объясненіе американских законов. Всѣ документы, оглашенныя от-

вѣтчиками, лишнее доказательство тому, что коммунистическая опасность велика в Америкѣ и во Франціи. Иначе Нордманн всѣ эти документы читать бы не мог.

Г. Познер, экспертизу мою рукопись, не нашел в ней многих страниц, которые потом оказались в книге. Я уже сказал, что я представил суду 700 страниц, а вот еще — 400, полученных из Америки вчера. Все это слэпало мной по доброй воле, я не был обязан это дэлать. Все это написано от руки. Материалы о НКВД — собраны особо. Их я не могу дать на руки, так как из них составится часть моя вторая книга. И эта вторая книга будет звонкой пошеиной совэткаму режиму и его дэятельности за-границей.

Познер сказал, что книга моя больше антисовэткавая, чэм моя рукопись. Это невэрно. Жизнь под кремлевскими тиранами и сравнение Сталина с Гитлером — все это есть в рукописи. Если я не убил вас (в сторону отвэткиков), то это потому, что у вас извращенный вкус кремлевских обезьян. (Смэх в публикэ).

Я писал, что совэткай режим мало, чэм отлучается от фашистского режима. Если взять приговор нюрнбергских процессов и замэнить имена нэмские именами совэткайми, то все можно оставить на мэстэ — все будет вэрно. Говорить, что я самого себя представил в книгэ болге важной персоной, чэм в рукописи, тоже невэрно.

Вы плохо читали, г. Познер! Вы плохо дэляли ваше дэло! Вы игнорировали все, что я сказал о том, как писал свою книгу.

Мэтр Матарассо: Кто был ея редактором?

Мэтр Изар: Не мэшайте ему говорить!

Кравченко: М-ль Голье видэла 8 листов из 700. Она говорила о несовпадении фото-копий с рукописью. М-ль Голье хочет лишить меня права писать, как я хочу, и о чем я хочу. Если гг. Нордманн и Матарассо лишнут без помарок, то это — большие таланты. К сожалэнию, талантов-то за ними мы до сих пор и не замэтили.

Тут Кравченко переходит к существу дэла. Он передает председателю переводы нэскольких листов своего манускрипта, гдэ переведены и разобраны не только всэ без

исключенія слова, но и зачеркнутыя мэста — то, что дэлают обычно спэциалисты с рукописями Пушкина в России, Шекспира в Англии и Гете в Германии.

Председатель долго изучает листы. Эти листы были у м-ль Голье, и Кравченко желает доказать, что все в них — соотвэствует книгэ.

Г. Андронников переводит почти безостановочно: председатель держит теперь в руках книгу, переводчик читает перевод рукописи той же страницы, за которой слэлит председатель.

Таким образом, Кравченко поясняет около десяти мэст, которых, по Познеру, не было в рукописи. Часть листов — была в руках у экспертизы, часть, присланная только вчера, им незнакома. Этим способом Кравченко выясняет довольно много неясных мэст, в частности, мэсто об Орджоникидзе.

— Вы три дня вдали. — говорит он Матарассо. — дайте мнэ теперь говорить.

Альваты отвэткиков все время пребывают Кравченко, говоря, что листы, которые переводит г. Андронников, у них в руках не бывали. По ним, Орджоникидзе выходит покровителем и другом Кравченки.

Познер пытается взять какой то лист, но Кравченко кричит:

— Я потом вам дам! Не трогайте ничего!

Председатель: Во всяком случает, вы можете слэлать анализ чернил. Если чернила употреблены больше года тому назад, то спора, конечно, быть не может.

Мэтр Изар: Есть многое, чего мы не можем читать: это материалы для второй книги.

Кравченко: Г. Познер, подобайте сюда!

Познер, сляпшй на скамэ алвакатов отвэткиков, не двигается.

Председатель: Мнэ не очень нравится вся эта группа: эксперты, адвокаты, отвэткики — всэ друг с другом шелчутся. Пусть эксперты илут на свои мэста. Но они и не эксперты. Это ваши эксперты. (Познер уходит вглубь зала).

Председатель (который знает книгу Кравченки на зубок): Теперь мы перейдем к "пассажу для Миши".

Кравченко читает "пассаж дяди Миши". Познер становится рядом с ним.

Председатель: Есть в рукописи об этом?

Познер (мнется): Тут одна фраза...

Переводчик читает по рукописи. Текст почти совпадают.

Кравченко переходит к вопросу о новой орфографии: он учился до революции русской грамоте, а послѣ, в университетѣ, всё научился проходить по украински. Он мог ошибиться.

— Если вы проэкзаменуете Романова или генерала Руденко, то я окажусь, навѣрное, грамотнѣе их!

Вся эта часть засѣданія требует от судей чрезвычайнаго вниманія: надо ясно себѣ представить процедуру: Познер показывал по-французски, имѣя дѣло с русским текстом; Кравченѣ переводил по-русски стенограмму этих показаній. Теперь он возражает на них по-русски, г. Андронников переводит их по-французски. Но суд терпѣливо слушает и "пассаж дяди Миши", и "пассаж Саши" и "пассаж Фромана".

Послѣ перерыва Кравченко продолжает доказывать, что рукопись и книга — одно и то же. Адвокаты

отвѣтчиков время от времени поднимают шум, говоря, что эти листы у них в руках не были.

Мэтр Нордманн: Мы не можем работать в таких условіях!

Мэтр Изар: Я ничего никогда вам не обѣщал.

Наконец, Кравченко заканчивает:

— Эту книгу писал я сам, да и в этом честное слово. Я писал и буду писать, а вам предстоит рѣшить, кто в этом процессѣ прав. Весь мир смотрит на вас. Взгляды всего свободного человечества обращены к вам. Пропшу трибунал вынести рѣшение во имя справедливости и свободы.

Матарассо и Познер хотят еще поговорить о "пассажах Оджоникидзе".

Кравченко: Вы все ждете! Я уже говорил об этом, а вы сидѣли и молчали.

Познер: Г. председатель, я кажется, лучше знаю этот манускрипт, чѣм г. Кравченко, который говорит, что написал его. Он не может найти нѣкоторых мѣст и что-то долго ищет.

М-ль Годье выводит к барьеру, но она оказывается не нужна.

Председатель прекращает обсужденіе рукописи.

Слово предоставляется мэтру Гейцману.

РѢЧЬ МЭТРА ЖИЛЬБЕРА ГЕЙЦМАНА

Рѣчь мэтра Гейцмана продолжалась всего час и будет продолжаться завтра. Сегодня она раздѣлена была на двѣ части: первая — фактическая и вторая — юридическая. В фактической части, мэтр Гейцман блестяще обрисовал сущность дѣла:

— Почему не откроются границы, чтобы, наконец, поѣхать в эту страну и на дѣлѣ узнать, что правда и что неправда? — воскликнул он в самом началѣ своей рѣчи. — Как было бы просто рѣшить вопрос!

Статья Сима Томаса, диффамационныя статьи Вюрмсепа и (почти всѣ анонимныя) статьи Моргана были Гейцманом анализированы чрезвычайно детально.

"Дурак. Пьяница. Неспособный.

Интриган. Преступный тип. Пролажный человек". — вот в чем заключается диффамация Кравченки.

"И подумать только, что профессор Байе сказал об авторах этих статей, что они разсуждают, как историми. Неужели он хотѣл посмѣяться над судом?" — произносит Гейцман, лукаво и умно блестя живыми глазами на широкое, подвижном лицѣ.

— Кравченку просто хотѣли замарать. Это их тактика — грязнить врага. — заключает он и переходит к юридической основѣ дѣла.

Он цитирует законы о диффамации, рассказывает случ, как и когда начато было дѣло и были вызваны свидѣтели, и напоминает, что истец не должен ни объявлять своих свидѣтелей, ни сообщать своих доку-

ментов. Факт диффамации, по его мнению, на-лицо. Но, кроме факта, есть еще злая воля, есть еще дурное намерение — и это, быть может, наиболее важная сторона процесса.

В семь часов вечера заседание закрывается.

Конец речи мэтра Гейцмана и речи мэтра Изара — во вторник.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

НАКАНУНЪ, в понедельник, 7-го марта, мэтр Жильбер Гейцман начал свою рѣчь. Весь день вторника был посвящен окончанию его рѣчи, которая длилась четыре часа, и началу рѣчи мэтра Жоржа Изара, длившейся два часа.

Эти две рѣчи были двумя образчиками французского краснорѣчия, в самой совершенной его формѣ: Гейцман, спокойно, искусно, упорно, хитро, жестоко, плел сложную паутину вокруг "Лэттр Франсэз", основанную на точных данных; он

перебрал в своей рѣчи весь процесс, с его истоками, с его свидетелями, с его документами.

Мэтр Изар — в блестящем, умном, очень "человѣческом", ярком словесном фейерверкѣ, говорил о личности истца, о его книгѣ, которая есть выражение этой личности.

Зал слушал с затаенным дыханием. Отвѣтчики молчали. Кравченко, слѣдя за французской рѣчью адвокатов, был весь напряженное внимание.

ПОЛИТИКИ, ХРИСТИАНЕ И ПРОФЕССОРА

Мэтр Гейцман подѣлил свидетелей отвѣтчиков на нѣсколько групп. О каждой из них он нашел слова убийственныя, уничтожающія. Отличительная черта этих свидетелей — их принадлежность к коммунистической партіи.

"Почему среди них не было чловѣка, который сказал бы: я против коммунизма и против "Лэттр Франсэз", но я должен сказать — книга Кравченки — вредная книга! Почему всѣ эти профессора, христиане и политики принадлежали к партіи или сочувствовали ей?"

— Мы не можем забыть, — сказал Гейцман, — что партія для тѣх, кто в ней состоит, находится выше всего: выше правды, выше справедливости, выше идеи, выше присяги. Партія диктует им все. И пусть вам не говорит Снм Томас, что Кравченку "использовали нѣмцы", когда самих редакторов "Лэттр Франсэз" используют коммунисты.

Мы хотим точных слов! Когда Кравченко говорит об обскурантизмѣ в СССР, а Жюлио-Кюри говорит, что обскурантизма там нѣтъ, то этот послѣдній хочет сказать, что там есть образцовыя школы, но мы знаем, что есть вещи, которым в школах не учатся. Этот же Жюлио-

Кюри удивляется, что Кравченко "говорит о грязи", но кто, как не Маленков, в июнь 1941 года, говорил о грязи на заводах, на стройтельствах и призывал рабочих и инженеров к чистотѣ и порядку? Было время Жюлио-Кюри протестовал против совѣто-германскаго пакта (слѣдует питата), а сейчас он, став коммунистом, его оправдывает.

"Полковник" Маркие выступал в Эльзасѣ и увѣрял, что плѣнных французев больше в Россіи нѣтъ, но всѣ знают, что это неправда!

Противорѣчія убивают свидетельства наших противников: у Тома одно отношеніе к власовцам, у Ланга — другое.

Генерал Пети считает Кравченко дезертиром, а Пьер Кот говорит, что об этом не может быть и рѣчи. Но что такое генерал Пети? Это — благодарный чловѣкъ: с ним полчаса разговаривал сам Молотов и теперь он ему служит. Впрочем, что будет через два мѣсяца? Будут ли "Л. Ф." так же рьяно говорить о Молотовѣ, как сегодня? (Смѣх).

Нам говорили, что, благодаря процессам, в СССР не было коллаборантов. Но почему же тогда троих наших свидетелей называли "военными преступниками"? Уж, если

на то пошло, то они не “военные преступники”, а только возможные обвиняемые... Но русскому суду эти тонкости непонятны.

Это процесс — диффамационный. Мы не судим здесь правительство дружественной страны. Мы не судим здесь Кравченку, как мужа и семьянина. Горлова в свое время дала ему — пусть тот, кто не способен разлюбить женщину за ложь, бросит в него камень!

Христианский свидетель цитировал здесь невозвращенца Корякова, говоря, что этот человек осуждает Кравченку за его книгу. Мы уже читали статью этого автора о Кравченке — он считает “Я выбрал свободу” книгой правдивой и честной. И о Шайе тоже сказал нам об этом свое мнение. Что до “блага” Говорова, то неужели “Л. Ф.” не чувствуют, что это то и есть настоящий предатель? До чего можно дойти, чтобы вызвать Говорова свидетелем в таком процессе!

Перед нами прошли профессора. От проф. Брука летят шепки от одного вида свидетельницы Ольга Марченко! Профессор Баби и депутат Гренье вообще были не свидетели, а скорье — разновидности отъищивов, потому что они говорили “мы”. Тут перевирались цифры на-

селения СССР. Не будем говорить об этих цифрах, скажем только, что перепись 1937 года была уничтожена и была произведена другая. В 1939 году, потому что первая перепись была признана “не соответствующей” и часть людей, которые занимались ею, была “вычищена” безвозвратно.

И вот перед нами появились “эксперты” — Познер, Куртад, Эрман. Всё они говорили разное. Мы слушали их и недоумевали: где же обвинения, которые возвед на Кравченку пресловутый Сим Томас? Нам дали Зинаиду Горлову. Увы, не в нравах нашего французского суда слушать разведенную жену, которая свидетельствует против своего бывшего мужа.

Наконец, явились московские чиновники. Они присягали говорить “всю правду”, но на наши вопросы о чистках, о невозможности переписки с Россией, о многом другом, они отвечали, что говорить об этом не считают нужным. Это ли “вся правда”, господа Руденко и Романов, Василенко и Колыбадов?

А когда явились Цилякус, Кам и инженер Жюль Бот, то уж тут мы просто недоумеваем; они всё трое льют воду на нашу мельницу. Дайте их нам! Из их показаний мы делаем нужные для истины выводы.

НАШИ СВИДЕТЕЛИ

Но вот я представляю суду новый документ: это письмо матери Кравченки, написанное ему в Америку, в 1943 году. Она пишет об ужасах немецкой оккупации, и теперь мы знаем, как она переживала эти годы.

Наши свидетели — не дают своих мнений, но рассказывают точные факты! Этим они отличаются от свидетелей отъищивков. О, они иногда были многоречивы, русские говорят часто слишком подробно, но как же иначе?

Видь люди, которых мы вызвали сюда, страдали слишком много и слишком долго, чтобы умолчать о деталях — им хочется все рассказать французскому суду.

Это люди-мученики, и они глубоко пережили всё ужасы, о которых

нам передали в безхитростных, искренних показаниях.

Их называют коллаборантами. Но это ложь!

В декабре 1945 года была резолюция ООН, в которой было установлено, что такое “депортация” и это может называться “Ли-Ши”. И право было Ко д’Орсе, когда на советскую ноту о выдаче Басевичника, Крестина и Антонова ответило: это не наше дело, это дело администрации союзных зон в Германии. Тогда надо было обращаться несколько лет тому назад...

Им ставилось в вину бегство от красной армии. Я сам был пленным и знаю, что, когда наступали союзники, лагеря эвакуировали на восток, а когда наступали русские, лагеря эвакуировали на запад. Лав-

качи воспѣвали съѣсть ѿ поѣзд. За это нельзя их упрекать — каждый гѣдает, что может в тяжелыя минуты жизни. И когда каждаго свидѣтеля из Германіи адвокаты “Леттер Франсез” спрашивали одно и то же (гдѣ был в Германіи? почему там оказался?), то, мнѣ кажется, у послѣдних свидѣтелей было время прилумать чтонибудь, зная, что их будут об этом спрашивать, но они ничего не придумывали и говорили правду, не боясь.

Пусть Вюрмсер отправит в Москву новый список военных преступников — всѣх наших свидѣтелей! Мы не измѣним нашего мѣнія о них.

Здѣсь был Муванэ герой “Норманди - Нѣман”, и он рассказал нам о СССР в войнѣ. Почему “Л. Ф.” не пригласило сюда других героев этой эскадрильи, если она не вѣдит Муванэ? Потому, что других, думающих иначе, не нашлось.

Когда наш свидѣтель Борнэ показывал, сто упрекнули, что он был

за Петэна, а не за де Голля. Но можно ли было быть за де Голля, когда в Москвѣ сидѣл посол Петэна, а советскій посол — сидѣл у Петэна в Визни? (Движеніе в задѣ).

Мы видѣли шѣсь г-жу Лалоз. Мы видѣли Ольгу Марченко и жену Неймана. Из этих двух женщин одна была крестьянка, другая — писательница. Их однѣх было бы достаточно для того, чтобы потрясти сердца. И, однако, перело мной 2.600 страниц стенограммы. Процесс длится девятнадцатый день.

Для кого он не ясен, я не знаю.

Мнѣ говорят, Кравченко — предатель. Но вы забываете, господа, что этот человек рисковал и рискует жизнью. Он мѣняет имена и будет еще долго их мѣнять. От него потребовали явиться на процесс, и он явился. Послѣ убійства Троицкого позволено окружать себя тѣлохранителями и путешествовать под чужим именем. Опыт нас этому научил.

ЦѢНА ИСКА

Затѣм мэтр Гейцман переходит к возраженіям по пунктам: он говорит и о расстрѣлѣ на заводѣ, и о приказѣ Меркулова, и о кассационхѣлѣ Кравченки, и о документѣ, который доставлен был зашитѣ из Москвы. Он касается Ашхабада-Сталинабада, знакомства с Орджоникидзе, Харьковского института, “документа Молотова” и работы в Совнаркомѣ. На все это он отвѣчает с исчерпывающей полнотой.

— Вы упрекали Кравченку, что оп себя в книгѣ возвеличил. Нѣтъ, это вы его преуменьшили! Вы гляди на него, вы облили его грязью.

Мы просим возмѣстить нам моральный и матеріальный ущерб. Мы просим десять милліонов франков. Один символическій франк нас не удовлетворит, потому что “Л. Ф.” должны почувствовать, что такое быть наказанным.

Вы заработали на Кравченкѣ, господа, вы можете заплатить эту сумму! — восклицает иронически мэтр Гейцман. — Вы пролаете ваши романы, г. Вюрмсер, на которых книготоговопцы теперь клеят надпись: “книга противника Кравченки”, а

ваша фамилія печатается мелким шрифтом. (Смѣх).

Ваша газета, в которой вы продолжаете клеветать на Кравченку, ищет все новых и новых полписцев. Помните, у Домье: “Дайте мнѣ еще пять су и я скажу, что у вас папша!” Так вот и вы. Вы стали знаменитостями, благодаря Кравченкѣ, до этого вас никто не зная. Платите же за это! И не говорите, что Кравченко продал свою книгу лучше, благодаря процессу. — он бы все равно распродал ее.

Кюд Морган должен бы понять, что человек мѣняется, эволюционирует, что Кравченко свободен из лагеря стать политическим человеком. Морган сам не всегда был тѣм, чѣм стал теперь. В 1935 году он был еляномышленником Анри Берро, Леона Додэ, Морраса, Бразильяка...

Морган: Я не предавал роины.

Мэтр Гейцман: Мы просим возмѣстить нам 10 милліонов. Они найдут эти деньги. (Смѣх). Вѣдь, по их словам, 33 проц. французов с ними, ну, так пусть платят!

МЭТР ИЗАР НАЧИНАЕТ СВОЮ РЪЧЬ

В половинѣ шестого рѣчь мэтра Гейнмана окончена.

Мэтр Изар встает со своего мѣста.

— Шесть недель со страниц “Л. Ф.” — говорит он. — льется на нас грязь. Но мы обудем только аргументами и фактами. Я предлагаю вам на минуту вообразить, что было бы, если бы Кравченко в апрѣль 1944 года вернулся в Россію, как этого требовал ген. Руленко. Этот процесс происходил бы в Москвѣ. Вѣроятно, Романов и Колыбаев были бы вызваны свидѣтелями. И вот, на скамьѣ подсудимых, сидѣлъ бы этот самый человекъ, котораго мы здѣсь узнали, Кравченко, который был бы себя в грудь и признавался в несомненных преступленіях — по способу, который уже сейчас ни для кого не тайна. Ему пришлось бы, в лучшем случаѣ, выбрать между веревкой и ядом.

Но здѣсь, в сердцѣ Парижа, он защищает свою честь. Он — не политик. Доктрины политическія его не интересовали никогда и он не принадлежал ни к какой партіи. Он вспыльчив и чувствителен, он цѣнит человеческія взаимоотношенія. Он индивидуалист, человекъ яркій и гордый. И таким мы узнали его. Но в Россіи всё эти качества не могли бы проявиться. Вы знаете, что с ним дѣлало ЦВВД: днем он работал на заводѣ, ночью его допрашивали, пока, наконец, он едва не сломился. И тогда же, в 1937 году, он замыслил стать свободным. После страшных побоев и вопросов — подился человекъ. Он — перед вами.

Он никого не искал, никого не имѣлъ в Америкѣ, когда сдѣлал свой шаг. Но он чувствовал, что настало время для выполнения его миссіи. Он нигдѣ не пригнѣлся — Раскин, Хинной, Штейнигеры — все это были этапы. Он работал над книгой день и ночь, книга эта должна была открыть миру глаза на ужасы режима его родины.

Свидѣтель отъѣтчиков, на котораго они возлагали такія надежды, Кан, два часа говорил нам автора-

тетным тоном о связи Кравченко с нѣкимъ Лукъ Мишва, украинскимъ наци.

Нами получено письмо, я передаю суду его копію, в котором Кан обвиняется перед Мишва в том, что ложно поназывал на него и вѣрляет его, что во втором изданіи книги Кана всё мѣста о Мишва будут вычеркнуты. (Движеніе в залѣ).

Вот, чего стоил ваш американскій свидѣтель!

Наши свидѣтели были взяты нами из тѣх пяти тысяч, которые заявили о своем желаніи сдѣлать на процесс. Мы отобрали людей из Днѣпропетровска. Шесть мѣсяцев мой переводчик читал мнѣ эти письма, которыя шли на всевозможные адреса: на русскія газеты, на мой адрес, или просто — “Вашингтон, Кравченкѣ”. Эти люди прошли перед нами. Они взволновали вас. Они выражали не мнѣнія, они рассказывали факты.

Книга, о которой мы говорим, равна человекъ, ее писавшему. Он — лѣвый человекъ. Он ничего не прячет из своихъ убѣжденій. Он жил почти что в кельѣ два года, когда писал ее, он читал ее друзьям, которых видѣлъ рѣдко, но которых встрѣчал, чтобы им говорить о своей работѣ.

Мэтр Изар читает снова письмо Никольскаго (переводчика), Далина, дополненіе, присланное к письму Зензинова, дополненіе Марла Хинной.

— Нам называют Лайонсалак “редактора” книги. Какое нам дѣло, кто это? Пусть будет, хоть Лайонс! Но это уже не “экип” меньшевиковъ, о котором писал Сим Томас. Вѣдь в Соединенных Штатах не существует “политбуков” для литературы, а вот в СССР, как сообщали газеты сегодня, существуют политбуки даже для пиржков!

Мы разбираем здѣсь книгу не редактора, мы оправдываемся не в том, что у автора есть талант. Вопрос поставлен о лжи и правдѣ.

И так как г. Мооган не мог представить суду доказательства своей правоты, мы не обязаны были, по закону, представлять доказательства правоты нашей.

Но мы доставили суду манускрипт — не 60 страниц, как было написано у Сима Томаса, но 600-700 страниц.

Три тезы разрушили мы зѣсь: тезу Сима Томаса (что книгу писали меньшевики), тезу Баби (что книгу писал американец) и тезу Квутада (который сказал, что книга написана и русскими, и американцами).

Нам выставили эксперта, г. Познера. Вчера он мѣнял свои выводы,

как надлежит члену компартии, по приказу компартии, и в концѣ концов, сказал, что “не может слѣдить по-русски”!... Да, были руски главы, которыя шли из других мѣст, но не из других рук! Все это совершенно нормально, и если книга “романсирована”, то, что же это значит? Какое кому дѣло, что она романсирована?

Мэтр Изар предъезжает свою рѣчь до слѣдующаго дня. Время позднее: на часах восемь.

ДВАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

АДВОКАТ Кравченки, мэтр Жорж Изар, начавший накануне свою рѣчь, продолжал ее в теченіи пяти часов (засѣданіе продолжалось шесть часов, час был посвящен перерыву).

Эта рѣчь, как и рѣчь мэтра Гейцмана, будет полностью опубликована в книгѣ о процессѣ Кравченки, которую готовят оба адвоката. В полном смыслѣ слова — это была историческая рѣчь, как по формѣ, так и по содержанию.

Обиліе данных, благородный тон этой рѣчи, насыщенность глубоким смыслом, заостренность мыслей — все в ней было исключительным. Под сводами залы французскаго суда сна звучала страстной защитой книги Кравченки, уничтожающим приговором его врагам.

Конечно, как уже говорилось на

этом процессѣ не раз, “горбатаго могла исправит”, но тѣм не менѣе, слушателям мгновеніями казалось, что душилась стѣна между двумя мірами, и Истина, которая невидимо присутствовала в залѣ, принимала осязаемыя формы. Что то, быть может, дрогнуло — не в сознаніи гг. Моргана и Вьюмсеера и их адвокатов, но в сознаніи тѣх, единомышленников “Лэтр Франсэз”, кто без предвзятости, с полным безпристрастіем, слушал рѣчь Изара.

Он — не народный трибун в том смыслѣ, в каком это приложимо к нѣкоторым прежним и нынѣшним французским ораторам. Жесты его — скромны, голос никогда не переходит в крик. Но то, что он говорит и как он говорит, потрясает сердца и оставляет въ памяти слѣд надолго.

СИМ ТОМАС ТОЛЬКО ПРИЗРАК

Мэтр Изар начал с того, что подверг разпрому автора диффамационной статьи “Лэтр Франсэз”, Симы Томаса.

— Сима Томаса просто не существует, это — фантом, и когда американскій коммунист Кан — специалист по шпионажу и американской развѣдкѣ — говорит с нами, то он ничего не может сказать о Симѣ Томасѣ. Нам объявляют с таинственным видом, что был нѣкто Чаплин, который помогал Кравченкѣ писать его книгу. Но Чаплина всѣ знают: это бывшій редактор “Нью-Йорк Таймса” и ничего новаго о нем мы от Кана не узнаем.

Нѣтъ секрета в том, что он присутствовал на интервью, данном Кравченкой в апрѣлѣ 1944 года в Нью-Йоркѣ. Кан нам и здѣсь ничего не открыл. Он назвал Дон Левина — и это было нам извѣстно. Дон

Левин, вмѣстѣ с Кравченкой, написал три статьи. Что же из этого?

Нас увѣряли, что американское НКВД схватило бы Томаса, если бы он показывал на этом процессѣ. Он не смог бы вернуться. Какая чепуха! Не только вся его статья есть ложь, но и автора то такого нѣтъ. И потому проверить эту статью не представляется возможным, и все дѣло о диффамации приобретает совершенно другой, чѣм обычно, вид.

В 1944 году коммунисты говорили в Америкѣ, что Кравченко — агент наци. Теперь, как и в 1944 году, нас увѣряют, что он — агент Америки. Времена и настроенія измѣнились, придумана новая версия. Но пѣль одна: дискредитировать челоуѣка и объявить, что книга его — ложь.

Мы притащили на этот суд желѣзный занавѣс. Он был здѣсь! И

ответчики, сидя перед ним, молчали, замалчивая то, о чем мы говорили миру.

Морган и Влоржсер молчали о чистках; Василенко молчал об уничтоженной большевицкой головке; Руденко молчал обо всем рвительно, а между тем не мы, но ваш же адвокат спросил его о левой и правой оппозиции. Руденко отнесся к Блюмелю, как СССР относится к Французской компартии.

Советские свидетели узнали, что они приглашены на суд через несколько месяцев после того, как Морган узнал, что они придут. Лучшее было Моргану прямо переселиться в советское посольство в Париж!

Из этих свидетелей никто ничего не сказал об СССР.

Английский священнослужитель говорил о том, что видел колхоз ме-

жду двумя банкетами. Но мы здесь присутствовали не для того, чтобы рассуждать о битой посуде г-жи Гердовой. Мы здесь находимся для решения важных вопросов: я не хочу ни преуменьшать важность этих дебатов, ни переносить их на политическую почву. Будем же говорить о Лиффамапи.

Может быть, вы захотите принять формулу какого-нибудь профессора Ветасэма? Он в своих работах говорит прямо, что коммунизм — это насилие, это террор, это полиция, и привел один соседний. Он коммунист и считает, что иначе нельзя.

Может быть, вы можете повбрить книгу Кравченко и остаться коммунистами? Но нет, вы объявили, что все, им написанное — ложь. А я докажу вам, что он пережил и видел все то, о чем писал. И это единственное, что важно.

О КУЛАКАХ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

— Сталин в 1930 году сказал (вы можете об этом прочесть в "Вопросах ленинизма"), что не надо насильственной коллективизации.

Осталось ли это распоряжение только на бумаге, или было превратно понято? Но мы знаем теперь, что были ошибки, и были ужасы, и ошибки были ужасами, и одно невозможно было отличить от другого*).

Ольга Марченко пережила ужасы. — Это были ошибки! — сказал Сталин.

Но пришел Кравченко и описал нам эти ужасы, которые на вашем языке называются ошибками. За

*) Erreurs et horreurs.

неуплату налогов в СССР крестьяне высылаются в Сибирь. В тридцатых годах с ними поступали так же, как поступали немцы с евреями.

Мэтр Изар читает письменные показания раскулаченных, возвращается к показаниям Жебита, Кривсуна и других. Он цитирует книгу Литоля Петча, которую считает правдивой и честной, и в которой английский дьявол позыгает коллективизацию — второй революцией.

Месяцами из тысячи деревень шла днем и ночью поезда в Сибирь — говорит мэтр Изар, — с сотнями тысяч семейств. Это было раскулачивание людей, ч которых было три десятины пахотной земли! И об этом писал Кравченко.

ЧИСТКИ

— Предположим, что коммунисты любят громкую исповедь и стараемся понять эту систему публичного показания партийцев.

Я беру книгу, изданную по-французски в Москве и продающуюся, как всё такая книги в Париже, очень дешево. В ней рассказывается о терроре 1930—39 гг. Эта книга — история СССР. Террор, ко-

торого Гренье не увидял, и о котором инженер Жюль Кот говорил с такой легкостью, по официальным цифрам, носит совершенно исключительный характер: в 1934 году состоялся 17-й съезд партии, а в 1939 г. — 18-й. На первом присутствовало 22,6 проц. старых большевиков, на втором — 2,4 проц.

Позвольте процитировать циф-

ды "Правды" о составѣ ЦК коммунистической партіи (хотя Сталин в 1934 г. и сказал: в нас нѣтъ ни фракцій, ни оппозицій, ни групп): в 1934 году был 71 старый большевик в партіи, а в 1939 — 15. За это время зарегистрированы были 4 смерти, 3 исключения; что касается 49-ти других, то они исчезли. О них ничего никогда не узнал.

Я перечислю только главные процессы с 1928 года:

В 1930 году была "промпартия",

в 1931 — процесс меньшевиков,

в 1933 — процесс 18 инженеров,

в 1936 — процесс Зиновьева, Каменева и друг..

в 1936 опять же — процесс в Новосибирскѣ.

в 1937 — процесс Радека.

За ним — процесс Тухачевского, когда исчезло 384 генерала, 54 процента общаго состава. В том же году — процесс тифлиских грузин и еще один — процесс судей Тухачевского. Послѣ него — процесс судей Тухачевского и наконец, в 1938 году — процесс Бухарина и Рыкова.

И это я называю только тѣ процессы, на которых люди сознались. Большинство этих людей — дѣлало режим и было сдѣлано режимом. И о них писал Кравченко.

НКВД

— По вопросу об НКВД были большія противорѣчія: Морган сказал, что НКВД никакого нѣтъ, Цилякус объявил, что НКВД не Россіей выдуман. Наши свидѣтели рассказали вам о всеобщей слѣдств. добровольной и профессиональной.

В 1937 году сам Калинин говорил о добродѣтелях доношительства (шптата). Знаете ли вы, что такое 58-ая статья? Это статья о контрреволюціи не только на слѣд., но и в мыслях.

Мэтр Изар рассказывает суду пространно о том, что такое суд в Россіи, и почему совѣтскій режим

есть полицейскій режим. Он говорит о "тройкѣ", об ОСО; он показывает суду подлинныя документы — протоколы обысков и арестов; говорит о том, что НКВД само ведет слѣдствіе. Он поясняет фразамъ весь механизмъ полицейской системы СССР.

Предсѣдатель Дюргејим слушает его очень внимательно, как и судьи. Прокурор не спускает с него глаз.

— Вот как в Россіи! — восклицает мэтр Изар. — А г. Морган говорит, что это государство — как всѣ другія.

ЛАГЕРИ

С первых же слов о лагерях мэтр Изар упоминает о рѣшеніи ООН обратитъ вниманіе на изученіе принудительнаго труда в СССР. Но он снова повторяет, что не судит режим, а лишь доказывает, что Кравченко в своей книгѣ писал правду. Он приводит цифры населенія в Россіи, говорит, что сосланные считаются в переписи, что официально Украина во время голода потеряла 4.000.000 жителей. Он рассказывает о размѣрах лагерей и показывает суду бумажныя деньги, которые

хоятъ внутри лагеря и выпускаются лагернымъ начальствомъ.

— Это фараоны и рабы! — восклицает он. — и всю эту документацию я передаю суду, с показаніемъ Пастѣчника, Антонова, Жебитъ и г-жи Нейман.

В этой странѣ возможна вылача націонал-соціалистивъ (со всѣми документами, уловящими ихъ личность) такихъ людей, как коммуниста Нейман и венгерскій еврей Блох. И в этой странѣ Кравченко не хотѣл и не могъ больше жить!

О ДЕЗЕРТИРСТВѢ

Доказав, что Кравченко в Америкѣ не былъ военнообязаннымъ и, слѣдовательно, никогда не былъ дезер-

тиромъ, мэтр Изар напоминает, какъ именно Кравченко бѣжалъ изъ заочной комиссіи.

“Летт Франсэз” обвиняют его в изменѣ, не только за книгу, но и за интервью, данное в 1944 г. Это интервью, писала газета, есть интервью “Геббельса, Дарлана, Лавалля и Кравченки”. Но и “Паризер Цейтунг” и “Фелькиш. Beobachter” цитировали Черчилля и де Голля, стремясь разъединить союзников, и факт цитирования этими газетами Кравченки, по мнѣнію Изара, не означает ничего. Он напоминает, что Кравченко отказался сказать “Нью Йорк Таймсу” что либо о военно-экономическом положеніи СССР и никогда не говорил о сепаратном мирѣ с Германіей, а, наоборот, желал продолженія войны и побѣды над Гитлерами.

Он говорил и против СССР, но как он говорил, и что он ставил в вину своей родинѣ? Во-первых — он говорил о Коминтернѣ, о возрожденіи

деніи его, — и в этом он оказался пророком. Во-вторых, он говорил о Польшѣ, которую СССР заберет послѣ войны и сдѣлает своим сателлитом. В третьих — о все растущем империализмѣ СССР — и это тоже оказалось правдой. В четвертых — о том, что СССР будет готовиться к третьей войнѣ, о попытках его укрѣдиться в Италіи и Австріи, и в пятых — он говорил об освобожденіи народов Россіи.

Он говорил об идиллическости близкаго мира и уважал общія дѣла союзников. Ему говорят: “вы должны были подождать!” Но ждать он не мог: он ждал и так 7 мѣсяцев, когда был в Америкѣ; в апрѣлѣ 1944 года он понимал, что война выиграна, и он спасал мир. И Францпн в то время было полезно услать его предупрежденія о хрупкости этого наступающаго мира...

ЧТО ТАКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО?

— Мы видѣли здѣсь, — продолжает мэтр Изар, — все тот же “экип”, тѣсную группу; отвѣтчики, адвокаты, свидетели. Почему не пришли свидетельствовать за вас ваши безпартийные сотрудники из “Л. Ф.”? Они бросили вас! Вы оказались одни! А было время, интересы компарти и Франціи совпадали, — это было во время резистанса, и даже пѣли СССР в то время совпадали с пѣльями французозов. Но теперь все измѣнилось. Ваши пѣли — не пѣли Франціи. И вы не можете говорить от имени всей страны.

Вспомнив Ленина и его отношеніе к войнѣ 1914 года, вспомнив Ромэна Роллана в ту же эпоху, мэтр Изар переходит к измѣнѣ Тореза..

которая для него есть примѣр непревзойденнаго предательства.

— Пьер Кот сказал, что предательство это, когда человек бросает службу во время войны, остается в чужой странѣ и дѣлает соотвѣстственную декларацию. Он угадал, что говорит это о Кравченкѣ! Но Кравченко бросил штатскую службу, остался в союзной странѣ и сдѣлал декларацию, в которой заявил, что желает помочь Америкѣ продолжать войну. Торез же бросил военную службу, бѣжал в страну, которая была в союзѣ с нашим врагом и помогала ей, и в своей декларациі (декабрь 1939 и март 1940 гг.) требовал мира с Гитлером во что бы то ни стало. Кто же из них предатель?

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

— Что же это за страна, которая жрежних палачей Бухенвальда и Равенсбрука назначает на высокіе полицейскіе посты в Восточную Пруссію? — спрашивает мэтр Изар, цитируя французскую газету, орган комбатантов. — Что это за страна, в которой, когда ее атакуешь, а то и просто крѣпиться, ты уже преступ-

ник? Что это за люди, ея слуги, которые кидаются словом “предатель” во все стороны (читает): “Шуман, Мак. Мейер — предатели”. (Не адтисемьты ли вы? Это звучит, право, нѣсколько странно!). “Леон Блюм — предатель!”... Блюмель! Валл бывшій друг назван вашими нынѣшними друзьями — предате-

зем. Что вы скажете на это? (Блюмель молча разводит руками). Коммунист Куртац грозит социалистам, что народ когда нибудь "расправится с ними, как с Петровым".... Или еще вот, в "Литературной Газетѣ" в Москвѣ, о председателѣ Дюргеймѣ сказано, что он — ханжа. У меня десятки газет и журналов, и всюду — одно: "предатель, предатель, измѣна, доллары, подкуп"... И о Полѣ Низанѣ вы сказали, что он "предатель", потому что этот честный коммунист не захотѣл принять германо-совѣтскаго пакта!

Кравченко своей книжкой нам показал, что это за методы, и откуда они идут. Эти методы теперь мы видим в коммунистической партіи Франціи. О, как много хотѣли вы

сказать на этом процессѣ, но вы только противорѣчили себѣ и не сказали ничего. Пресса ваша была лень ото дня гдѣбѣ.

Я прошу суд: не давайте им выйти сухими из воды! Накажите их по всей строгости наших законов, которыми мы дорожим, потому, что в них залог нашей свободы. Они тоже пользуются этой свободой, но еще немного, и у нас установится диктатура диффамаци.

Я прошу, я требую самого строгого наказанія. Они пачкали человека, они пачкали его дѣло.

Он указал нам на страшную дѣйствительность, в которой живет его долина.

И если он выбрал свободу, то и свобода выбрала его, чтобы он защитил ея правое дѣло!

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

В ПОНЕДЕЛЬНИК, 14 марта, в 3 часа дня, начались рѣчи адвокатов отвѣтчиков. Их четверо: мэтры Брюгье, Матарассо, Блюмель и Нордманн. Каждый взял себѣ особую тему.

Молодой член компартии, Брюгье, который собирается выставить свою кандидатуру на будущих кантональных выборах, изложил жизнь и дѣятельность Кравченки в цѣлом; Матарассо похвятил себя изученіем рукописи; Блюмель предупредил, что будет говорить об измѣнѣ, как тановой, и Нордманн — для котораго приготовлен весь день среды (шесть часов) — будет громить Кравченку за клевету и разоблачать ложь его книг.

Пока что говорил один лишь Брюгье.

Когда он кончил (при полупустом залѣ) свою унылую, монотонную и совершенно безсодержательную рѣчь, выяснилось, что на скамьи адвокатов “Латтр Франсез” — всего один Блюмель. Нордманн — болен, а Матарассо, бывшій в началѣ засѣданія, исчез.

На вопрос председателя, нельзя ли вызвать спѣшно Матарассо, который, по расписанію, должен выступить, Блюмель заявил, что это невозможно.

Поэтому засѣданіе, начавшееся позже обычного, окончилось ранѣе обычного, — в шесть часов.

Надо сказать правду: многие спали или дремали, и жандармы, которых вмѣсто десяти обычных, было всего два, хохлили и будили публично, так как для благолѣпія суда спать в залѣ запрещается. Мѣста для публики были на двѣ трети пусты и войти мог всякій с улицы — настолько слаб был в этот день контроль. Этому способствовало,

конечно, и то обстоятельство, что сам Кравченко отсутствовал: не понимая французскаго языка, он не считал нужным слушать усыпительную рѣчь Брюгье, из которой бы все равно ничего не понял.

Потѣ тѣм не менѣе, струился градом с лица молодого адвоката, у котораго, кромѣ всѣх прочих недостатков еще и маленький недостаток рѣчи — он слегка шепелявит.

Слушая его, мэтр Изар полавлял зѣвоту, а мэтр Гейпман читал под столом каждую то книгу.

— Мы семеро сошлись не случайно, — сказал Брюгье, не обладающій чувством юмора, — двое отвѣтчиков, четверо адвокатов и переводчик — это люди, которые, естественно, нашли друг друга. Мы всѣ — товарищи по резистансу и изълаем дѣло резистанса и будем его дѣлать, несмотря ни на что.

Затѣм он перешел к “Коммунистическому Манифесту” Карла Маркса. Говорил об одной шестой части свѣта, которая осуществила режим свободы, и о ея злыхъ врагах, жаждущих крови невинных.

— Маркс с 1848 года был уже пугалом для этих людей, — сказал Брюгье, послѣ чего прямо перешел к закупочной комиссії в Вашингтонѣ, гдѣ Кравченко занимал “ничтожнѣйшее мѣсто” какаго то приемышка труба.

— Он не был никогда крупной личностью, — сказал адвокат “Л. Ф.”, и пространно доказывал это, опираясь на показанія Колыбацова и Василенки. — Он никогда не был министром.

С таким же успѣхом он мог доказать, что Кравченко никогда не был ни архіереем, ни адмиралом.

Никто не прерывал адвоката, и лишь председатель Дюрегейм один

даз выразил мнѣніе, что Кравченко все-таки был "старшим инженером" треста.

— Новый Мессія роился не просто. — продолжал Брюгге. — по в шумѣ первой русской революціи 1905 года. Он сказал нам, что отец его был революционер, что был арестован при царском режимѣ, но он никогда не уточнил, в каком именно концентраціонном лагерѣ он сидѣл в царской Россіи!

Послѣ этого, Брюгге слѣлал свой первый рейд по русской литературѣ: он сравнил дѣтство Кравченки с "Дѣтством" Горького и нашел, что оба дѣтства чрезвычайно похожи. И тут и там были глян, и тут и там ребенок бредил героизмом.... Подчеркнув, что Кравченко никогда не был в комсомолѣ, Брюгге перешел к другим спорным мѣстам книги: к построителю завода в Кемерово, к документу Молотова и пр.

Оставив совершенно в сторонѣ свидѣтелей-французов, он основывал свою рѣчь исключительно на свидѣтельствах Романова, Кольбадова, Василенки и генерала Руденки.

— Не танки и пушки дѣлались на заводѣ, которым управлал Кравченко, — сказал, между прочим, Брюгге, — но кальсоны и сапоги, потому что это был не трест тяжелой промышленности, а маленькая группа фабрик ширпотреба.

Морган слушал своего адвоката довольно равнодушно, но Вюрмсер дѣлал умилненное лицо. Половина французской прессы отсутствовала, в том числѣ и — крайняя дѣвая.

Переходя к "расстратам" Кравченки, Брюгге называл его и вором, и трусом, и жорыстолюбцем, и уголовным преступником, и "окопающимся". Он призывал суд с особым вниманіем отнестись и к показаниям "мосея" Кольбадова, и к документу, который он отгласил

впервые в своей рѣчи: это была бумага, сфабрикованная в Москвѣ в июлѣ 1944 года, т. е., послѣ того, как Кравченко уже на всю Америку был извѣстен как человек, "выбравшій свободу" — в которой совѣтская власть доказывала, что он трастратчик, поддежащій совѣтскому суду.

Послѣ этого, Брюгге слѣлал второй рейд по русской литературѣ: он сказал, что Кравченко, это — Хлестаков. Пространно и скучно рассказав он суду о Гоголѣ, о "Ревизорѣ", о 35.000 курьеров и даже о "Юриі Мило-славском", но улыбки ни у кого не вызвал.

Послѣ явного желанія "насмѣшить" суд, он рѣшил попробовать его растрогать: послѣдовал рассказ о "бѣдной матери" Кравченки, которую он бросил на произвол судьбы и которая томится в разлучіи с ним....

— Смотрите на него, — сказал Брюгге (хотя смотрѣть было не на кого, так как Кравченко на засѣданіи отсутствовал), — он совершенно один! Он одинок во всем мірѣ, никого нѣт рядом с ним! Несмотря на антисовѣтскую клику, которая ему сочувствует, он не имѣет никого... Против него — генерал Руденко и другіе свидѣтели, и весь СССР, который поражает нас силой, молодостью, здоровьем и искренностью! Там не формальная свобода, которую, якобы, выбрал Кравченко, там реальная свобода!

Затѣм, слѣлал небольшую паузу и слегка возвысив голос, Брюгге прочувствованно прочел длинную цитату из Сталина.

Публика, слегка залпумѣв, выслушала, однако, все до конца.

Предсѣлатель в ее сторону слѣлал успокоительный жест рукой, и Брюгге закончил поток своего краснорѣчія к общему удовольствію.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ДЕНЬ

АДВОКАТ "Лэтто Франсэ", мэтр Матарассо, специализировался на рукописи книги "Я выбрал свободу", а также на русских эмигрантских группировках в Америке. Вся первая часть его речи была посвящена антисовётской деятельности в Нью-Йорк журналистов

и политиков, которые группировались и группируются вокруг журналов "Социалистической Вестник" и "За свободу". Во второй части адвокат разбирал рукопись книги Кравченки. Зал был далеко неполон. Сам Кравченко отсутствовал.

ЗВЁЗДЫ ПЕРВОЙ ВЕЛИЧИНЫ

Период жизни Кравченки, между апрелем 1944 года и временем выхода в Америке его книги, в 1946 году, особенно интересовал Матарассо. Он так же, как и Брюгге, говоривший накануне, называл Кравченку "новым Мессией" и "профетом".

— Люди в Америке только и ждали Кравченку. — сказал адвокат. — и сейчас же, как только нашли, лансировали его. Эти люди разделяются на две группы: первая, это бывшие эс-эды и эс-деки 1917 года, которых для простоты называют теперь меньшевиками. Разница между двумя партиями почти стерлась. Вторая группа — это американские журналисты, отчасти русского происхождения, посвятившие себя анти-совётской пропаганде.

В первую группу входят звёзды первой величины: Зензинов, Николаевский, Далин, Керенский. Во вторую — Чаплин, Лайонс, Дон Левин и Маламут. Эти последние — опора американской реакции, они враги Франции и союзники Германии.

Во время войны 150-ти тысячная русская эмиграция в Америке все была настроена антирусски. Она была настроена патристически к Советскому Союзу. Только маленькая группа эмигрантов, во главе с вышеупомянутыми звёздами первой величины, считала, что Сталин — не лучше Гитлера и не желал победы красной армии. Т.е. что забыли на

время своей антибольшевизм, организовались под председательством мн. Кудашева, в комитет, который помогал, чем мог, советскому народу. Группа же меньшевиков делала дело Геббельса и его пропаганды.

Даже бывшая партия Милюкова примкнула к комитету Кудашева, даже меньшевик Дан стоял на про-советской платформе.

Но "звёзды первой величины" остались на своих позициях: они думали что могли, чтобы свести разрыв между союзниками. Они считали победу красной армии — победой Сталина.

Куда дальше идти: в 1941 году Зензинов писал, что при паре было лучше, чем при большевиках! Николаевский проник в американскую печать Херста. В "Нью-Йорк Таймсе" в 1941 году, было напечатано его интервью, на которое "Нью Липер" прямо ответил, что это "геббельсовская пропаганда". Зензинов, Николаевский и Далин говорили американскую реакционную печать использовать Кравченку. Далин даже писал, что "последний выстрел этой войны должен быть сделан уже не в Гемпа, но в большевика".

Мэтр Матарассо, назвав трех русских журналистов-социалистов "мизераблями", переходит к их биографии:

— Зензинов — в свое время ре-

дактор "Ля Русси Опримэ", бывший лейтенант Керенского, вместе с Дон-Левиним написал книгу "Дорога забвения". Во время Финской войны он побывал у врагов своей страны, его принимали в генеральном штабе и допустили на фронт. Он издал свою знаменитую книгу "Встрѣча с Россіей". Николаевскій был в прошлом году в Германіи. Он

имѣл возможность посѣтить лагеря Ли-Ши, видѣлся с власовцами и опрашивал их. Он реабилитировал Власова и власовцев, не тѣх, что видѣл наш свидѣтель Тома, в лагерѣ Матаузен, но именно тѣх, которых Кравченко вызвал свидѣтелями по своему дѣлу, т. е. военных преступников. Далин тоже был в Германіи и реабилитировал германофилов.

«КАНИФЕРШТАН» ДОН-ЛЕВИН

— Кто такой Дон-Левин? Он — со-автор Зензинова, со-автор статей Кравченки, со-автор генерала Кривицкаго (который с ним не подѣлял денег и покончил с собой), со-автор Валтина, известнаго автора книги "Без родины и границ". Контракт между Дон-Левиним и Кравченко по поводу книги "Я выбрал свободу" должен был найтись в архивах из-ва Скрибнера, он, вѣроятно, тоже снесен с контрактом, заключенным между Дон-Левиним и Валтиным... Теперь он написал свой послѣдній шедевр: мемуары Косыенкиной. Добавить к этому нам нечего.

Что касается Лайонса, то он редактор "Америкен Меркюри". Для него всегда Гитлер и Сталин стояли на одной доскѣ. Радіо напи передавало статьи Лайонса в Берлинѣ и Римѣ. "Старс энд Страйкс" рассказало нам, что он был на службѣ у генеральных штабов Германіи и Италіи, о чем было говорено даже в Конгрессѣ.

(Матарассо вынимает из папки газетную вырѣзку).

— 4 апрѣля 1944 года Кравченко дал свое первое интервью. Он использовал для этого все темы, любезныя сердцу Зензинова, Далина и Николаевского.

Мэтр Изар: Вы цитируете американскую газету коммунистическаго направленія?

Матарассо: Почему вы улыбаетесь?

Мэтр Изар: Не спрашивайте, почему я улыбаюсь, и я не буду вас прерывать.

Матарассо: Уже в июль Кравченко пишет свою "біографію", под названіем: "Как я порвал с Россіей Сталина", и эта біографія подписана им и Дон-Левиним. Из этой біо-

графіи вышла потом вся его книга.

Мэтр Изар: Почему вы не пригласили сюда Дон-Левина?

Матарассо: Нам известно, что Кравченко гостил у Дон-Левина, не то около Нью-Йорка, не то в восточной части Соед. Штатов.

Мэтр Изар: Нью-Йорк и есть в восточной части Соединенных Штатов. (Смѣх).

Матарассо: Около дачи Дон-Левина находится дача Керенскаго. Это — в Коннектикутѣ. Таким образом, устанавливается связь всех со всеми.

Зензинов, Далин и Николаевскій, кстати, даже выдали аттестацію Кравченкѣ, которая нам была прочтена. Он нам сказал, что это были единственные люди, которых он видѣл, когда писал свою книгу. Эти люди — профессионалы антисовѣтской пропаганды. Они были все разоблачены во время войны, как агенты Геббельса и Гитлера. Еще был Маламут, но это — калибром поменьше.

Все это и есть процесс, а не рѣчи о Торэзѣ, которыми вы занимались здѣсь. Каждый раз, как мы задавали вопросы Кравченкѣ, он не отвѣчал. Справьтесь со стенограммой 28 февраля. Это был "день молчанія". На своей пресс-конференціи Кравченко обѣщал доставить сразу важные документы. Он ничего не доставил, а принес свою рукопись, когда прошли все сроки.

Матарассо читает выдержки американской коммунистической прессы, гдѣ были сомнѣнія, что книга Кравченки написана им самим, а также тѣ выдержки, гдѣ были указанія на Лайонса, как автора книги. Он сообщает сразу, что клуб "Книга мѣсяца" не дал премии

Кравченкѣ, так как считал, что он писал "Я выбрал свободу" не один.

Затѣм Матарассо переходит к комментированію рукописи Кравченки.

Предсѣдатель напоминает, что время идет и что скоро перерыв.

Матарассо говорит еще с полчасика и засѣданіе прерывается.

«АМЕРИКАНСКІЙ МЕТОД»

Послѣ перерыва, Матарассо продолжает разбор рукописи. Опять: Апшбад-Сталинабад, опять — Орджоникидзе. Он цитирует Познера, находит ошибку в датѣ смерти Ягоды, находит выкинутый эпизод: отец и мать Кравченки пострадали от бѣлой арміи.

Выговор его слѣдующій: рукопись не сфабрикована для процесса, но такая, какая она есть, она доказывает способ работы Кравченки, путь, по которому он шел — от перваго варианта до печатнаго текста, — и с несомнѣнностью можно утверждать, что ему создавать ее полагали.

Матарассо утверждает, что у профессора Санье, эксперта трибунала, были какіе то листы, которые не принадлежат рукописи.

Предсѣдатель: Откуда же эти листы?

Матарассо: Это варианты: есть на ту же тему другіе листы в рукописи.

НАЧАЛО РѢЧИ БЛОМЕЛЯ

Блюмель — самый старый из всѣх шести адвокатов. Это — оратор старой школы. Он шепчет, он кричит, он машет снятыми очками, вздѣвает руки к небу и выходит то и дѣло на середину подіума. Рѣчь его полна пята: он цитирует Шранделло, Монтескье, Черчилля, Робеспьера, Сталина и еще два десятка знаменитых людей. Он задает сам себѣ вопросы и сам же па них отвѣчает. В первые дни он никак не мог произнести имени Кравченки, теперь он его запомнил. Но Россия — ни прежней, ни нынѣшней — он не знает ничего.

Набор общих мѣст, выспренних фраз, ложной учености, ничего не значащаго глубокомыслия... Пусть оба, до сих пор выступавшіе, молодые адвокаты, люди не талантливые,

Мэтр Изар: Я хочу замѣтить, что вами получены е^{сть} новые листы, которые возвратил Санье. Он считает, что они были написаны болѣе полтора лѣт тому назад.

Матарассо: Есть страницы совершенно чистыя и есть с поправками, есть нѣсколько версій одного и того же случая. Это — фабрикація американской системы.

Газета "Леттр Франсвэ" — французская, это газета — для французов. Нам чужды такіе методы. В Америкѣ есть специалисты, которые пишут книги за других, они рекламируются в газетах. Объявленія кончатся иногда так: мы пишем — вы подписываете!

Если вы вынесете великит в пользу Кравченки, — мы знаем его! — он будет продолжать дѣлать то же самое. Его слѣдали символом свободы. Он просто скучал на пріемкѣ труб, в то время, как партизаны и красная армія сражались за свое отечество.

но они — безкорыстно или корыстно — изучили вопрос и стараются не ударить в грязь лицом перед своей аудиторіей и печатью. Блюмель же безответственен, легкомыслен и многорѣчив.

Признавшись в полном уваженіи и симпатіи к Моргану, Блюмель, удивляясь рекламѣ, которая была устроена процессу, сразу переходит к оцѣнкѣ совѣтскаго режима.

— Режим этот — жестокой, — говорит он, — и каково было перевоспитаніе! Сталин — это в одном лицѣ Ришелье, Кромвель и Кавур. Нам 30 лѣт рассказывают ужасы про этот режим, а мы все не вѣрим! Там — ни голода, ни безработицы, ни личных интересов. А что то чистое, то чистки любил дѣлать и Ришелье, о чем можно прочесть в его завѣ-

шаніи. (Большинство французских историков считает завѣщаніе это апокрифом. Н. В.).

Далѣе он около часу цитирует показанія, как он говорит, не-коммунистов-Французов, о благосостояніи современной Россіи. Затѣм переходит к показаніям нѣмецких генералов о подготовленности Россіи к войнѣ.

— Побѣдил режим, а не народ.

— говорит он. — Была армія, созданная режимом, было вооруженіе, которое дал режим. С этой страной всё хотѣли быть в мирѣ. Барту хотѣл. Гамлен хотѣл. Удивительно ли, что хотѣли германо-совѣтскаго пакта и нѣмцы?

Рябы в залѣ рѣдѣют. Становится поздно. Предсѣдатель предлагает Блюмелю окончить свою рѣчь на слѣдующій день.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ДЕНЬ

ЗАСЪДАНІЕ в среду, 16 марта, началось в 1 ч. 45 мин. Мэтр Блюмель, третій адвокат "Л. Ф.", продолжает свою рѣчь, начатую наканунѣ.

Он опять возвращается к советско-германскому пакту, старается его оправдать с точки зрѣнія СССР (что не трудно) и с точки зрѣнія Франціи (что значительно труднѣй). Он цитирует рѣчь Сталина от 3 июля 1941 г., в которой тот сказал: "Мы спасли нашу страну от войны на цѣлыхъ полтора года!"

— Кравченко шлал, — восклицает Блюмель, — и Вюрмсер написал об этом. Всякую ложь необходимо разоблачать. Вюрмсер писал, что Кравченко — враг нашей страны. И я докажу это, как доказал уже, что он лжец.

Мэтр Изар протестует.

— Он — лжец, — повторяет Блюмель, — я вас не боюсь! И он дезертир, потому что господин генерал Руденко нам сказал, что он мог быть призван на фронт в любую минуту. Кроме того, по советским законам, каждый, кто бросит свою работу — дезертир.

Мэтр Изар протестует.

Блюмель: Не будем дѣлать здѣсь политическаго собранія, мы можем встрѣтиться с вами в другом мѣстѣ для этого. Я повторяю: Кравченко дезертир.

Затѣм адвокат "Л. Ф." переходит к случаю с Торезом. Он считает необоснованным обвиненіе его в предательствѣ. Министр Бонне лѣтом 1939 г. общался германскому послу "обезвредить" французскую коммунистическую партію. Это и было слѣдано в сентябрѣ 1939 года. Торезу необходимо было скрыться. Если бы он этого не слѣдал, он был бы разстрѣлян правительством Виши. Между тѣм, послѣ ухода нѣмецев, он слѣдался министром, сидѣл

рядом с де Голлем, Венсен Ориодем и называл их: "мой шер ами!"

Блюмель ставит в упрек Кравченкѣ, что он семь мѣсяцев сидѣл в Америкѣ, а не сразу "выбрал свободу".

Предсѣдатель: Он должен был хоть немного научиться языку! (Смѣх).

Блюмель: Можно себя легко пообразить, как обрадовались меньшевики, когда он появился на их горизонтѣ! Я сам был меньшевиком...

Мэтр Изар: Но с тѣх пор вы перекрасились...

Блюмель рассказывает случу о большевиках и меньшевиках, о расколѣ РСДП в 1903 году, о Данѣ, Мартовѣ и Троцком.

— Я их всѣх отлично знал! — восклицает он. — Николаевскій — это просто одержимый! Они всѣ полусумасшедшіе, до того их довел их антибольшевизм. Во всем мірѣ только Франко и меньшевики не признали советскую власть. Николаевскій в 1945 году сказал мнѣ, что генерал де Голль — большевик. Но их группа не вся думает одинаково: Дан, нынѣ умершій, был с ними несогласен.

Советское посольство в Вашингтонѣ пригласило к себѣ "нотаблей" эмиграціи, когда Германія была разбита. Всѣ пошли и пили за СССР, как было и в Парижѣ, болга в советское посольство отправились эмигранты, во главѣ с самим бывшим русским послом, и пили за здоровье красной арміи и Сталина. Им всѣм позволено было вернуться на родину. Но меньшевиковъ вашингтонское посольство не пригласило. Дан был очень этим огорчен.

Блюмель цитирует статью Дана о Кравченкѣ, гдѣ Дан называет его "новым ренегатом", а затѣм переходит к цитатам из американской (не-коммунистической) прессы, та-

же неслетным для Кравченки.

От одной питаты к другой, от Вольтера к сыну Рувельта, он, наконец, доходит до парижской газеты "Монд", гдѣ знаток Россіи и, в концѣ 20-х годов, редактор В. М. Зензинова по газетѣ "Ля Русси Оприма", Андрэ Пьер, 25 іюля 1947 г., разбирая книгу Кравченки, осудил его, как "предателя своей родины".

Разказав суду о показаніях Кравченки в комиссіи по разслѣдованію антиамериканских дѣйствій и обвиняв его в разоблаченіи государственных тайн СССР, Блюмель удивляется, что преслѣдуются "Леттр Франсэз", а не "Монд" за статью Андрэ Пьера.

— Это было заданіе! Это был план! — повторяет Блюмель. — Вот смысл этого процесса!

Затѣм он переходит к соговѣщанію в Тегеранѣ, на котором Черчилль говорил о высадкѣ в Средиземном

морѣ. Сталин же настаивал на высадкѣ во Франціи. Таким образом, говорит Блюмель, он хотѣл как можно быстрее освободить Французов.

Блюмель читает рѣчь де Голля о Россіи, голос его дрожит, и он почти кричит:

— Эти двѣ страны предназначены друг другу!

Еще двѣ-три питаты, и, наконец, Блюмель доходит до Мицкевича:

— Мицкевич сказал: "дай нам, Боже, священную войну для освобожденія Польши!" И Кравченко говорит о войнѣ. Он хочет ее. Он молит о ней. Он хочет свободы для своей родины, но свобода не прихотит на копцах винтовок и с атомными бомбами. Мир еще возможен!

Так, нѣсколько смутно, дойдя голосом до зловѣщаго шопота, окончил Блюмель свою рѣчь.

В повѣдѣльник — рѣчь мэтра Нордманна.

Русскіе «Ди-Пи» в Германіи читают «Русскую Мысль» с репортажем о процессѣ Кравченки.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ

ПОНЕДЕЛЬНИК, 21 марта, был цѣликом посвящен рѣчи адвоката "Лэттр Франсэз", мэтра Нордманна.

Из всѣх адвокатов отвѣтчиков, он был наименѣе ярок, сочетая в себѣ одномъ недостатки трехъ своихъ коллег, говорившихъ до него.

Между тѣм, по внѣшности и природнымъ данымъ, он, конечно, превосходитъ в тусклаго Брюгье, и мало талантливаго Матарассо, и легкомысленнаго Блюмелл. Но на его

красивомъ лицѣ рѣз на всегда застыла улыбка, безъ которой онъ вообще во всѣ дни процесса ни разу не появлялся в залѣ.

Видимо эта улыбка должна была дать сардоническій тонъ всей его рѣчи. Эту рѣчь он построил на ироніи: с ней говорилъ он и о пытках, и о казнях, и о голодѣ, и о лагерях, и о чистках... Не удивительно, что такой подход совершенно не удался ему и произвелъ тягостное впечатлѣніе.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ РѢЧИ НОРДМАННА

Он повторилъ вначалѣ все то, что было говорено до него: рукопись Кравченки не есть книга Кравченки, американцы подблали, переждали, отблали ея.

Опираясь на показанія полковника Маркіе, Нордманн говоритъ о томъ, что Россія была подготовлена къ войнѣ, и что утвержденія Кравченки о скверныхъ противогазовыхъ маскахъ и о плохой амуніціи — только антирусская пропаганда.

И красный генералъ Пети, и коммунистическій депутатъ Гароди утверждали какъ разъ обратное. Когда Кравченко говоритъ, что тотъ фактъ, что пѣмцы не взяли Москву, есть чужо, Нордманн считаетъ, что Москва не была взята потому, что СССР располагалъ крупнымъ военнымъ потенциаломъ, о чемъ писали впоследствии пѣмепкіе генералы. Когда Кравченко говоритъ о бунтѣ в Москвѣ в ноябрѣ 1941 года, онъ жметъ, такъ какъ никакого бунта не было.

Затѣмъ Нордманн переходитъ къ статьямъ Б. Николаевскаго о расовцахъ, напечатаннымъ в "Новомъ Журналѣ" номера 18 и 19, къ статьѣ Андрэ Шера в "Мондѣ", о единствѣ народа и режима, къ показаніямъ Л-ра Фишеза об энтузіазмѣ, с какимъ рус-

скіе пѣмцы возвращались къ себѣ домой...

Процессы 1930-38 гг. Нордманн объясняетъ, какъ борьбу Сталина съ саботажниками и измѣнниками.

Ралекъ о Тухачевскомъ твердилъ, какъ о патріотѣ, но теперь мы знаемъ, что Бенешъ выдалъ Тухачевскаго Сталину, какъ измѣнника, значитъ и Тухачевскій, и самъ Ралекъ были преступниками, и процессы надъ ними были справедливы. Американскій посолъ в Москвѣ, Дэвисъ, самъ считалъ, что заговоръ Пятакова существовалъ, онъ былъ на судѣ и впоследствии написалъ объ этомъ. Такъ же и Литтонъ Пэтч, который еще в 1931 году в Берлинѣ замѣтилъ, что Пятаковъ заказываетъ втрѣдорога машинны, которыя СССР вовсе не нужны. Это было вѣдательство, и людей необходимо было за него казнить.

По словамъ Нордманна — советскій режимъ гуманнѣйшій режимъ. Всѣ работаютъ, всѣ довольны. Даже Липы, которые показывали за Кравченку, работали и жили в СССР, несмотря на то, что часть изъ нихъ была "непролетарскаго" происхожденія. Что до Рамзина, осужденнаго по процессу промпартіи, то ему недавно выдали сталинскую премію, и

он прощен, и работает на пользу своей родины.

— Здѣсь нам питировали проф. Гравенна, знатока совѣтской статистики. Откуда он берет свои данныя? Он берет их из книг Кестлера и Кравченки, а Кравченко подпирается Гравенном. Вот их система — они поддерживают друг друга.

Мэтр Изар (прерывая): Гравенн обудует официальными совѣтскими данными.

Нордманн: Не прерывайте меня! Здѣсь не палата, в которой вы когда то сидѣли, а теперь не сидите больше, и вам это обидно.

Мэтр Изар: Я еще очень добр с вами...

Нордманн: Кестлер видѣл испанскіе ужасы и описал их, говоря, что они имѣли мѣсто в Россіи. И он, и Кравченко рассказывают безчисленные случаи, когда осужденны были невинные. Это ложь! Бухарин, будущи за-границей, видѣлся с Николаевским — за это он и пострадал.

Нам много здѣсь рассказывали о чистках. Что это такое? Это провѣрка лучших людей, большевиков, партійцев, которые всѣ полусвятыя, потому что за маленькое жалованье работают не за страх, а за совѣсть. Если один из них окажется слабым, или ошибется, или не будет постоянно готов жертвовать собой, то его исключают из этого "избраннаго" крута людей. Это дѣлалось и в нас, во время французской революціи, и это было правильно. Сеансы чистки — публичные, совершенно законные. Миѣ смѣшно, когда говорят, что во время чисток исчезали люди: в 1928 г. было 800.000 партійцев, а в 1931 — три милліона! Какія же тут чистки? Жертвенных людей все прибавляется.

Нордманн посмѣивается и продолжает:

— Партійцы одно время получали 500 рублей в мѣсяц за работу, за которую безпартійный получал 1.200 рублей. Теперь этого нѣтъ, теперь им прибавили. Среди них нѣтъ карьеристов. Они всѣ — пацифисты, но если будет война, они пойдут в первую голову добровольцами. Это лучшие люди СССР, которые строят социализм.

Затѣм адвокат объясняет, что такое лагери.

— В СССР очень мало тюрем, — говорит он, — потому чтостроены исправительные, а вовсе не концентрационные лагеря. Там перевоспитываются люди. Они работают, они строят каналы. СССР оказывает преступнику кредит. Всѣ давно знают, что это существует, ничего нового мы здѣсь о лагерях не узнали: на Бѣломорскій канал возили в свое время иностранцев. Всѣ были восхищены методами работы. Когда Кравченко говорит, что в Россіи 20 милліонов каторжан, то он берет эту цифру у Далина. А тот откуда их взял? Все это только ложь и анти-совѣтская пропаганда!

В этой странѣ нѣтъ эксплуатаци, всѣ живут свободным трудом. Там осуществлен социализм. И потому враги СССР злобствуют.

Возвращаясь к полиціи и НКВД, мэтр Нордманн признает, что в СССР "существует, конечно, полиція, как и всюду".

— Прокламациі Гитлера, изготовленные для Россіи — вот корни Кравченки — даже не Далин, даже не Николаевскій! Потому, что там существует полиція — мы здѣсь свободны! Иначе нѣмцы закабалили бы нас и всю Европу на многія столѣтія. Этой совѣтской полиціи мы должны быть благодарны. Она спасла мир.

Мэтр Изар: А не Англія в 1940 году?

Нордманн: Откуда берутся эти маньяки, которые, якобы, сажают в тюрьму одних невинных? Да, голод был на Украинѣ, — так что же из этого? Мы даже собирали здѣсь на голодающих и посылали им. Это было в 1931 году. А что происходило в деревнѣ в 1945-ом? Об этом Кравченко молчит.

Там осуществлена земельная реформа, самая передовая в мирѣ: коллективизація дала русскому народу огромныя аграрныя возможности. И населеніе так этим счастливо, что, когда нѣмцы захотѣли его освободить от колхозов, то крестьяне отказались, и остались в колхозах.

В 8-м часу вечера рѣчь Нордманна была прервана председателем.

На вторник назначено послѣднее засѣданіе по дѣлу Кравченки, когда Нордманн закончит свою рѣчь и будет говорить прокурор.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ДЕНЬ

ПОСЛѢДНИЙ день процесса возвратил нас к напряженной атмосфере самых бурных заседаний. Зал был переполнен. Засѣданіе, начавшееся в 1 ч. 45 м., кончилось в 10 ч. 20 м. вечера (с двумя небольшими перерывами).

Мэтр Нордманн продолжал свою рѣчь, начатую наканунѣ. Он говорил около 4-х часов, затѣм ему отвѣчал

мэтр Изар. Послѣ кратких выступлений трех адвокатов отвѣтчиков, была рѣчь прокурора, послѣ которой Кравченко, Морган и Вюрмсер сказали свое послѣднее слово.

Кравченко вновь появился в залѣ на своем мѣстѣ. В перерывѣ его окружила публика и ему пришлось написать около ста экземпляров своей книги.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ РѢЧИ НОРДМАННА

АНТИСОВѢТСКИЙ ЗАГОВОР

Все с той же улыбкой, которая не покидает его лица, мэтр Нордманн, говорившій весь день наканунѣ, встает со своего мѣста.

— 30 лѣтъ нам твердят о “злодѣѣ, с ножом в зубах”, — говорит он. — задолго до Кравченки существовали профессионалы анти-совѣтизма. Был француз, Клебер Легэ, был полу-русскій полу-нѣмец Альбрехт. Был однофамилец Кравченки, автор книги “Я был узником Сталина”, который работал у нѣмцев, и который, собственно, ничѣм не отличается от этого Кравченки, хотя имя его и начинается с буквы Р. Его книга тоже продана была в количествѣ полу-милліона экземпляров. Был Валтин, агент Гестапо, посланный в Союз. Штаты для пропаганды. Он несет отвѣтственность за аресты нѣмецких коммунистов; сотрудник прессы Херста, он нынѣ — подданный Союзиненных Штатов.

— Одним из первых книгу “Я выбрал свободу” опубликовал диктатор Испаніи Франко. Зензинов объявлял об испанском изданіи книги Кравченки еще в № 14-ом “Новаго Журнала”. В Америкѣ реакція похлѣла его на шит. В Америкѣ нѣтъ свободы. Сын пѣвца-негра Поля Робезона принужден был похлѣть

в СССР, чтобы поступить в университет — в Америкѣ он не мог этого сдѣлать (смѣх). Томас Манн пѣсид об угрозах фашизма в этой странѣ.

— Предшественник Кравченки был и Бармин, этот агент ОСС А за плателем Скрибнером стоит Рокфеллер. Милліоны долларов идут на анти-совѣтскую пропаганду, по плану нѣкоего Бридж-Дэса. Незаконно Кравченкѣ - Кедряну были устроены вѣзы. Он — ренегат, а всѣ ренегаты, как извѣстно, агенты ОСС (секретная американская служба). Бывают и анонимные агенты — как например автор неподписанной статьи “Сэтерлей Ивнинг Пост”, от 17 янв. 1942 г., под названіем “Сталин думает, что я умер”.

— Бармин бѣжал из СССР в 1937 г. Он был пятой колонной, но 5 окт. 1944 г. ОСС объявил, что выгнал Бармина. Валтин до сих пор не вынан.

Лайонс — сотрудник ОСС, как и всѣ прочіе. Он и есть автор книги Кравченки. Нам пишет об этом наш друг Рэнз Лид.

— Кравченко пишет в своей книгѣ, что Америка предупреждала СССР, что Германія нападет на него. Откуда он это зналъ, если он не

агент? Его называет "политическим информатором" журнал "Европа—Америка", издающийся на американские деньги. Когда "Советский Патриот" писал о нем то же приблизительно, что и "Л. Ф.", Кравченко не притянул его к суду (смѣх в публикѣ). Он сказал здѣсь, что "Л. Ф." были, из всѣх клеветующих, самые опасные. Мы гордимся этим!

Затѣм Нордманн переходит к характеристикѣ Ди-Пи.

С одной стороны он считает, что русскіе, оставшіеся в Германіи, — военные преступники; с другой говорит, что русских среди Ди-Пи вообще почти нѣтъ. Он говорит о Власовѣ и Глазенаѣ, о "Часовом", который безпрепятственно выходил при нѣмцах в Бельгіи, при том же редакторѣ.

— Мы не удивились, когда о трех свидѣтелях Ди-Пи, Пастчиннѣ, Антоновѣ и Клевсунѣ, была советская нота! — восклицает Нордманн и вынимает из папки документ. Это бумага, присланная из

СССР, гдѣ три свидѣтеля Кравченко обвиняются в убійствах партизан и евреев, в кражѣ имущества разстрѣлянных, в выдачѣ Гестапо коммунистов. Антонов значится в этом спискѣ под № 9, Пастчинн — под № 5. Клевсун же был начальником Сумской жанармерии при оккупации.

Мэтр Изар (вскакивает): Вы при свидѣтелях этого не говорили! (он быстрым шагом подходит к столу председателя). Эти документы нам неизвестны! Отчего вы молчали до сих пор?

Нордманн (все улыбаясь): Вы поздно дали нам их имена и адреса. Мы только что получили эти документы.

Мэтр Изар: Все давно было у вас! Вы знаете, что эти люди прошли всѣ комиссіи, на которых присутствовали представители советской власти.

Нордманн: Советскаго контроля не было. Американцы никого не выдают. Они до сих пор не выдали нам убійц Орандур!

Объявляется первый перерыв.

Г-ЖА НЕЙМАН САМА ПРИѢХАЛА В РАВЕНСБРУК

Послѣ перерыва, мэтр Нордманн переходит к показаніям г-жи Бубер-Нейман, жены крупнаго нѣмецкаго коммуниста. "Воспоминанія" этой женщины, которая отбывала наказаніе в Караганлѣ и которую СССР выдал Гестапо, вышли только что по нѣмецки и сейчас печатаются по французски в "Фигаро Литерар".

— Нами получено письмо эт философа Мартина Бубера, из Иерусалима. — говорит Нордманн. — Эта профессиональная пропаганда никогда не была его дочерью.

Мэтр Гейцман: Мы этого и не говорили. Она была его невѣсткой.

Нордманн: Она была женой его сына лѣтъ 20 тому назад. Послѣ Неймана у нея был третій муж.

— Кто такой Нейман? Это гегенат и измѣнник! Он хотѣл бороться с Гитлером, но один, без социалистов, которые были так сильны в 20-х годах в Германіи, и без которых ничего слѣлать было не-

льзя. Его лозунг был: бей социалфашистов! Этим самым он помогал націонал-соціализму. Был ли он сознательным агентом наци или только заблуждался? (Ропот в публикѣ). Политика троцкистов есть политика пятой колонны. Троцкій и Гитлер работали вмѣстѣ, для одной цѣли (гул в глубинѣ зала). И французских троцкистов мы теперь знаем хорошо. Они во время войны работали на нѣмецкую пропаганду.

— В СССР. — продолжает Нордманн, — поведение Неймана было заклѣплено. Он стал шпионом в пользу Германіи, как всѣ троцкисты, как вся лѣвая оппозиція (движеніе в залѣ). Прочтите книгу Стенсенса "Нѣтъ русской загалки!" Там написано, что Гитлер послал в СССР своих агентов и шпионов! Нейман и был одним из них. Жена его сказала, что он был невинен. Она солгала!

— Нѣмецкій писатель А. Норден пишет нам из Берлина, что г-жа Нейман никогда не была вы-

лана Россіей Гестапо. Он пишет, что жена другого писателя, Ганса Кнуда, бывш. редактора газеты "Роте Фане" (живущая сейчас в Америкѣ), ему в свое время рассказывала, что г-жа Нейман свободно и свободно приѣхала в 1940 году из Россіи в Германію. Она обратилась в Москвѣ в германское посольство, прося о репатриации, и ее водворили на родину. Она думала, что ее встрѣтят там с почестями, как жену гитлеровскаго агента. Но она почему то оказалась в Равенсбрукѣ.

Нордманн дѣлает передышку, усмѣхается, и возвращается к дѣлу Кравченки.

ВОЗРАЖЕНІЯ МЭТРА ИЗАРА

— Я протестую против поведенія адвокатов противной стороны, — заявляет мэтр Изар. — Я протестую против лжи и клеветы, против фальшивых документов, против всей этой кухни полтасовок и передержек. Если мы до этого дошли во Франціи, то можно себя легко представить, до чего доходит суд в СССР!

Мэтр Нордманн жовал пѣнь — звено за звеном, так что от одного к другому всё были ею соединены. Знаете, кто орудовал такими средствами? Шарль Моррас в "Аксион Франсез", дѣлал это в свое время: от иностраннаго капитала к издательству, от издательства — к писателю, от писателя — к газетѣ, от газеты — к партіи, от партіи — к ея лидерам. И таким образом устанавливалась связь между каким нибудь американским трестом и Бюком...

Вот до чего довели вас ваши способы дѣйствія. Нетрудно доказать, что председатель Кэй — вапи, если пользоваться такими методами.

В 1939-40 гг. ваша партія называла нашу войну "империалистической" и требовала мира. Вы — новые Деа.

Вюрмсер истерически кричит, протестуя, поднимается стоашный шум.

Предсѣдатель требует тишины.

Вюрмсер продолжает кричать.

Предсѣдатель: Прошу вас! Иначе я вас принужден буду вывести.

Мэтр Изар: Если это нибудь не

— В книгѣ — все ложь, да он и не писал ее! О инфамации может говорить человек, у котораго есть честь. У Кравченки ея нѣт. Навѣты на СССР идут параллельно с навѣтами на французскій резистанс. Если бы Кравченко был в Россіи, то сейчас он был бы в тюрьмѣ!

Мэтр Изар: Вѣрнѣе — на кладбишѣ!

Процитировавъ Бардеша, французскаго защитника націонал-соціализма, сидящаго нынѣ в тюрьмѣ, и, сказав, что Кравченко это тот же Бардеш, мэтр Нордманн просит у суда полнаго оправданія своих подзащитных.

стоит на колѣнях перед СССР, то он — Бардеш! Я знаю, что вы не надѣетесь быть оправданными, но эти методы — недопустимы! Сим Томас на суд не явился... Но обратимся к уваженному вами документу.

Я сообщалю суду, что мы достали опросник Кравченки, анкеты, заполненную им не в 1941 году, а в 1943 г. накануне отъѣзда его за границу. (Мэтр Изар высоко поднимает над головой бумагу).

Из него слѣдует, что опросник, который достали "Леттр Франсез" либо фальшивый, либо просто очень неполный и устарѣвшій. Из наплого опросника слѣдует, что Кравченко вовсе не был амнистирован, но что дѣло было прекращено. Это равница!

Это значит, что он не был прощен за преступленіе, но что суд признавал, что преступленія не было. Из него слѣдует также, что Кравченко занимал крупные посты, что растрата была перетата в 4.000 рублей, и что в Совнаркомѣ, да, да, в Совнаркомѣ, слушайте, слушайте! он состоял начальником группы военных инженеров. Он управлал пѣлым коллективом заводов...

Вся карьера Кравченки в этой анкетѣ! Но мэтр Нордманн, говорят, был болен, и я боюсь, что он по болѣзни слухал, все то, что ему велѣно было сказать.

Я возражаю вам по пунктам, на всё ваши измышленія, неточности и передержки. Кравченко писал о

беспорядках в Москвѣ в октябрѣ 1941 г. Вы утверждали, что беспорядков не было. Вот статья Корякова, вам знакома уже (мэтр Изар показывает суду книгу 20-ю, только что вышедшаго в Нью-Йоркѣ "Новаго Журнала"). Она называется "16 октября". В ней рассказывает о бунтѣ и погромѣ, имѣвшем мѣсто в этот день в Москвѣ, когда власть бросила город и он едва не был сян нѣмцам.

Вы говорили, что насильственной коллективизациі не было, так как в рѣчи Сталина "Головокруженіе от успѣхов" (март 1930 г.) указывалось, что этого дѣлать не надо. А я вам скажу, что до этой рѣчи, была другая, 21 января 1930 года, и рѣчь Молотова, в апрѣлѣ 1929 года, гдѣ говорилось обратное, и послѣ тоже были рѣчи и статьи о необходимости раскулачивания, как, напримѣр, в апрѣлѣ 1930 года, гдѣ Сталин требовал "уничтожать кулаков, как класс" и пѣ было даже сказано "не будем отступать от нашей программы".

Вы говорили о чистках. Оправдывал их, вы признаете, следовательно, что три четверти генералов и членов Политбюро были измѣнниками?

Вы говорили о лагерях. На одном Бѣломорском каналѣ было болѣе миллиона полневольных. Вы утверждали, что СССР перед войной имѣл артиллерию. Это — обычная ваша передержка: никто не говорил, что артиллерія не было, мы говорили, что не было противотанковых орудій, и на это вы не сказали ничего. А о деревянных аэропланах вам сказать было нечего, так как наш свѣдѣтель Мванэ сам на них летал, и значит, они существовали!

О НКВД вы не сказали ничего, объявив, что и во Франціи имѣется такое министерство. Но гдѣ же все таки Нейман? Если бы его судили, это было бы извѣстно. Он просто исчез.

Возвратимся к совѣтской нотѣ о вылазкѣ наших свидѣтелей.

Я утверждаю, что ваши документы об их "коллорабациі" фальшивы. С 1943 года было время объявить эти три имени в списокѣ военных преступников, этого не было слѣдано.

Больше того: в Россіи, как мы знаем, судят и заочно. Почему же Пасѣчника, Клевсина и Антонова не судили заочно?! Тогда мы бы повѣрили, что это военные преступники. Сейчас же этому повѣрить мы не можем.

И послѣнее: нѣсколько слов о г-жѣ Бубер-Нейман. О, как вам мѣшает эта женщина! Как вам мѣшает этот Брест-Литовскій мост, через который ролокли коммунистов и еврея Блоха! Этот мост и эти имена не забудутся, они войдут в исторію, и та грязь, которой вы их облили, тоже войдет в исторію, о ней тоже нельзя будет забыть!

Нѣсколько слов посвящает мэтр Изар возраженіям Блюмеля, который, на основаніи ст. 29 закона о диффамациі, говорил о "добрых намѣреніях" редакторов "Л. Ф.". По мнѣнію Изара, ругательства не могут быть напечатаны "с добрыми намѣреніями". Затѣм он говорит кратко об экспертѣ Познерѣ, "котораго всегдѣ принимать нельзя", и переходит к измѣнѣ Тореза.

— Этот был амнистирован, т. е. за ним было признано преступленіе, — говорит мэтр Изар. — Но вся партія обязана считать его героем.

Бюрмсер: Я предпочитаю уважать его живаго, а не мертваго!

Мэтр Изар: Но он все-таки трус, потому что в один прекрасный день, он исчез, ушел с фронта, будучи мобилизован.

Бюрмсер: Вы сами трус! (Публика протестует).

Мэтр Изар: Был еще один лидер компартіи, который был мобилизован. Это — Фажоп. 9 января 1940 года четыре депутата-коммуниста в палатѣ отказались встать, когда председатель Эррио предложил почтить вставаніем павших на полѣ брани. Среди невставших бы Фажоп. 20 янв. он был мобилизован и говорил в палатѣ об "империалистической войнѣ", которая ведется, "якобы за свободу". Его арестовали.

Бюрмсер и Морган: Нѣт, нѣт, это ложь!

Мэтр Изар: Вы солидарны с дезертирами.

Бюрмсер: Четыре года де Голль был дезертиром! (Шум в публикѣ. Возгласы).

Мэтр Изар: Мы говорим здѣсь не

о политикѣ, мы говорим о диффамациі. Андре Пьер, котораго вы цитировали вчера, прислал вам поправку. Он повторяет, что вполне понимает человека, как Кравченко, который захотѣл свободы. По отношенію к СССР и Сталину — это продолжает оставаться измѣной. Мы в этом с ним совершенно согласны!

Я прошу суд замѣтить, что мы

стоим передъ страшной угрозой: на нашихъ глазахъ происходитъ объединеніе в каменную твердыню сил ненависти, злобы и клеветы. — заканчиваетъ этотъ Пьер свою рѣчь.

В мѣстахъ для публички и на скамьяхъ адвокатовъ разлаются шумные аплодисменты. Предсѣдатель ихъ не обрываетъ.

РѢЧЬ ПРОКУРОРА

Послѣ краткихъ отвѣтовъ адвокатовъ Норманна, Матарассо и Блюмеля, ничего новаго не сказавшихъ, объявляется перерывъ.

Большинство публики покидаетъ залъ на часахъ половина восьмого.

Предсѣдатель Дюржгеймъ рѣшаетъ продолжать засѣданіе, чтобы закончить сегодня же пренія.

Прокуроръ Квассанъ встаетъ со своего мѣста. Онъ говоритъ менѣе часа. Рѣчь его была отвѣченна и вѣскольکو пышна. Его личнаго мнѣнія о дѣлѣ мы не узнали.

— Духовныя эволюціи происходятъ в атмосферѣ свободы. — сказалъ прокуроръ. — Только в свободѣ можно выбирать между добромъ и зломъ. Люди, жаждущіе свободы, бѣгутъ отъ режимовъ, гдѣ угнетена мысль и скрѣплено слово.

Міровая сорбѣтъ судила преступниковъ на Нюренбергскомъ процессѣ. Впервые в исторіи не все было прощено в войнѣ, не все было оправдано. Существуетъ не только право на жизнь каждаго мыслящаго человека, существуетъ право на свободу его совѣсти и на свободу его духа.

Значеніе даннаго процесса — огромно, оно интернаціонально. Здѣсь было доказано, что есть еще в мірѣ мѣсто, гдѣ люди могутъ свободно за-

иншать свои мнѣнія. Во Франціи существуетъ, кромѣ физической, еще и моральная свобода. — все это понималъ, кто слѣдилъ за страстнымъ діалогомъ, здѣсь происходившимъ, в теченіе двадцати пяти дней.

Что намъ далъ этотъ діалогъ? Онъ былъ исканіемъ правды! Человекъ, если на мнѣренія его чисты, долженъ найти в этомъ процессѣ отвѣтъ на свои исканія. Намъ сказали здѣсь нѣскольکو разъ, что демократіи бываютъ разными, другъ на друга не похожими. Мы хотѣли бы быть демократіей независимой и объективной. Ибо предвзятость мнѣшаетъ истинѣ.

Пропаганда всякая — есть насильственное дѣйствіе. Только в безпристрастіи и свободѣ можетъ найтись правда. Міровое общественное мнѣніе настороженно слушаетъ насъ. И нашъ судъ долженъ дать отвѣтъ на вопросы огромной важности, которые ставитъ современность. Мы идемъ сквозь черную ночь, но мы идемъ с факелами.

Я не толкаю васъ к какому либо опредѣленному рѣшенію. Я не вліяю на васъ. Вы должны пребывать в свободѣ. Вы должны найти рѣшеніе, которое не только будетъ истинно, но которое останется в мірѣ, какъ реальность.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО КРАВЧЕНКИ

Г ОСПОДИНъ предсѣдатель, господа судьи!

Процессъ, который проходитъ в свободной Франціи, при неослабывающемъ интересѣ и вниманіи общественнаго мнѣнія міра, подходит къ концу.

За весь періодъ процесса, вы, гос-

пода судьи, и общественное мнѣніе не могли не понять всей серьезности ущерба, который нанесли мнѣ диффаматоры.

Я всегда былъ готовъ, какъ готовъ и в будущемъ, разговаривать открыто и честно на любую тему, но ни одинъ уважающій себя умъ, не можетъ со-

гласиться с тѣм, чтобы политическая дискуссия сопровождалась грязью и безчестными атаками, как это дѣлали мои противники здѣсь и их кремлевскіе хозяева в Москвѣ, против меня.

Этой тактикой они только продемонстрировали свою слабость и в то же время силу моей поавлы.

Желая искренне кооперировать с вами во имя истины, я представил суду свидетелей, газличных по положенію и культурѣ, но одинаковых по своим несчастьям.—жертв режима. Я представил вам документы, манускрипт, гранки, рукопись англійскаго перевода, фанты и цифры.

Я старался убѣдить вас, что не только я сам написал книгу, но что и все написанное в ней, от начала до конца, есть сухая правда.

Мои свидетели — русскіе, украинцы, бѣлоруссы — говорили здѣсь перед вами горькую правду. Они дѣйствительные представители народов Россіи — рабочіе, крестьяне, врачи, инженеры. — а не совѣтская элита, самоувѣренная, наглая, которую вы видѣли здѣсь.

Удивляться, собственно, нечему — наковы хозяева, таковы и их слуги! Достаточно вспомнить морального урода, Романова, или псевдо-генерала Руденко.

Эти субъекты, вмѣстѣ с их французскими агентами, избѣгали и боялись говорить о сюжетѣ книги. Они не могли защищать свой режим, режим АДОЛЬФА СТАЛИНА.

Почему? Потому, что им нечего защищать, потому что я писал и говорил правду и приводил факты, исторые они не в состояніи опровергнуть, в условіях демократическаго свободнаго суда.

Ни они, ни их кремлевскіе хозяева, здѣсь, в судѣ, а равно и их пресса и радио в Москвѣ, как и в других странах, ничего не могли опровергнуть из того, что я написал, и из того, что я говорил здѣсь.

Они стали на старомъ испытанный путь клеветы и провокаціи, клятвопреступлений и лжесвидѣтельств, и не побрезговали представлением в суд фальшивых, сфабрикованных в кремлевском НКВД, документов. Таков их моральный отвратительный портрет и поведеніе. Я думаю, что

вы, гг. судьи, оцѣните это по заслугам.

Я не сомнѣваюсь, что общественное мнѣніе міра уже вынесло моральный приговор тѣм, которые сидят здѣсь на скамьѣ подсудимых, давно как и их кремлевским вдохновителям и хозяевам.

Дѣло теперь за вами, гг. судьи!

К вашему рѣшенію обпашены сердца народов Россіи, милліонов заключенных совѣтскаго режима, народов стран, захваченных Кремлем, и взоры народов всего міра.

К вашему рѣшенію также обращены тѣни милліонов моих земляков, погибших в войнѣ с фашизмом, за наше с вами лучшее будущее.

Я всегда вѣрил, что дѣлаю справедливое дѣло.

Это был мой долг, сказать міру правду такой, какой она была. Это было необходимо не только по отношенію к моей родинѣ и народам Россіи, но и по отношенію к народам міра, чтобы они своевременно поняли серьезность опасности, которая им угрожает.

Чтобы этот долг исполнить, который очень серьезен для меня, я всѣм пожертвовал, и готов и впредь жертвовать и рисковать, в борьбѣ с коммунистической тиранией, ибо этого требуют интересы народов Россіи и прогрессивных сил міра.

Но мой акт, риск, жертвы, как и жертвы народов Россіи не будут морально оправданы, если ваше рѣшеніе, гг. судьи, не будет ясным, четким, строгим и безкомпромиссным по отношенію к подсудимым.

Настало время для западнаго міра смѣло посмотреть правдѣ и фактам в лицо и трезво понять всю серьезность положенія.

Мір не может быть свободен, пока люди на шестой его части — народы моей родины — живут под диктатурой, под насиліем величайшей полицейской власти, которую когда либо знала исторія.

Поэтому неправда, что каждый народ имѣет то правительство, которое он заслуживает! Эта формула вѣрна только для тѣх стран, гдѣ существуют демократическіе, а не тоталитарные порядки.

Эта формула, черезчур часто употребляемая, натравливает западные

народы не против советскаго режима, а против народов Россіи, и этим самым, с помощью кремлевской пропаганды, дѣлает из них противников Запада, а не друзей и союзников, в борьбѣ против всѣх форм диктатуры.

Указанная формула специально приглумана лицемерами; только для того, чтобы умыть руки от так неверно называемаго "русскаго вопроса".

Нѣтъ русскаго вопроса — есть советскій вопрос! Нѣтъ русской политики — есть советская политика! Нѣтъ русскаго правительства — есть советское правительство!

Понимание советской реальности Западом является положительным фактором, но часто комментарии о Советском Союзѣ, дѣлаемые нѣкоторыми западными политиками и прессой, понимают явно анти-русскую форму, глубиню и оскорбительную для народов Россіи, и этим самым позволяют Кремлю возбуждать народы моей страны против вѣншняго міра.

Таким образом, руссофды вооружают, а не ослабляют советскую диктатуру!

Наступило время для западнаго міра понять ту пропасть, которая существует между советским режимом и народами Россіи. Это уже непримиримыя, враждебныя вещи, по их приводѣ и цѣлям.

Есть еще одна высокомерная теорія, у нѣкоторых политиков Запада, утверждающих, что коммунизм, дескать, годится и приемлем для народов Россіи, но не приемлем для народов западных стран.

Однако, эти псевдо-теоретики, забывают, что коммунизм, как теорія, вошел на Западѣ, что он развился теперь и окрѣп в рядѣ стран Европы, не говоря уже о колоніях, что он уже вошел в жизнь их стран, и воинственно разрушает устой их жизни.

Коммунизму удалось создать большое чувство страха у народов ряда стран Европы, и даже посягать на них, и тѣм самым парализовать сопротивление ему.

Если народы Европы не побоят в себѣ этого чувства страха и неуверенности, и не организуются для отпора советскому наступленію, они

серьезно рискуют потерять свою независимость и свободу.

И наконец, есть послѣдняя, искусственно созданная теорія "железнаго занавѣса", авторами которой являются люди прошлаго. Поэтому, они неспособны видѣть действительных причин прошлаго, настоящаго и будущаго, в развитіи коммунизма, и тѣм болѣе, реально развѣшить тѣ социальныя противорѣчія общества, которые его питают духовно, и практически превращают его в серьезную силу и угрозу интересам народов западнаго міра.

Теорія "железнаго занавѣса" существует в фантастическом воображеніи ея создателей, это продукт их лицемерія. Эти господа считают для себя болѣе удобным и выгодным только пугать свои народы коммунизмом и даже социализмом, а не серьезно просвѣщать их, и за этой дымовой завѣсой дѣлать очень мало или ничего не дѣлать, чтобы серьезно улучшить жизнь своих народов.

Эта теорія помогает многим политикам быть в искусственном невѣдѣніи обо всем том, что творится в Советском Союзѣ, и лавировать своей политикой по отношенію к советскому режиму, в зависимости от их надобностей.

Незачѣм доказывать убожество таких идей. Игра — жалкая, без шансов на серьезный успѣх.

Никаного "железнаго занавѣса" нѣтъ!

Милліоны людей различнаго положенія повиновавшихся Советскій Союз, страну лже-социализма и лже-демократіи, принесли западному міру ужасный опыт и знанія о кремлевском царствѣ современных Чингис-Ханов.

Тѣ, которые хотят видѣть и слышать правду, как бы горька она ни была, могут познать ее в полном разнообразіи: как о несчастьях народов Россіи, так и о дѣятельности институтов советской диктатуры, о ея политикѣ, равно, как и о ея цѣлях.

Я могу повторить то, что я сказал в своей книгѣ: борьба с советской диктатурой — это не только дѣло народов Россіи, но кровное дѣло всѣх прогрессивных и честных людей повсюду. Без свободной де-

мократической Россіи мира в міръ не будет.

Почему я говорю об этих теоріях здѣсь? Это не просто желаніе критиковать их создателей. Я говорю об этом потому, что эти теоріи дезинформируют общественное мнѣніе, дезорганизируют прогрессивныя, антикоммунистическія силы, дискредитируют народы Россіи и не ослабляют, а, наоборот, — укрѣпляют советскую диктатуру.

Я не боюсь борьбы! Я ишу борьбы. Я хотѣл дискуссіи на судѣ, честной и политически-принципальной, по существу книги.

Я искал этой дискуссіи не только по поводу того, что я видѣл, пережил, знаю и написал, но и по поводу моего поступка. Но все, что здѣсь произошло со стороны моих противников, и советскаго прави-

тельства, только усилило мою вѣру, что я был прав, и я готов, пока я живу, бороться, гг. судьи, за эту правду.

И именно поэтому, что я прав, вы, г. председатель, и вы, гг. судьи, должны вѣшительно возстановить мою честь, честь моей дѣятельности, и оградить меня от грязи и клеветы. Это не только необходимо для моего настоящаго, но и для будущаго.

Это право всѣх людей, защищать свою честь и особенно мое — потому, что за эту свободу я заплачу больше, чѣм кто либо.

Пусть же ваше рѣшеніе, гг. судьи, вдохновит на борьбу борцов за свободу и справедливость, и безкомпромиссно и жестоко покарает душителей свободы, независимости и прогресса.

ПОСЛѢДНІЯ РѢЧИ ОТВѢТЧИКОВ

Морган и Вюрмсер произносят один за другим краткія рѣчи, в которых повторяют в общих чертах то, что было ими сказано в первый

день процесса. Послѣ чего, председатель закрывает пресію и объявляет, что приговор будет вынесен в понедельник, 4 апрѣля.

П Р И Г О В О Р

В ПОНЕДѢЛЬНИК, 4-го апрѣля, засѣданіе 17-й камеры Сенскаго исправительнаго суда было перенесено из 10-й камеры в 17-ю, которая в два раза меньше той, гдѣ происходило в теченіе двух мѣсяцев слѣшаніе дѣла В. А. Кравченки.

День был лѣтній, вѣтренный, почти жаркій. За двѣ недѣли передыва в Парижѣ наступила весна.

В 1 час дня не только всѣ скамьи были заняты, но буквально нелуда было яблоку упасть — люди сидѣли, стояли в проходах и у окон, двери не закрывались от напорающей в зал толпы.

Журналисты, фотографы, адвока-

ты, жандармы, публики — всѣ тѣснились. Кто гдѣ мог, когда в 1 час 15 минут сам Кравченко, в сопровожденіи своих адвокатов, появился на своем мѣстѣ. Он был нѣсколько блѣден.

Вслѣд за ним, из другой двери, появились гг. Морган и Вюрмсер, их адвокаты, нѣсколько свидѣтелей-друзей "Леттр Франсэз".

Прозвучал звонок, публика встала, и в напряженной тишинѣ, вошел быстрым шагом предсѣдатель Дюркгейм, двое судей и грэффье (секретарь трибунала).

Сейчас же этот послѣдній объявил, что будет прочитан приговор по иску Кравченки.

ПЕРВЫЙ ИСК.

Первый из трех исков предъявлен В. А. Кравченко "американскому журналисту" Симу Томасу и Клоду Моргану, как отвѣтственному редактору "Леттр Франсэз". Предсѣдатель Дюркгейм читает первое заключеніе:

"Принимая во вниманіе, что г. Кравченко привлек к суду Сима Томаса и Клода Моргану за публичныя оскорбленія и диффамацию, напечатанныя в газетѣ "Леттр Франсэз" в статьѣ Томаса 13 ноября 1947 года, под названіем "Как был сфабрикован Кравченко",

принимая во вниманіе, что эта статья содержит в себѣ слѣдующія оскорбительныя для Кравченко строки (слѣдует цитата),

принимая во вниманіе, что Кравченко нанесъ в этих строках клевету, могущую нанести ему ущерб, и привлекъ вышеназванных лицъ к отвѣтственности, вчинивъ им искъ в 3 милліона франков, и требуя напечатанія приговора на страницахъ газеты,

принимая во вниманіе, что 8 ноября 1948 года судъ уже обсуждалъ вину Сима Томаса и, такимъ образомъ, нынѣ предстоитъ рѣшить вопросъ о Клодѣ Морганѣ,

принимая во вниманіе ст. 35 закона 29 іюля 1881 года и дополненіе къ ней от 6 мая 1946 года, по которымъ отъ диффаматоровъ требуются доказательства ихъ утверженій, в видѣ показаній свидѣтелей и предъявленія документовъ,

принимая во внимание, что диффамация касалась трех определенных пунктов, а именно:

- 1) Кравченко не автор своей книги, так как написал в свое время всего 60 страниц, которые никуда не годились,
- 2) Кравченко в свое время был осужден за мошенничество,
- 3) Кравченко — пьяница и в свое время был выгнан за безнравственность с завода в Никополь, и его долги уплатили другие,

принимая во внимание, что Кравченко доказал, что он начал писать свою книгу в апрѣлѣ 1944 года, и писал ее до июля 1946 года; что в мартѣ этого года он представил 600 страниц своей рукописи в одно издательство (в переводѣ Маламута), но издательство отказалось ее взять, послѣ чего он подписал контракт с издательством Скрибнера,

принимая во внимание, что Кравченко утверждает, что он не раз правил текст книги, с помощью переводчика Б. Никольскаго, и правил гранки так, что ему пришлось дополнительно за это заплатить,

принимая во внимание, что Кравченко представил на суд нѣсколько сот страниц рукописи, на русском языкѣ, а также листы перевода на англійскій, что он доставил суду письменныя показанія своих американских друзей, Далина, Зензинова, Лодыженскаго, Штейнгер, Раскина, Хиноя, Левина и издателя Скрибнера о том, как была написана книга, и была произведена экспертиза рукописи проф. Санье, нашедшаго, послѣ анализа чернил, что рукопись была написана задолго до начала процесса,

принимая во внимание, что обвиняемый Морган не представил суду ни документов, ни свидѣтельских показаній, которые бы поколебали утвержденіи Кравченки, а также, что статья Томаса была напечатана задолго до того, как была произведена тщательная экспертиза этого дѣла и, слѣдовательно, у газеты не было данных сомнѣваться в авторствѣ Кравченки,

принимая во внимание, что отвѣтчик и нѣкоторые свидѣтели его говорили о том, что различныя мѣста книги принадлежат различным авторам и что орфографія, употребляемая в книгѣ, то новая, то старая, и что поэтому книга была написана по крайней мѣрѣ двумя людьми,

принимая во внимание, что эти же свидѣтели говорили, что не нашли в рукописи нѣкоторых мѣст, которые оказались в книгѣ, и что она болѣе враждебна совѣтскому режиму, чѣм рукопись,

принимая во внимание, что вся эта критика не имѣет под собой серьезных основаній, и что представлено было Кравченкой 18 глав из 28-ми, так что нѣкоторыя мѣста, найденныя в книгѣ, могли быть в части рукописи, которая не была представлена суду,

принимая во внимание, что показанія свидѣтелей были недостаточны, чтобы вывести из них, что Кравченко не писал свою книгу, и что Морган ничего не слѣлал во время судебного разбирательства, чтобы убѣдить суд в своей правотѣ, но опирался на Сима Томаса, чье существованіе вообще не внушает довѣрія,

принимая во внимание, что поведение Кравченки на судѣ доказало, что он не только не “умственно отсталый” человек, как было сказано в газетѣ, но человек вполне способный написать книгу “Я выбрал свободу”,

что же касается мошенничества, то из книги Кравченки явствует, что он был приговорен за растрату в Кемеровѣ, но дѣло либо было класси-

ровано, либо Бравченко был амнистирован, — чего Ским Томас в своей статье не говорил. Таким образом, Морган умышленно искажал факты.

Что же касается исключенія с завода и пьянства, то ни о долгах Бравченки, ни о его алкоголизме ни один свидетель ничего не сказал. О якобы бывших неприятностях у него по службѣ в Нью-Йоркѣ тоже ничего не было сказано, и таким образом выяснилась полная несостоятельность обвиняемого в этом пунктѣ, и желаніе Моргана очернить Бравченку по этому вопросу.

Однако, необходимо принять во вниманіе, что отвѣтчик был регистрантом и по природѣ своей — ярый полемист и боевой журналист.

По сему, и основывая свое рѣшеніе на том, что Бравченевъ не было нанесено чувствительнаго денежнаго урона, суд присуждает Моргана к уплатѣ Бравченеву 50.000 франков в возмѣщеніе ущерба, нанесеннаго статьей Сима Томаса, к уплатѣ штрафа в размѣрѣ 5.000 фр. и к опубликованію этого постановленія в газетѣ “Леттр Франсез”.

ВТОРОЙ ИСК.

Второй иск предъявлен Бравченкой к журналисту Андре Вюрмсеру и к Блоду Моргану, как отвѣтственному редактору “Леттр Франсез”.

“Принимая во вниманіе, что г. Бравченко предъявил иск 15 апрѣля 1948 г. к автору статьи “Бравченко — вундеркинд”, Вюрмсеру, и редактору газеты, Моргану, считая задѣтой свою честь клеветническими и оскорбительными для Бравченки выпадами,

принимая во вниманіе, что в этой статьѣ находились слѣдующія оскорбительныя для Бравченки строки (цитата).

принимая во вниманіе, что Бравченко требовал 4.000.000 в возмѣщеніе моральных и матеріальных убытков и опубликованія приговора в вышеуказанной газетѣ,

принимая во вниманіе, что отвѣтчики, на основаніи ст. 35 закона 29 іюля 1881 года пожелали привести доказательства своим утвержденіям, по которым, как писал Вюрмсер, Бравченко обманул свое начальство, которое ему оказывало довѣріе, и этим хвастал в своей книгѣ,

принимая во вниманіе, что отвѣтчики назвали Бравченку “мерзкой личностью”, и тѣм самым потеряли мѣру, допустили в сужденіях, и перешли в область грубых ругательств, не для выясненія правды о нем, но с тайной мыслью нанести ему ущерб в глазах его возможных читателей, затронув его честь,

принимая во вниманіе, что Вюрмсер и Морган обозвали Бравченку “предателем” на основаніи его ухода из вашингтонской закупочной коммисіи в 1944 году и его интервью, данаго в то же время “Нью Йорк Таймсу”,

принимая во вниманіе, что до разрыва с совѣтской властью, Бравченко ни в чем недостойном по отношенію к ней не был замѣчен,

однако, принимая во вниманіе, что его выпадъ против режима его страны были несвоевременны и неумѣстны, так как шла война, и в то же время — принимая во вниманіе его слова, что он хотѣлъ послужить союзникам,

и считая, что его мнѣніе о режимѣ есть его личное дѣло, и что он обнаружил его лишь затѣм, чтобы его не выдали совѣтским властям в Америкѣ,

и выводя из этого, что г.г. Морган и Вюрмсер не имѣли права называть Кравченку “предателем”, что они могли критиковать его поведение, не употребляя для этого рѣзких и грубых выраженій, а также считая, что пребываніе Кравченки в комсомолѣ и в Харьковском институтѣ доказано свидѣтелем Лаговским, а работа его при Совнаркомѣ — документами,

и напоминая, что не Кравченко должен был доказывать свою правоту, а, наоборот — г.г. ствѣтчики, —

суд переходит к увѣрженіям “Леттр Франсэз” о том, что рассказы Кравченки в его книгѣ о событіях в СССР были вымыслом.

И в этом пунктѣ, принимая во вниманіе, что Кравченко рассказал в своей книгѣ о нищетѣ и страданіях своего народа, рѣзко обрушиваясь на режим своей страны, и что эти рассказы были подтверждены свидѣтелями, которые находились в тѣх же мѣстах и в тѣ же годы, о которых говорил Кравченко,

но в то же время, принимая во вниманіе, что другіе свидѣтели, разных національностей, говорили обратное,

и заключая из этого, что только тщательное изученіе на мѣстѣ, с возможностью проникнуть в архивы, могло бы разрѣшить этот важный спор,

суд считает себя недостаточно компетентным, чтобы дать свое заключеніе о режимѣ, о котором говорил Кравченко. Суду остается только отмѣтить рѣзкія противорѣчія, которыя обнаружались между свидѣтелями обѣих сторон;

принимая во вниманіе, что Кравченко мог допустить нѣкоторыя неточности в своей книгѣ, и что его выводы могут быть оспорены, что “Я выбрал свободу” иногда приобретает характер памфлета, и что автор ея умалчивает о нѣкоторых положительных достиженіях в его странѣ, доказывая этим свое пристрастіе,

но что, с другой стороны, не было доказано на судѣ, что Кравченко лгал, как не была доказана г.г. Морганом и Вюрмсером правота их увѣрженій, —

суд принимает во вниманіе поведение этих двух лиц во время резистанса, и то обстоятельство, что они оба ярые полемисты, и считает, что им должно влнести умѣренный приговор.

На том основаніи, что матеріальный ущерб, нанесенный Кравченкѣ диффамацией, был ничтожен, и сообразуясь со всѣм дѣлом цѣликом, суд постановляет присудить Кравченкѣ 50.000 франков и обязать г.г. Вюрмсера и Моргана к уплатѣ штрафа в размѣрѣ 5.000 фр. и к опубликованію этого постановленія в их газетѣ.”

ТРЕТИЙ ИСК.

Третій иск был предъявлен Кравченкой к Блоду Моргану, как к автору диффамационных статей.

Суд объявляет по нему слѣдующее рѣшеніе:

“Принимая во вниманіе, что г. Кравченко счел себя оскорбленным

статьями г. Моргана, напечатанными в его газетѣ, 1, 22 и 29 апрѣля 1948 года, в которых истец усматривает клевету и диффамацию (слѣдует цитата),

принимая во вниманіе, что г. Морган никаких доказательств своим оскорбительным для г. Кравченки утвержденіям не представил и вообще не руководился ст. 35 закона 29 іюля 1881 года и его дополненіем,

не предъявил для своего оправданія документов и не пригласил на суд свидѣтелей, чтобы подтвердить свои слова, —

суд может только констатировать, что выраженія “прелатель” и “па-яц” были употреблены без всякаго основанія, с единственной цѣлью задѣть личность и замарать честь г. Кравченки.

Эта цѣль ясна, и тѣм самым установлена диффамациа.

Поэтому г. Морган приговаривается к уплатѣ Кравченкѣ 50.000 фр., к 5.000 фр. штрафа и к опубликованію этого приговора в газетѣ “Леттр Франсез”.

Публика, выслушав чтеніе приговора, отвѣтила на него гулом одобренія. Видимо, отвѣтчики и их адвокаты до послѣдняго момента надѣялись выиграть дѣло. Мэтры Брюгье и Матарассо с смечаленными лицами не скрывали впечатлѣнія, которое на них произвела катастрофа. Нордмани тотчас же скрылся через боковую дверь...

Что касается мэтров Изара и Гейцмана, то они стали переходить из одних объятій в другія, пока не добрались до двери, через которую первым из зала вышел Кравченко, публика и фотографы ринулись за ним. Через безчисленные кулуары Дворца Правосудія, Кравченко почти бѣгом, в сопровожденіи секретаря и толпы журналистов, добѣжал до выхода, ведущаго на Пале Дофин. Там стоял автомобиль. Пожимая безчисленные руки и благодаря навѣво и направо за сочувствіе, Кравченко сѣд в него и скрылся из виду.

На пляс Дофин, как и по другую сторону суда — на бульварѣ дю Пале — нѣсколько времени еще толпились любопытные.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

(2-ой год издания).

**БОЛЬШАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ НЕЗАВИСИМАЯ
ГАЗЕТА,**
выходящая два раза в неделю в Парижѣ.

Адрес:

« LA PENSÉE RUSSE », 26, rue de Montholon, Paris (9e).

Почтовый текущий счет: ССР 5883-44, Paris.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Во Франци: на 26 номеров (3 мѣс.).....	500 фр.
на 52 номера (6 мѣс.)	900 фр.
За-границей: на 26 номеров.....	750 фр.
на 52 номера	1350 фр.

Представители за границей:

АВСТРИЯ:

Columbus Verlag. Feldkirch/Vorarlberg, Vorstadt 24/11.

АНГЛИЯ:

V. Baratohevsky. Russian Book Shop, 28, Tottenham Street,
London. W. I.

АРГЕНТИНА:

V. Werbitzki, Cal. Obligado 2150, Buenos-Aires.

БЕЛЬГИЯ:

Librairie Slava, 13, rue de Roumanie, Bruxelles.

Mr Tchernavsky, 1, rue du Fort, Charleroi.

Mr Grinenko, 12, rue Scherling, Liège.

БРАЗИЛІЯ:

Senor Leo Rubanoff а/о N. Popoff. Calle Valenca 218 Sao Paulo.

ГЕРМАНИЯ:

Mr. N. Rybinsky. München, Feldmoching, IRO Lager, U.S.A. zone;

Mr. F. Leinberger (13a) Nürnberg, Glockenhofstr. 31. U. S. Zone;

Mr. B. Poltschaninov. (16) Mönchenhof b/Kassel D.F. Lager.
Hesse - Germany. U.S. Zone.

ГОЛЛАНДИЯ:

Mr Jourin. Toussaintkade, 26. La Haye.

ГРЕЦИЯ:

Georges Mazaakis et C-o. Patission Str. 9. P.O.B. 178, Athènes.

ДАНИЯ:

Russisk Bibliothek. Brdegade 53. Kopenhagen.

ИРАН:

M. Bezroukoff. Ionssouff Abad, 1661, Téhéran.

ЛИБАН:

Mr Stelmatsky, 120, av. des Français. Beyrouth.

ШВЕЦИЯ:

Kommendor Tsetveruhin. Kvarnbackav. 85. Rikshby. Stockholm.